

Олег ХИМАНЫЧ

И будет летать ЖЕЛЕЗНАЯ ПТИЦА

90 лет назад впервые в практике авиации на морские льды был посажен самолёт, и сделали это русские лётчики

Вместо предисловия

Дмитрий Павлович Рыбников родился 17 октября 1902 года в Архангельске. В кратких строках скромной автобиографии он сообщает: «Отец был служащий, мать не работала. В семье, кроме меня, был брат Сергей на 9 лет старше меня и сестра Агния – на семь лет старше. Учиться я начал с 8 лет. Окончил 3 класса приходского училища, затем 4-х классов городское училище, переименованное затем в высшее начальное. В 1922-м окончил Архангельский техникум водного транспорта, называвшийся при моём поступлении Архангельским торгово-мореходным училищем. Плавать я начал с 1917 года на частновладельческом парусном судне, так как при поступлении в мореходное училище тогда требовался предварительный плавательный стаж...»

Молодой моряк Дмитрий Рыбников плывал матросом на тральщике «Объединение» (1918), на Ледоколе № 6 (1919) участвовал в спасении ледокольного парохода «Таймыр» и английского транспорта «Байминго», которые потерпели аварии в проливе Югорский Шар. В 1920-м – он матрос I класса ледокольного парохода «Георгий Седов», участник известной Карской хлебной экспедиции, а ещё через год – практикант на спасателе «Совнарком».

В дальнейшем Рыбников ходил на ледокольных пароходах, как штурманом, так и матросом. Последнее случилось, когда в пароходстве не оказывалось свободных штурманских должностей. Он плывал на ледокольном пароходе «Георгий Седов», пароходах «Ома», «Революция», «Канин», «Печенга», «Яков Свердлов»... В 1929-м случилось несчастье – при погрузке в порту Дмитрий Павлович получил серьёзную травму, и ему пришлось уйти из Северного пароходства по инвалид-

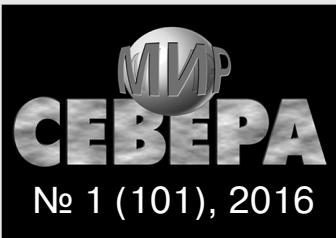
ности. Впоследствии он, хотя и периодически, но плывал в других организациях, работал на перегонах судов. В 1962-м Рыбников ушёл на пенсию с береговой должности.

Дата кончины Дмитрия Павловича неизвестна. Правда, если обратиться к его записям, последние из них он сделал в 1985-м, то есть, когда ему исполнилось 83 года.

Дмитрий Павлович оставил после себя рукописи – 18 обычных 12-страничных тетрадок времён советской средней школы, плюс – порядка полусотни отдельных тетрадных и блокнотных листочков с выписками, уточнениями и пометками автора. Это письменное наследие Дмитрия Павловича Рыбникова в своё время неизвестным мне образом попали к известному фотомастеру Архангельска Николаю Блохину, к сожалению, ныне тоже покойному. В свою очередь Николай Георгиевич незадолго до смерти передал их литератору Михаилу Попову, который в марте 2008 года предложил ознакомиться с ними уже мне.

Признаться, материалы Рыбникова сначала пришлось привести в порядок, в том смысле, что с годами несколько тетрадок здорово обветшали, иные их странички просто рассыпались, перепутались и в итоге оказались под чужими обложками. Только после этого повествования старого моряка приобрели строй. Всё, что Дмитрий Павлович оформил в рукописях, на мой взгляд, можно назвать как воспоминаниями, так и набросками подробных статей о тех событиях истории Архангельского Севера, в которых Дмитрию Павловичу довелось непосредственно участвовать или же иметь к ним отношение. По заголовочным надписям на обложках тетрадей это: «История Северного государственного морского пароходства

→ Продолжение на 3-й странице

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)
Александр ПИЛЯСОВ (Москва)
Дмитрий ЧЁРНЫЙ (Москва)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Евгения МОИСЕЕВА

Обложка:
Наталья БОГАЧЁВА (1-4)

Подписано в печать
19 февраля 2016 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы,
Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ 1064ж

СОДЕРЖАНИЕ

- 1** КРЫЛЬЯ НАД АРКТИКОЙ
Олег ХИМАНЫЧ.
И будет летать железная птица
- 14** РЕГИОН ПОД МИКРОСКОПОМ
Владимир ПОДЛУЗСКИЙ.
Удастся ли новому руководителю рРеспублики Коми
калёным железом выжечь коррупцию?
- 24** ПУТЕШЕСТВИЯ
Наталья БОГАЧЁВА.
Очаровал Таймыр Камчатку
- 32** ВЕРСИЯ
Яков СОЛОДКИН.
Гибель князя Самара
- 35** ИНТРИГИ В КОРИДОРАХ ВЛАСТИ
Вячеслав ОГРЫЗКО.
Цековский часовой у ворот партийной прессы
- 40** НЕПРИДУМАННОЕ
Борис МИСЮК.
Остров Атласова из космоса
- 45** РАССКАЗ
Ольга ИЖЕНЯКОВА.
Семья Ванхо
- 49** ОРНАМЕНТЫ ВЕРЫ
Алина ЧАДАЕВА.
Красные кони Мезени
- 57** СЛОВО О ГЕНИИ.
Владимир БОНДАРЕНКО.
Моя безбожная Россия
- 62** НАХОДКИ
И. НИКОЛАЕНКО.
Мамонты возвращаются!
- 64** РОДИНОВЕДЕНИЕ.
Юрий ГОЛУБЧИКОВ.
Философия Сибири
- 67** СЛЕД В ЖИЗНИ.
Олег МОШНИКОВ.
Нерукотворный памятник Николая Абрамова
- 69** ЭКСПОЗИЦИЯ.
Л. МИЛОВИДОВ.
Русский Север на Крылатских холмах
- 73** ЭПИСТОЛЯРИЙ.
Валентина ЖУРБА.
Ветер в твои паруса

← Продолжение. Начало на 1-й странице

и Архангельского порта», «Образование ледокольного флота на Севере», «О капитане Борисе Ивановиче Ерохине», «Морская экспедиция в Сибирь 1920 года. I-я Советская Карская экспедиция», и, наконец – «Первая посадка самолёта на морской лёд»...

Михаил Сергеевич Бабушкин – русский пилот, впервые посадивший самолёт на дрейфующий лёд моря (репродукция с открытки)

В своё время и я писал о том, как в ходе зверобойной компании 1926 года на Белом море известный советский пилот М.С. Бабушкин посадил свой одномоторный «Юнкерс-13» на лёд недалеко от парохода промысловиков. Ту мою статью опубликовали в марте 1996 года, и хотя с той поры прошло двенадцать лет, моя память, что называется, споткнулась на знакомой фамилии – уж не тому ли Д.П. Рыбникову из экипажа Бабушкина, принадлежали старые тетрадки?! Оказалось – тому самому. Такова любопытная коллизия, и, собственно, краткая предыстория появления этой публикации.

В своё время написать об успешной посадке пилота Михаила Сергеевича Бабушкина на морской лёд меня побудила грубая неточность, которую в начале 1996 года допу-

стили московские телевизионщики в одной из своих передач. Передача называлась – «Река времени». В определённой мере её можно было сравнить с кратким и популярным курсом ликбеза по нашей отечественной истории. Но, к сожалению, порой столичные авторы грешили против истины. Так, рассказывая о событиях, происходивших в Советской Арктике в 1934-м, ведущий передачи – популярный в ту пору журналист Дмитрий Захаров сообщил: лётчики, вывозившие людей из «лагеря Шмидта» на материк, «впервые в истории авиации сажали свои крылатые машины на морской лёд». Ошибка здесь несомненна, потому что впервые в истории авиации самолёт «приледнил» на поверхность замёрзшего моря советский пилот М.С. Бабушкин, и произошло это не в 1934-м, а за восемь лет до «челюскинской эпопеи» – в марте 1926 года. К слову, той же весной следом за Михаилом Сергеевичем Бабушкиным такого рода посадку освоил ещё один известный советский пилот – Апполинарий Иванович Томашевский, а уж после этого посадка на морские льды стала, хотя и рискованным, но уже и обычным делом. Более того, московские авторы «Реки времени» почему-то запомнили, что двумя годами позднее, то есть, уже в 1928-м, посадки самолётов на льды Ледовитого океана стали совершать не только советские, но и авиаторы других европейских стран. Они делали это в ходе знаменитой международной операции по спасению итальянской экспедиции Умберто Нобиле, потерпевшей катастрофу севернее Шпицбергена.

К слову, на неточности газетчиков обращал внимание и Дмитрий Павлович Рыбников. В его материалах обнаружили нескладные писем в редакцию архангельской областной газеты «Правда Севера», где он «поправляет» авторов опубликованных заметок, и, к слову, в одном из случаев старый моряк Рыбников вынужден оппонировать даже лётчику Герою Советского Союза Михаилу Водопьянову!

«За это время в «Правде Севера» было несколько заметок. В статьях «Самолёт надо льдами», «Крылья над Арктикой», «Их было четыре» (имелись в виду ледокольные пароходы) и в других заметках многое не соответствовало действительности, и не указывались подробности, – писал Дмитрий Павлович. – В одной из статей перепутали даже год – вместо 1926-го указан 1927-й...» Далее Рыбников приводит ряд конкретных примеров: «Во всех заметках указывалось, например, что Бабушкин совершил посадку на плавающий лёд один, а на самолёте всегда летали вчетвером: пилот, бортмеханик, начальник самолёта и штурман. Все пишут,

что Бабушкин перед тем, как произвести эту посадку, долго обсуждал, советовался со знающими людьми и договорился, наконец, с капитанами зверобойных судов о времени и месте посадки... Но все переговоры с капитанами вёл исключительно начальник самолёта П.А. Полисадов. Утром и вечером все капитаны давали ему сводки, а он им давал по радио результаты разведки. Все определения, вычерчивание карт полёта лежало исключительно на мне. Разговаривал и советовался Бабушкин с Полисадовым и со мной, так как я уже бывал на зверобойных промыслах в 1923 году на ледокольном пароходе «Георгий Седов». В полётах ему указывали гладкие поля и торосистые, потому что для самолёта торосы и ропаки могли оказаться хуже, чем надолбы для танка, и дело могло закончиться не аварией, а катастрофой...»

Имелись у бывшего штурмана-наблюдателя и другие серьёзные замечания по опубликованным текстам. Как распорядились журналисты «Правды Севера» его письмами, я не знаю, но сам факт расхождений, которые подметил непосредственный участник события, говорит о том, что обстоятельства первой в истории мировой авиации посадки самолёта на морские льды, со временем искажались вымыслами. Сегодня сохранённые записи Дмитрия Михайловича Рыбникова позволяют восстановить истину.

Однако не только в этом состоит ценность письменного наследия архангельского моряка, ведь оно повествует не только о конкретном событии 31 марта 1926 года, но и о том, что предшествовало этому дню, и что последовало после него. Записки Рыбникова по своему рассказывают о 20-х годах прошлого века, содержат множество деталей, как профессионального характера, так и социального, бытового уклада. Они будут интересны нашему любознательному и неравнодушно современнику, как и размышляющим потомкам.

Рассказ бывшего штурмана-наблюдателя самолёта «Промбанк» Дмитрия Павловича Рыбникова

1.

Двадцатого февраля 1926 года я находился в резерве, и был вызван в контору пароходства (Совторгфлота) к инспектору Н.Н. Пестову. Впоследствии мне стало известно, что впервые самолёт для разведки на зверобойном промысле использовали канадцы в 1921 году, а в нашей стране од-

ним из инициаторов привлечения авиации для такой цели был Пестов. Он предложил мне временно перейти на самолёт зверобойной экспедиции штурманом-наблюдателем. Добычей морского зверя и наважкими промыслами ведал тогда Торговый отдел Совторгфлота. Я, конечно, с благодарностью согласился.

Начальником самолёта назначили Петра Андреевича Полисадова. Официально его должность именовалась так – представитель конторы Совторгфлота. Пётр Андреевич был судоводителем, в то же время – гидрографом, имел практику работы в ледовой обстановке не только Белого моря, но и в арктических льдах. Первым пилотом стал Апполинарий Иванович Томашевский – участник дальнего перелёта 1925 года по маршруту Москва-Пекин на машинах отечественного производства с отечественными моторами. Бортмеханика звали – Михаил Васильевич Винников. Был ещё бортмеханик по фамилии Орлов, но он провёл только одну пробную разведку и почему-то не остался работать, уехал обратно в Москву.

Самолёт системы «Юнкерс-13» принадлежал обществу «Добролёт», и прибыл в Архангельск в разобранном виде, по железной дороге. Он назывался «Промбанк», у него имелись регистрационные литеры – RRDAEFB. Машина была тяжеловата, её предельная скорость – 150 километров в час, запас горючего – на 6 часов.

Аэродрома в Архангельске тогда ещё не было. Им служило большое, сравнительно ровное поле за казармой Восстания, которое летом покрывала трава. Помню, как в 1910 году здесь же демонстрировал горожанам свои полёты лётчик В.В. Васильев. Посмотреть на них ясным летним днём собрался, как говорится, весь город, и я тоже оказался в огромной толпе зевак. Правда, тот самый первый полёт прошёл не совсем удачно – аэроплан... сел на деревья «немецкого кладбища» (так в те годы называлось кладбище на Вологодской улице. – *Прим. О.Х.*). Пилот Васильев, при этом, к счастью, не пострадал.

В 1926-м за казармой Восстания располагался ещё и ангар, в котором находился небольшой самолёт «Конёк-Горбунок». Вот сюда с железнодорожной станции на санях лошадьми были доставлены отдельные части нашего самолёта. Мы все участвовали в его сборке. К тому же на самолёте провели дооборудование – в четырёхместной кабине убрали два кресла, и девиатор Архангельского порта Н.В. Вешняков установил на их месте компас. Он же и провёл его выверку. Как и предполагалось по договору, самолёт мы собрали, поставили на него мотор

Самолёт Ю-13 «Промбанк» на льду
Белого моря, март 1926 года

к 25 февраля. В тот же день сделали пробный полёт над городом.

В качестве обмундирования все мы получили тёплую одежду. Мне также выдали навигационные принадлежности – карты, бинокль, параллельную линейку, циркуль, транспорир. Выдали и НЗ – неприкосновенный запас продуктов. Совторгфлот оформил на нас документы в Госстрахе – застраховал каждого на 10.000 рублей.

2.

29 февраля вылетели в село Койда на берегу Мезенского залива. В трёх километрах от села, на замёрзшем озере располагался наш аэродром. Сюда и привезли авиационное горючее. Здесь же обосновалась семья самоедов – поставила свой чум – чтобы охранять горючее и запасные части к самолёту. Мы разместились на временный постой в квартире помора А.Г. Малыгина.

Самолёта в Койде никто не видел. В Мезень до этого летал «Конёк-Горбунок», но над Койдой он не появлялся. Поэтому, когда мы приземлились на озере первый раз, наши самоеды-охранники со страху убежали от самолёта. Однажды мы шли по селу и поравнялись с группой стариков. Кто-то из нас в шутку спросил – не боялись ли они, что мы сядем на крыши их домов? Старики ответили: мы знали, что когда-то вы всё-таки прилетите, потому что в старообрядческих книгах написано: «и будет летать железная птица». В другой раз повстречали старушку. Когда она поравнялась с нами, то обернулась на все 360 градусов и при этом плюнула, как говорится, «на все четыре стороны», зло заключив – «Нечистая сила!». Нечистой силой, надо полагать, был наш самолёт. Некоторые местные жители ещё называли его «дериваб» – от искажённого слова дирижабль, или – «гармоплан», имея в виду аэроплан.

Первую разведку мы сделали у Канинского берега. Она вышла не особенно результативной. Дальше несколько дней стояла нелётная погода – сильный ветер, метель. Тогда же пришла телеграмма, отзывающая А.И. Томашевского в ЦАГИ для испытания самолёта, или как тогда говорили – «на пробу бомбовоза». Томашевский убыл в Москву, а взамен его прибыл лётчик Михаил Сергеевич Бабушкин.

Он был очень славный, добродушный человек, и всегда говорил, улыбаясь. В помещении радиостанции Моржовца кровати наши стояли рядом, и вот как-то мы легли, но, прежде чем заснуть, долго разговаривали. Он рассказывал о себе. Хорошо запомнил, как Бабушкин, между прочим, смеялся – «В лётчики я попал случайно – из-за отличного здоровья, а вообще-то мне бы надо быть фермером», и с увлечением рассказывал про наших кур-хохлаток, кур-леггорнов, выведенных в Америке и про других домашних птиц. Впоследствии он стал знаменитым полярным лётчиком, а тогда пролетал с нами весь март, и это были первые его полёты над морем и плавучими льдами.

Позднее, 1 апреля пилота Бабушкина на самолёте сменил вернувшийся из Москвы Томашевский. С ним мы и вернулись впоследствии со зверобойки в Архангельск.

В Койде мы базировались недолго, так как постоянно нуждались в радиосвязи со зверобойными судами, но ни радио, ни радиотелефона на самолёте не было. Не было радиостанции и в селе, даже почта здесь ходила раз в неделю – по средам. Нам приходилось связываться с судами по телефону через маяк Воронов или же специально лететь через пролив на остров Моржовец, чтобы воспользоваться местной радиостанцией.

19 марта мы перебазировались на Моржовец. Населения на нём тогда было

Самолёты Ю-13 оснащались и гидролыжами, если предстояло садиться на воду

человек 30 – обслуживающий персонал маяка и радиостанции вместе с семьями, да ещё несколько промышленников, которые заехали сюда с осени.

Радиостанция располагалась на берегу большого озера, которое зимой служило нам аэродромом. Тут же на берегу стояла баня, где мы подогревали масло, грели воду для радиатора, чтобы заправить самолёт. Обычно я помогал бортмеханику. Мотор запускался не со стартера и заводился не сразу, особенно в морозную погоду. Пилот садился в кабину, а мы с бортмехаником начинали вращать пропеллер до тех пор, пока пилот не командовал: «Контакт!». По этой команде мы отскакивали в стороны, пилот включал мотор, и тот уже крутил пропеллер. Вечером, когда заканчивались полёты, мы закрывали самолёт чехлом и крепили его за вмороженные в лёд колышки – чтобы машину не сдвинул с места сильный ветер.

На Моржовце нас сначала разместили в комнате с работниками радиостанции – мотористами и радистами. Было тесновато – кровати стояли почти вплотную одна к другой. Было и другое неудобство – вычерчивать карты полётов приходилось на самодельном столе с целоватой столешницей и неровными досками, да ещё и за неимением канцелярских кнопок, использовать в качестве прижимающих грузиков различные предметы, даже... утюг. Тогда мы попросили

начальника станции Е.Н. Гиршевича перевести нас в Красный уголок.

Радиостанция всё время поддерживала связь с ледоколами. Вечером нам обычно давали заявки на разведку в желаемых районах. Мы же сообщали о результатах полётов – о залёжках и о характере льда. В радиограммах указывались координаты и квадраты местонахождения залёжек. Карты с «квадратами» имелись на всех судах. Почему? На договорных началах в Белом море промыслили зверя более 50 норвежских ботов, и на них могли быть люди, знающие русский язык. Они могли «перехватывать» по радио наши сообщения, посылаемые открытым текстом. Потому и применялись как карты с квадратами, так и шифры.

Главная наша трудность заключалась в том, что горючее и масло для самолёта оставались в Койде. Поэтому нам приходилось на заправку летать туда и дополнительно ещё привозить на остров бензин и масло в бидонах на 16 или 20 килограммов.

Почему же так получилось: самолёт без радио, база в одном месте, а заправка через пролив (20 миль) – в другом? Как я узнал позднее, переговоры с обществом «Добролёт» о привлечении самолёта в зверобойную экспедицию начались ещё в июле 1925 года, но по какой-то причине затянулись, и договор был подписан только 30 января 1926 года. Море к этому времени уже замёрзло, и доставить

на Моржовец горючее стало невозможно. Тогда, чтобы начать полёты, часть его завезли в Койду, а остальные 17 бочек доставили сюда же санным путём только к 13 марта. К тому же наши лёгчики были москвичами, и не знали местной обстановки, а заведующий Торговым отделом – Ленгольд вообще разбирался в предстоящем деле меньше всех.

3.

В лётную погоду мы делали за день не одну разведку. Наш район на севере ограничивался кромкой льдов, а на юге линией Данилов – Майда и Мезенский залив. Разведка производилась так. Рано утром мы решали, куда лететь – или в те районы, которые просили обследовать капитаны или, если таких запросов не было, летели по своему усмотрению.

Ещё в Архангельске нам был дан приказ: Полисадову – вести дневник, а мне – вычерчивать на кальке карты разведок. Вот текст инструкции: «Предписывается вести дневник, который должен быть полным отражателем, как всей проделанной работы, так и обстановки, в которой приходится работать. Дневник для конторы имеет особое значение, так как в будущем он должен лечь в основу видоизменения разведывательной службы...».

В кабину с собой я брал карту, бинокль, блокнот. Из приборов у меня имелся только компас без пеленгатора. Работать с ним было трудновато. Компас установили на небольшой стойке на полу кабины. Впереди была глухая переборка, разделяющая пилотскую и пассажирскую кабины, задний обзор отсутствовал. Для наблюдений имелись только 2 бортовых окна, но нижний край их оказался выше уровня компаса. Поэтому пеленгование приходилось производить в лучшем случае в секторе 45 градусов, да ещё и на глаз или, как говорили в старину поморы – «на рукавицу». Через центр компаса прикидываешь ребром руку в направлении пеленгуемого объекта – маяка, мыса, речки, и замечаешь на компасе румб. Конечно, такое пеленгование не было точным, но за неимением лучшего приходилось довольствоваться таким. В любом случае, по окончании промыслов, уже в Архангельске, капитаны ледоколов говорили мне, что места залегания зверя всегда соответствовали действительности.

В полётах мною велась полная запись не только метеорологической обстановки, состояния моря, характера льдов, мест залёжки зверя, но указывался курс, определения, высота полёта и скорость. Отмечали в записях также видимые ледоколы и норвежские

боты. Пометки приходилось вести почти непрерывно, потому что обстановка, и особенно курсы, менялись, и всё это я должен был фиксировать. Поэтому за полёт я исписывал до 8–10 страниц блокнота, хотя записать и велась с условными сокращениями. Например, состояние льда обозначалось так: «п» – поля, «к» – крупный, «кб» – крупный битый, «мб» – мелкий битый, «ш» – шуга. Количество льда оценивалось по 10-балльной системе, какая принята у моряков. Улетая и прилетая, я замечал направление ветра и его силу, чтобы учесть возможный дрейф льдов и влияние ветра на скорость нашего полёта. При обнаружении залёжки её место наносилось на карту. Площадь залёжки зверя определяли по пройденному расстоянию над ней, а плотность залегания с учётом количества на одну квадратную милю. Конечно, абсолютной точности здесь тоже не могло быть.

В марте мы обычно летали на высоте 600–650 метров, а ближе к весне, когда зверь становится более чутким, поднимались на 800 метров. Тюлени, оказывается, обращают внимание на тень от самолёта и тревожатся. Скорость мы держали 130–140 километров в час. Разведка в среднем занимала два – два с половиной часа, хотя были некоторые и по четыре часа. Поэтому иногда прямо с разведки мы летели на заправку в Койду.

Вечером, проложив все курсы, которыми мы шли с момента вылета и до возвращения, сделав сноски на все прочие определения, я наносил на карту местоположения залёжек. С этой карты координаты переносились уже на карту с разбивкой на квадраты, и Полисадов руководствовался ею. Радиogramмы он давал или на все ледоколы сразу, или на тот, что находился к нам ближе.

В целом моя работа была необычной. Во-первых, дело новое. Как штурмана-наблюдателя, меня никто не готовил и не инструктировал. Во-вторых, на самолёте я до этого момента не работал, и даже никогда не летал. Когда в Архангельске мы первый раз совершали полёт над городом, я не мог даже определить, над какой улицей мы пролетаем. Помню, пилот тогда сказал: «Мы привыкли смотреть горизонтально. Чтобы так же видеть вертикально, нужно время, нужно привыкнуть». И я привык довольно быстро.

4.

30 марта капитан парохода «Малыгин» Д.Т. Чертков сообщил нам, что перешёл от Канинского берега к острову Моржовец и стал у большого ледяного поля, выразив желание, чтобы самолёт сел рядом с его

пароходом. К нему присоединился и капитан «Георгия Седова» И.К. Немчинов. Оба они хотели уточнить обстановку. Утром 31 марта была хорошая чисто весенняя погода, ветер – 2–3 балла, хорошая видимость. Палисадов, который сел впереди, рядом с пилотом, радировал на «Малыгина», что вылетаем на разведку и сядем возле них на лёд, а до этого спросил у Бабушкина его согласия на посадку, и тот его дал.

О посадке на лёд мы говорили давно, но Михаил Сергеевич Бабушкин не знакомый с крепостью морского льда, сомневался в удаче предприятия.

Помнится, однажды мы возвращались из полёта в Чёшскую губу, и лететь пришлось в тумане, над шугой, да ещё и мотор капризничал. Потом, уже за ужином, Бабушкин, смеясь, сказал, что он ещё никогда не летал, имея под собой такую странную непосадочную обстановку. Вот, если садиться на болото, то самолёт может какое-то время продержаться, и можно спастись, а вот если сесть на «болотистую кашу», как он называл шугу, никак не спастись!

Лёд сверху и в самом деле кажется хрупким и ненадёжным. Поэтому Бабушкин не был уверен в том, что самолёт не провалится или же льдина не расколется. Мы же с Полисадовым ранее бывали на промыслах в Белом море, и рассказывали ему о характере ледяных полей, полей чистых и торосистых, с ропакками, и как порой ледокол залезает носом на льдину, работает полными ходами, перекладывает руль, дифференцирует балластом, но не может ни обломить льдину, ни сойти с неё.

Ему и промышленники говорили: «Что ты, товарищ лётчик, лёд не только твой самолёт удержит. Вот даже ледокол иногда ударит льдину, вскочит на неё, а она, как ни в чём, ни бывало! Таких птиц, как твоя, хоть, сколько ставь, она всё равно будет плавать...».

Итак, в 8 часов утра вылетели. Обнаружили две залёжки тюленя, причём одну большую, недалеко от ледокольного парохода «Малыгин». Лёд был разреженный, и «Малыгину» можно было легко дойти до зверя.

В 9 часов 40 минут мы вполне уверенно сели на ледяное поле. Оно было большое и ровное. Ещё с полкилометра самолёт «пробежал» по направлению к «Малыгину». На палубу парохода высыпали, чуть ли не все промышленники, а кое-кто побежал по льду к нам, конечно же, не потому, что не ждали самолёта. Просто нахождение на промысле однообразно, и появление самолёта, да ещё на льду, стало большим событием. Бортмеханик остался у самолёта, а мы втроем направились на судно.

Не обошлось без курьёза. В это самое время на острове Моржовец некоторые из работников маяка были на берегу и видели, как мы быстро снижаемся, а потом и вовсе исчезли из поля зрения. Они решили, что самолёт упал в море, и бросились на радиостанцию. Первым откликнулся «Владимир Русанов» и запросил Моржовец – куда идти спасать? Радист «Малыгина» был в это время на палубе, и когда снова оказался в радиорубке, всё разъяснилось.

Капитану «Малыгина» Д.Т. Черткову мы сказали о залёжке, описали картину состояния льда, и он сразу же дал команду готовить машину.

Мы вернулись к самолёту и снова поднялись в воздух, пролетели над разводьями, показывая наилучший путь подхода к залёжке – с подветренной стороны, чтобы дым из трубы не выдал приближение парохода.

На следующий день капитан Чертков радировал нам, что у него на борту уже 6.000 голов зверя, а ведь когда мы были на его судне, их насчитывалось только 1.500. Позже мы узнали, что пароход «Малыгин» ушёл в Мурманск, имея набитыми 14.000 голов. Так же хорошо напромышляли и другие зверобой. Преимущество лётной разведки стало очевидным.

В дальнейшем, если позволял лёд, мы сдвинулись недалеко от ледоколов, чтобы при личном разговоре с капитанами детально объяснить, где находятся залёжки и, как можно подойти к ним. Так, несколько раз сажались около пароходов «Георгий Седов» и «Владимир Русанов». «Русанов» тогда набил 14.000 голов, и, пожалуй, только благодаря нашей самолётной разведке. Капитан парохода Борис Иванович Ерохин, при этом, изъявил желание лично осмотреть залёжку и наилучший путь подхода к ней. Мы с Полисадовым и бортмехаником остались на пароходе, а пилот взял в кабину капитана, 3-го штурмана и судового фельдшера, которые выказали большое желание полетать. Последний раз мы были на «Русанове» 3 мая.

С «Седовым» дело обстояло так. Он не сразу смог пройти к залёжке, которую мы ему указали, а когда всё-таки прошёл, то сразу набил 12.000 голов и первым ушёл в Мурманск. Нужно пояснить, что на зверобойке пароходы делали два рейса: зимний – со сдачей добычи в Мурманске, и весенний, когда суда шли в Архангельск после ледохода на Северной Двине. Здесь туши выгружали на баржи или в Лайском доке, где был салотопенный завод. Получалось примерно – на зимний промысел выпадал март, а на весенний апрель. За март пароходы сжигали свой уголь и расходовали пресную воду.

Запасы они пополняли в Мурманске, и там же выгружались, после возвращались на промысел, чтобы завершить рейс в Архангельске. Так вот «Седов» первым вернулся из Мурманска. 13 апреля этот пароход стоял у большого ледяного поля. Мы спустились около него. Капитан И.К. Немчинов сам вышел нам навстречу. Мы ему сообщили о крупной залёжке примерно в 15.000 голов, затем поднялись в воздух и сделали несколько кругов над ней. Капитан запеленговал место и направился промышлять.

Иногда, пролетая над пароходами на высоте метров 100, мы сбрасывали письма, которые помещали в... бидон. А 5 мая сбросили для «Русанова» патроны.

Исключением был ледокольный пароход «Александр Сибиряков». Капитан его – Иван Петрович Ануфриев, уроженец деревни Зимняя Золотица, человек пожилой, имел большой опыт по добыче тюленя, и вначале нас совершенно не признавал, даже высказывал мысль о том, что самолёт вреден из-за шума мотора, которым распугивает зверя. Как и все капитаны, он получал от нас сведения, но разведку производил самостоятельно, по старинке – шёл туда, где «должен быть зверь». И шёл он порой в трудной ледовой обстановке, бесцельно тратя и время, и уголь. Раз он стоял у Канин-носа, когда мы ему сообщили, что у Конушино в Мезенском заливе и у банки Литке есть хорошие залёжки. Но Ануфриев не пошёл туда, а повернул к Чёшской губе, то есть, в противоположную сторону. С его стороны это было нехорошо по отношению к команде и промышленникам, потому что моряки получали проценты с добытого зверя, а промышленники работали исключительно сдельно.

В самом начале капитаны и других ледоколов поступали так же, то есть шли туда, куда им из своего опыта советовали старые промышленники. Но к весне зверь залегал в таких местах, где не залегал ранее, например, в глубине Мезенского залива. Однажды, а точнее – 1 мая, нам даже пришлось «сгонять» его с Сибиряковских несяков, куда пароходы не могли подойти из-за мелководья. Мы летали, имея высоту менее 50 метров. Испуганный зверь «сливался» со льда, а потом залегал в другом месте, куда промышленники уже могли подойти. От капитанов за это нам была благодарность, а от начальства порицание, потому что летали мы низко, и случись что с мотором, сесть нам было бы некуда – внизу были ледяные поля с торосами.

Надо сказать, что в 1926 году в Мезенском заливе зверя не собирались промышлять, и когда «Русанов» стал бить зверя

напротив села Койда, а «Сибиряков» у Сибиряковских несяков, бывалые промышленники немало тому удивились.

5.

За два месяца зверобойной компании мы отработали на трёх моторах, дважды меняли двигатель – один после 50 часов налёта, другой после 70. Из-за неполадок в моторе несколько раз еле-еле дотягивали до базы и дважды шли на вынужденные посадки – в Чёшской губе и в Мезенском заливе. Первый раз – 21 марта – лопнула пружина клапана исходящего газа, а последний раз вынужденная посадка случилась в день окончания зверобойки – «засорилась свеча». Однажды был случай, когда при посадке в Койде лопнул амортизатор шасси. Кроме того, 16 и 21 апреля при разборке мотора мы обнаружили в стакане поршня стружки, а до этого несколько раз подтекал радиатор, и нам приходилось его лудить.

А летали мы не только надо льдами, случалось, и над мелкобитым льдом, шугой и пространствами открытой воды. При этом у нас не было спасательных средств, хотя бы резиновой лодки, только НЗ (неприкосновенный запас) продуктов на случай аварии. Этот запас состоял из пятнадцати банок мясных консервов, головки сыра (семь-восемь фунтов), солёного печенья (семь с половиной фунтов) и такого же количества плиточного шоколада, было ещё 2 бутылки коньяка.

К слову, в одной из заметок Макса Зингера про наши полёты в 1926 году написано, что когда мы возвращались из Чёшской губы и стали терять высоту с 750 до 100 метров, один из нас, якобы взял в руки этот самый НЗ, открыл дверь и стал выходить на крыло... Попробовал бы сам автор – Макс Зингер встать на крыло летящего самолёта, да ещё и с НЗ в руках!

В действительности дело было так – когда мы стали терять высоту, я, на самый худший случай, взялся за ручку двери, чтобы сразу после посадки, распахнуть её и первым выйти на крыло. Полисадов должен был подать мне пакет с НЗ и выйти следом, а за ним – бортмеханик и пилот.

Подробнее о второй вынужденной посадке. 8 мая у нас была неприятность с мотором, и Полисадов попросил разрешения на вылет в Архангельск. Ему ответили – на ваше усмотрение. Решили лететь 9 мая в 9 утра. Но рано утром капитан «Александра Сибирякова» И.П. Ануфриев впервые и неожиданно попросил нас провести разведку в Мезенском заливе. Погода была ясная, ветер – 2–3 балла. Вылетели в 7 утра. Бортмеханика Винникова с нами не было –

он заболел ангиной. Вместо Винникова на борт мы взяли радиста Копытова, который давно уже просился «полетать». В 7.20 мы были на высоте 720 метров, напротив устья реки Чижга, когда сдал мотор. Самолёт накренился и резко повернул вправо. Кругом был битый лёд и вода, и только справа – ледяное поле, хотя и с ропаками. Приледились, можно сказать, удачно. Ремонт занял минут двадцать или, может, больше. Затем самолёт отрулил на крайне дальнюю дистанцию для разбега. До сих пор я вспоминаю мастерство пилота Томашевского, который смог оторвать машину с той «неаэродромной льдины». Но взлетели благополучно.

6.

Мы вернулись на Моржовец, дали радиограмму на ледоколы, собрали багаж, сменили у самолёта лыжи на колёса и в 13.00 вылетели в Архангельск. По пути домой я попросил разрешения сесть рядом с пилотом. Мне разрешили, а Томашевский даже позволил мне недолго управлять машиной. Это был второй случай. Первый раз меня учил управлять самолётом лётчик Бабушкин 26 марта, когда мы возвращались в Койду. Правил я минут 5–10. В 14.15 прибыли в Архангельск. Помню, по Северной Двине шёл полный ледоход. За казармой Восстания лётчик самолёта «Конёк-Горбунок» Д.В. Вершинский разложил нам знаки для посадки. Сели мы не совсем удачно – в конце поля правым колесом угодили в яму, которую не заметили – её присыпало снегом. Самолёт лёг крылом на землю. Вскоре из казармы Восстания прибежали красноармейцы и помогли нам вытащить колесо из злополучной ямы.

Так закончилась работа первого самолёта на зверобойной компании. В ходе её мы провели 48 разведок, наш самолёт находился в воздухе 172 часа.

12 мая нас вызвали в контору Совторфлота, и её управляющий товарищ Дороднов лично выразил нам благодарность за работу. Тогда же мы узнали результат зверобойных промыслов 1926 года – добыто более 120.000 голов зверя.

Наши полёты на той зверобойке были пробными, экспериментальными. Их опыт использовали уже в следующем году. На Моржовец ещё летом завезли горючее. Лётный состав жил на острове, в специально построенном домике, где имелась даже ванна. Самолёт тоже был другой системы. У штурмана-наблюдателя появилась возможность вести пеленгование на все 360 градусов по картушке.

В отношении зарплаты – лётный состав теперь получал проценты с добытого зверя.

Самолёт Ю-13 на обычном колёсном шасси

Расчёты были такими – штурману полагалась ставка 800 рублей, плюс полярные – 35 процентов, плюс каждой «убитой головы» – по 2 копейки и плюс за каждый лётный час ещё 14 рублей. В итоге, если взять данные 1926 года, получается 7.600 рублей. А мне в 1926-м полагалось только 150 рублей в месяц и больше ничего, в итоге заработал – 400 рублей. Вот вам и разница!

На следующий год я снова оказался на зверобойных промыслах в Белом море, но уже в привычном для себя качестве – 2-го помощника капитана ледокольного парохода «Георгий Седов», которым командовал В.И. Воронин.

Позднее, я знаю, промысловики отказались от использования и ледокольных судов, и самолёта на промыслах в Белом море, поскольку, как я понял, их участие обходится очень дорого. Например, ледокольный пароход «Георгий Седов» с экипажем в 35 человек за сутки работы сжигал около 30 тонн угля. Ледокол «Ленин» с экипажем в 105 человек тратил угля и того больше – около 100 тонн в сутки.

С 1966 года промысел в Белом море обслуживают вертолёты. С них производится разведка, на них зверобой доставляется к залёжкам, на вертолётах вывозится и добытый морской зверь. Насколько мне известно, на убой зверя введено ограничение, так как численность тюленей резко уменьшается. Если мы в 1926 году добыли 120.000 голов, то на этот (1964) год план составляет всего 20.000. А ведь были годы, когда с ледоколов и в прибрежном промысле забивали больше 150.000 голов. Это, не считая добычи норвежцев, число ботов у которых, иногда доходило до 100.

Вместо примечаний

Сегодня есть возможность дополнить рассказ Дмитрия Павловича. Впрочем, правильнее будет сказать так – мы обязаны дополнить его воспоминания, поскольку речь идёт о далеко не рядовом событии в мировой истории авиации. К 1926 году аэропланы,

самолёты, дирижабли уже летали над морскими пространствами, в том числе и над теми, что были скованы холодом, но сесть на дрейфующие льды никто ещё не отваживался. Даже Амундсен, попытавшийся достичь по воздуху Северного полюса, остановил свой выбор на гидроплане, чтобы в случае крайней опасности приводниться в полынье.

Интересны, прежде всего, впечатления самого пилота Бабушкина. Об историческом для авиации событии 31 марта 1926 года Михаил Сергеевич рассказал газетчикам так:

«Моя мечта – посадить самолёт на плавающую льдину – сбылась. Хотя были скептики, они утверждали, что посадка на льдине пока невозможна. Такого мнения был и мой бортмеханик. Однажды день был особенно хорош, ветра почти не было. Небо чистое, и солнышко грело по-весеннему. Мы летели к месту расположения зверя и были прямо ошеломлены – зверя собралось греться такое количество, что я не смог всего охватить глазом с высоты 700 метров. Не мог найти края. Куда бы я ни посмотрел – всё зверь и зверь.

Кружась над ледоколом, снизился, выбрал удобный момент, сразу убрал газ и пошёл на посадку. Механик не успел, что называется, и рта раскрыть, как самолёт плавно скользил на лыжах по поверхности ледяного поля. И нас «атаковали» промышленники. Один из них крикнул: «Да он железный, ребята». После этого возгласа каждый из них старался потрогать руками и лично убедиться, правда ли, что самолёт «железный», пришлось тут же устроить маленький митинг и объяснить им, зачем мы летаем, как устроен самолёт и какую пользу приносит воздушный флот промышленности СССР.

Нас принял приветливо капитан. Мы показали ему карту, расположение зверя. Капитан был обрадован... Через несколько дней нами была получена радиограмма капитана: «Нахожусь в квадрате № 264, бил зверя в течение четырёх дней, а пять дней подбирал и погрузил 1000 голов».

После этого капитаны «Малыгина» Д.Т. Чертков и «Георгия Седова» И.К. Немчинов ратовали, чтобы «Промбанк» садился на лёд у судна. Они были активными агитаторами за самолёт».

Высокие результаты промысла 1926 года получили одобрительную оценку и капитанов ледокольных пароходов, и руководства Совторгфлота, но мы приведём здесь только один документ. 8 апреля Управляющий Северной главной конторы Совторгфлота (СГК) Дороднов сообщал правлению общества «Добролёт»:

«СГК, выслушав доклад своего Уполномоченного по наблюдению за проведением зверобойной компании при помощи самолёта, с чувством глубокого удовлетворения констатирует весьма ценную и полезную работу, проделанную пилотом тов. Бабушкиным, который при крайне тяжёлых условиях сурового Севера своим умелым управлением самолёта, давал возможность судам Совторгфлота с наименьшими затратами времени и энергии достигать наибольшего эффекта в проводимой ими работе по добыче морского зверя. Принося вам свою благодарность за командирование опытных пилотов для выполнения намеченного плана работ, СГК Совторгфлота не может не отметить также, что пилот Бабушкин заслуживает всяческого внимания и поощрения».

Правда, выясняется, в ходе зверобойной компании 1926 года были и другие отзывы о работе самолёта. Один из них касается упомянутого Д.П. Рыбниковым эпизода, когда они «сгоняли» тюленей с Сибиряковских несяков. Имеется следующий документ:

«Письмо-телеграмма. В Архангельский губернский исполком. 4 мая. Наш уполномоченный с Моржовца сообщает, что самолёт Совторгфлота 1 мая вблизи от Моржовца на ост-зюйд, где могли промыслять лодочники, спустившись над морем, на низком расстоянии своим страшным шумом специально обганивал залёжки зверя, стремясь вынудить зверя уйти в другое место, удобное промыслять ледоколам. Такой способ самолёта при промысле считаем незаконным, хищническим. Разганивая залёжки зверя вблизи берега, самолёт лишает возможности промыслять на лодках тысячу промышленников беднейшего класса, в дальнейшем убивает новые промыслы государства, лишает трудовое население куска хлеба, зверь шума самолёта страшно боится. Просим воспретить на самолёте делать хищнические набеги и разганивать зверя. Результат благоволите телеграфировать. Проминспекция: Малыгин, Сахаров.

На это сообщение 7 мая в Архгубисполком был дан ответ, в котором автор, судя по всему, покривил душой:

«Возвращая при сём телеграмму Проминспекции по вопросу огона залёжки зверя, СГК Совторгфлота не предполагает, что этот сгон был произведён самолётом умышленно. Полагаем, что при подлёте к острову Моржовец, самолёт вынужден был несколько снизиться, и вследствие близкого расположения к острову залёжки зверя и его крайней пугливости, в настоящее время зверь сошёл вводу. Управляющий СГК Совторгфлота Дороднов».

Есть ещё один любопытный момент зверобойной компании 1926 года, который свидетельствует также и о том, что известные

классовые распри на Севере ещё не стихли. 27 апреля в областной газете «Волна» появилась заметка «Самолёт не для прогулок». Прочитав её, руководство конторы Совторгфлота вынуждено было дать радиограмму на имя Полисадова: «Газета «Волна» указывает на почти ежедневные прогулки самолёта с Койды на Моржовец жён и детей буржуев, отказ от перевозки на Моржовец члена Койденского кооператива. Бурков».

Пётр Андреевич Полисадов ответил на это 29 апреля: «Редкие полёты в Койду производятся за бензином, каждый полёт доношу. Женщина была перевезена только одна – акушерка в виду трудных родов жены служащего маяка. Перегрузка самолёта запасами бензина не позволяет брать пассажиров на борт из Койды».

Ещё одна деталь связана с ЧП, которое случилось в последний день работы на промысле – пилот Томашевский вынужден был садить самолёт на лёд Мезенского залива, и Рыбников пишет об этом. Так вот, эту часть его повествования может дополнить акт, составленный в тот же день, уже после прибытия в Архангельск.

«9 мая 1926 года мы нижеподписавшиеся – представитель Северной государственной конторы Совторгфлота на самолёте П.А. Полисадов и пилот А.И. Томашевский составили настоящий акт о нижеследующем. Сего числа, находясь в воздухе на самолёте «Промбанк» в разведке зверя по Мезенскому заливу, имея высоту 700 метров, остановился мотор. Падение было приостановлено планежем, произвели вынужденную посадку на край льдины. Причём вследствие необходимости крутого планёжа получили сильный толчок самолёта о льдину с ропаками. После исправления мотора снялись в воздух, имея незначительный разбег. Снявшись в воздух, обнаружили отсутствие карманных часов, которые при падении были положены на сидение в кабину самолёта. По этим часам, принадлежащим Совторгморфлоту, замечалось время для учёта пути самолёта. Указанные часы, вероятно, при толчке упали с сидения на дно кабины, и выпали из самолёта при доставании мешка с запасными частями и инструментом, потребным для ремонта мотора. Рискованная вынужденная посадка, опасность для лётного состава не дали возможности обратить внимание на часы, когда оторвались в воздух от льдины, так как сами не знали – сможем ли выполнить этот манёвр».

О своих товарищах по экипажу Дмитрий Павлович сообщает достаточно скупое. Это, конечно, достойно сожаления. И здесь попытаемся его дополнить.

Михаил Сергеевич Бабушкин родился в семье лесничего близ посёлка Лосиноостров-

ский Московской губернии (сейчас это Северо-Восточный округ столицы). В 1914-м он окончил Гатчинскую военную авиашколу и был оставлен в ней инструктором. Во время гражданской войны воевал на Дальнем Востоке. После демобилизации и до конца жизни Бабушкин связал свою судьбу с гражданской и полярной авиацией. Уже после событий, описанных Д.П. Рыбниковым, Михаил Сергеевич был участником спасения экспедиции Умберто Нобиле (1928), открыл воздушную трассу Москва-Ташкент (1930), участвовал в арктических плаваниях на пароходах «Челюскин» (1933) и «Садко» (1935), совершил посадку на Северном полюсе (1936). М.С. Бабушкин – Герой Советского Союза (1937), награждён также орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. Со второй половины 1937 года он участвовал в поисках пропавшего в Арктике самолёта и экипажа лётчика Сигизмунда Леваневского. База его самолёта находилась на острове Рудольфа архипелага Земля Франца-Иосифа. В мае 1938-го, возвращаясь из очередного полёта, в сложной обстановке пилот Б.Г. Чухновский неудачно приземлил самолёт. У Бабушкина, который также был на борту, оказалась раздробленной пятка и повреждено левое плечо. Раненого лётчика отправили в Москву на самолёте Н-212 пилота Я.Д. Мошковского, но вмешалась непогода, которую решили переждать в Архангельске. Отсюда была возможность добраться до столицы поездом, но Михаил Сергеевич, якобы наотрез отказался, сказав – с кем прилетел сюда, с тем и вернусь домой.

Трагедия случилась 18 мая. Одни утверждают, что самолёт стартовал с аэродрома под Холмогорами, другие называют остров Ягодник на Двине, который ближе к Архангельску. Есть письменное свидетельство очевидца – Василия Яковлевича Филина, который в ту пору командовал катером «Аргунь» Беломорского отряда Главсевморпути: «Сразу же после взлёта загорелся один из моторов. Самолёт упал в реку и через несколько минут затонул в Двине. Бабушкина удержала на поверхности воды распахнутая доха. Его выловили подоспевшие рыбаки. Он был без сознания. Решив, что тонувший наглотался воды, спасатели стали подбрасывать его на растянутом брезенте. Как показало потом вскрытие, этого делать было нельзя: осколком сломанного ребра у Бабушкина разорвало лёгкое».

По свидетельству Гавриила Владимировича Личкова, создателя народного музея авиации Севера, в Архангельске мимо гроба М.С. Бабушкина прошло более ста тысяч жителей. Газета «Правда Севера» от 23 мая 1938 года писала: «22 мая в 6 часов 15 минут утра архангельский поезд доставил в Москву

Первые самолёты полярной авиации оснащались специальными шасси, как для посадки на воду, так и на заснеженные площадки. Несущие плоскости самолёта полярного лётчика Отто Артуровича Кальвицы могли выдержать и такой вес...

тела трагически погибших при аварии самолёта Н-212 депутата Верховного Совета СССР Героя Советского Союза Михаила Сергеевича Бабушкина и инженера Иосифа Израилевича Жутовского. На Ярославском вокзале для встречи собрались О.Ю. Шмидт, И.Д. Папанин, Э.Т. Кренкель, В.С. Молоков, А.В. Ляпидевский, М.Т. Слепнев, И.В. Доронин, работники Главного управления Северного морского пути, оборонной промышленности, Главного управления Гражданского воздушного флота, представители общественных организаций».

Погибших похоронили на Новодевичьем кладбище столицы. Сегодня имя Бабушкина носит микрорайон Москвы, станция метрополитена и одна из улиц. Есть такая улица и в Архангельске.

О лётчике, который начинал полёты над Белым морем, но в силу обстоятельств, вторым после М.С. Бабушкина «приледнил» крылатую машину. Апполинарий Иванович Томашевский родился в 1890 году, в крестьянской семье. В 1914-м он окончил школу гидроавиации в Петрограде, Первую мировую закончил в чине унтер-офицера, участвовал в гражданской войне на стороне красных, имел награды, работать лётчиком-испытателем начал в 1922 году. Действительно в июне 1925 года Томашевский участвовал в групповом авиаперелёте Москва–Пекин–Токио, и был удостоен не только советской награды, но и ордена японского императора, тогда же ему присвоили звание заслуженного лётчика СССР. Д.П. Рыбников упоминает момент, когда Томашевского временно отозвали в ЦАГИ для «пробы бомбовоза». Этим «бомбовозом», как выясняется, был туполевский АНТ-4 (ТБ-1) – первый советский тяжёлый бомбардировщик. Умер Апполинарий Иванович очень рано – в возрасте всего 36 лет, и, к слову, в том же 1926-м году. Обстоятельства его преждевременной кончины нам неизвестны.

Представитель Совторгфлота на промыслах 1926 года или как его тогда называли – командир самолёта – Пётр Андреевич Полисадов тоже оставил свой след в истории нашей страны. Он бывший офицер царского флота, гидрограф. Командовал многими экспедиционными судами, работавшими в Арктике и, в частности, «Купавой», «Эдьдинггом» («Зарницей»), «Арктуром», «Пахтусовым»... Известно, что в 1938 году он был старшим помощником капитана бота «Мурманец» и участвовал в операции по снятию со льдины экспедиции СП-1 И.Д. Папанина. Есть упоминания, что в том же году он командовал научно-исследовательским судном «Николай Книпович». Умер Пётр Андреевич в 1952 году.

Наконец, более подробно о самолёте «Промбанк», на котором летали наши герои. Это крупная по тем временам машина германского производства относилась к семейству «Юнкерс-13». Всероссийская акционерная авиакомпания «Добролёт» первоначально не имела самолётов, и потому организовала сбор денег для их закупки. К середине лета 1923 года собрали около полумиллиона золотых рублей и купили первые четыре машины, которые назвали – «Промбанк», «Червопец», «ВСНХ» и «ОДВФ». Затем появились ещё девять самолётов типа «Юнкерс-13», каждая из которых носила имя собственное – так было принято. Первой пассажирской линией, на которую вышли «Промбанк» и его собратья был маршрут Москва – Нижний Новгород, затем его продлили до Казани и Свердловска. Кроме перевозки пассажиров «Юнкерсы» широко использовались для специальных работ, что мы и видим на примере «Промбанка». Для этого самолёты или брали в аренду, или же заключали с авиаторами контракт на определённых условиях.

г. СЕВЕРОДВИНСК

Удастся ли новому руководителю Республики Коми калёным железом выжечь коррупцию?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Зуб премудрости

Летом 94-го, через сто дней после избрания Спиридонова на первый срок, как корреспондент местной «Трибуны», я встречался с шефом его администрации Алексеем Гришиным, чей кабинет соседствовал с приёмной Юрия Алексеевича. Хозяин торопился с кем-то из сыктывкарских господ отобедать в ресторане, но полчаса журналисту выделил. Меня интересовал спиридоновский принцип подбора министров. Тема, видать, благоприятно влияла на аппетит визави, и тот охотно раскрыл главный, как он считал, секрет Коми политической кухни.

— На каждый пост мы рассматривали по пять-шесть кандидатур, — объяснял недавний директор швейной фабрики «Комсомолка», а заодно член президиума Верховного Совета Коми. За год до резкой смены элит он едва не стал первым замом спикера Спиридонова, но вляпался в совершенно дикую историю. На танцах резвый студент выбил депутату, годящемуся ему в отцы, зуб. Гришин свою кандидатуру вынужден был снять. В лавине последующих республиканских

Уже понятно, что Республика Коми, выбросив из своей биографии после проигравшего выборы Спиридонова пятнадцать бездарных лет, с приходом врио губернатора Сергея Гапликова, постепенно возвращается к нормальной жизни. Осенью по видеосвязи Путин дал старт магистральному газопроводу «Ухта — Торжок-2». Решено возвести титановый комбинат в Яреге, обладающей мощным запасом «космического» сырья. Там, между прочим, на нефтяной шахте начинал свою карьеру после магаданских золотых приисков горный инженер Спиридонов. Пока лучший в новейшей истории руководитель северного края, раскинувшегося на девяти параллелях. Близкого по площади двум Белоруссиям. Или Франции и Италии, вместе взятым. За три с небольшим месяца появились многообещающие договорённости с олигархами Вагитом Алекперовым и Алексеем Миллером, лично приехавшими в Коми засвидетельствовать своё почтение Гапликову. День его назначения Путиным, думаю, неслучайно совпал с началом операции наших ВКС в Сирии. Развернулась последовательная борьба Кремля не только с внешним, но и с внутренним врагом — коррупцией и пятой колонной. Восьмого января исполнилось сто дней со дня назначения С.А. Гапликова. Можно подводить первые итоги его правления в регионе, где 19 сентября прошлого года вполне ожидаемо была арестована вся властная верхушка. Сама журналистская судьба позволила мне сравнить, с поправкой на время, две во многом внутренне похожие команды, — спиридоновскую и гапликовскую, перед Новым годом утверждённую врио губернатора.

событий, когда ломались сотни судеб, простой зуб, даже заговорённый жаркими парламентскими дебатами в спорах за новую Конституцию РК, уже не имел никакого значения. О конфузе я знал куда больше коллег, так как приходил на фабрику разбираться и всё услышал из первых уст. Тогда редакция решила промолчать, ибо конкурентом Алексея Фёдоровича выступал её учредитель профбосс Владимир Торлопов. Тоже выбывший из голосования, ибо соперник его упрекнул в происках.

Мы с главой Администрации старались ни намёком не выйти на болезненные воспоминания, показывая, что острить уже нечего. Может поэтому, «дворецкий» был любезен и разговорчив. Таким он для меня оставался в разных ипостасях. Главным федеральным инспектором. Первым замом будущего губернатора. Членом Совета Федерации. И когда объяснял, как оказался за одним столом в компании, где местному генералу Жилину министр Иванов, некогда игравший в одном из футбольных клубов Москвы, пытался блюдом раскроить голову. А Гришин резко закричал, и столовый прибор, как кривой турецкий ятаган, скользнул наискосок. Генерал, поразмыслив, подал Спиридонову (!) рапорт об увольнении, хотя начальство его сидело в Москве. Губернатор, довольный, кивнул и бросил на совещании реплику: «Хоть один генерал оказался мужиком». Хулиган, ведающий в правительстве спортом, кресло потерял, а при Торлопове даже сел за махинации с растоможкой авто. Но и в колонии тренировал экзов, накачивая им

бицепсы. А по выходе завёл гостиничный бизнес в белокаменной.

После ЧП потерял пост царедворца и Гришин. Какое-то время он мелькал в сыктывкарском представительстве «Лукойла», а потом вдруг вынырнул главным федеральным инспектором региона и ушёл в оппозицию Папе. (Так ласково главу звала местная пресса). С точки зрения менеджмента кабацкая драка высветила брешь в подборе кадров. Зато Спиридонов остро чуял деловых нахрапистых людей, кому с некоторым риском можно было поручить любое стоящее дело. А мечтал он возвести пару атомных электростанций, алюминиевый комбинат и вообще развить в крае, наделённом всей таблицей Менделеева, мощную горнорудную промышленность, не исключая добычу золота и серебра. Теперь к этим идеям активно возвращается Сергей Гапликов.

В принципе – спиридоновские министры и были новые русские, а также коми и евреи. Все ещё недавно числились функционерами КПСС. А кто-то даже рассовал партийную кассу по банковским счетам. Посему они оставались государственниками, не чуждыми личного бизнеса. Многие, уйдя с госслужбы, стали в той или иной степени бизнесменами. Решили

за деньги лечить коммерсантов и их домочадцев. Строить элитное жильё. А на пустырях, предназначенных для социальных объектов, тех же поликлиник, открывать рынки, обзаводясь собственными службами безопасности.

Помнится, я в местном приложении «АиФ», где был главным редактором, опубликовал очерк про того бравого служаку, ухитрившегося серебряным блюдом получить чуть ли не по темечку. Пришлось ему на пару недель засесть на «явочной квартире» и залечивать рану травмами, запасёнными тещей. Не зря генерал-конспиратор приходил ко мне в редакцию в спортивном костюме и чёрных очках. На самом деле, было что поведать о нём и более героическое. Пострадавший остался при должности. Вырос уже при приёмниках Папы до сенатора и почётного гражданина Коми. Любопытная деталь. Беседовали мы в сауне. Кто пил пиво. А кто лимонад. Любезный хозяин, как римский патриций, завёрнутый в простыню-тогу, между делом рассказал, как они так же мылись в Воркуте в баньке с начальником охраны Ельцина Коржаковым, почти сплошь украшенным синяками, оставленными злой шахтёрской толпой, рвущейся к президенту. Я пытался включить диктофон. Генерал, недавний кадровый чекист, задержавший в Прибалтике и привёзший в наручниках в Воркуту, где тогда командовал отделом госбезопасности, одного из первых в стране террористов, усмехнулся, влезая в ледяную ванну: «Напрасно. Записывай ручкой».

Конфуз с техникой у меня произошёл и в одной Сыктывкарской школе на лекции для учителей знаме-

нитого академика Неумывакина. Тот, оторвавшись от дел в закрытом чекистском НИИ, приехал в Коми подзаработать и заодно подлечить Спиридонова и кучу местных боссов, традиционной, как он выражался, медициной. Академик как-то нехорошо метров за пять глянул на диктофон, и машинка тут же вырубилась. Пока в нужный момент опять её взором не включил заезжий целитель, некогда бывший одним из первых врачей отряда космонавтов и одним из последних видевших Гагарина.

2. Явление кормчих

За месяц до моего интервью отгремела инаугурация. Гришин встретил и проводил кормчего ельцинской администрации Сергея Филатова.

Стального на вид человека в ярко-синей отутюженной паре и с голубыми, цвета полярного льда, глазами. Я случайно с ним встретился на лестнице музыкального театра, где шло торжество, изаглянул в державные ледышки, окатившие меня чем-то потусторонним. Будто Воланд мимо прошествовал.

Тогда в Сыктывкар нагрянули ханы Башкирии и Татарстана, князь Свердловской губернии, едва

не ставшей Уральской республикой, освящённой царскими мощами, власти-тели именитых хлебных и нефтяных краёв. У театра, в сторонке от других региональных вождей, железной стеной, как волки вокруг вожака, как молодые орлы возле аксакала, почтенно сияли горские предводители, внимая каждому слову высокого худощавого генерала и Героя России Руслана Аушева, год назад избранного президентом Ингушетии. Рамазан Абдулатипов, важный тогда человек в Совете Федерации, увидев подходящую к нему сокурсницу по аспирантуре философского факультета Питерского университета, ректора местной академии госслужбы Валентину Котельникову, обрадованно кивнул: «А, беленькая, я тебя помню». Потом В.К. станет одной из самых близких тайных советниц Юрия Спиридонова. До того близкой, что начнёт третировать дочку отошедшего от шефа Гришина, учившуюся в академии. Только не зря молва гласит: «Выслушай женщину и поступи наоборот». (Это я забегаю наперёд). Толковой помощи от неё Глава так и не получил. А двое её питерских помощников, возникших при Спиридонове, якобы «консультировали» политического соперника Юрия Алексеевича при написании обеих диссертаций по социологии. По крайней мере, один из них и сменил в академии при губернаторе Торлопове саму Котельникову.

Чуть поодаль от других в фойе отдувался тучный хозяин Подмосковья, на кейсе которого красовалась печать, поставленная неразумной северной птичкой.

Как неприкаянный, бродил генерал-полковник, командующий военным округом. Сзади семеня полковник с журналистским значком. Пресс-секретарь. Кажется, все ждали не самой церемонии, а привычного чиновничьему сердцу «шестого вопроса». Шелестели слухи о томящихся деликатесах из медвежатины, кабанины, оленьих языков и сёмги. За пиршеством можно вдосталь поговорить о главном, о чём с трибуны ни один здравомыслящий политик и не заикнётся. О подлинной ситуации в ельцинской стране. Филатов-то улетит. Правда, и сама инаугурация поразила роскошными подарками, вплоть до восточных халатов, и пышными речами, среди которых запомнилась фраза громкого в те времена Росселя, похожая на спич: «Я помню, Юрий Алексеевич, каким ты парнем был в Уральском Горном институте».

Через пару недель Жёлтый дом (Резиденция Главы) внутри походил на изрытое снарядами поле битвы элит. В Лету кануло правительство проигравшего премьера

Вячеслава Худяева, вокруг которого крутились всякие националисты и социологи, волею судеб оказавшиеся потом возле Гайзера. Они отшелестели дутыми процентами и на время сошли со сцены. Кого-то даже отзвали из престижных академий, где они учились по направлению проигравшей команды. Оставшиеся затаились по углам, боясь попасться начальству на глаза. В открытые окна врывался сквознячок, вороша ненужные бумажки, летающие, как им и положено, от одного стола к другому. Правда, за дубовыми и сосновыми перевёрнутыми барьерами

никто не красовался, успех, однако, там протереть не одни штаны и заработать на хлеб с чёрной икрой и редкими тогда киви, коим вознёс хвалу сам Борис Николаевич.

Просторный холл четвёртого этажа был завален старыми простенькими креслицами, стульями, папками и прочим канцелярским хламом. Наверное, его выбросили вместе с прежними хозяевами. Запомнились сиротливо возлежащие флаги России и Коми. Их требовалось водрузить над резиденцией и заставить трепетать на ветру перемен.

Замами губернатора Папа тогда назначил – Анатолия Каракчиева, Александра Окатова, Вячеслава Бибикова, Павла Поздеева, Георгия Дзущева, которым ещё предстояло стать политическими колоссами регионального разлива. У них хватало и гордыни, и административного зуда, и лихости. Помню, один из членов «синклита» звонил в правительственную «Республику» и ругал редактора за опубликованный собственный снимок «с вихрами». Но самое главное, они были профессионалами от Бога. В Кабинет Спиридонов включил министров МВД и юстиции Евгения Трофимова и Бориса Шенкмана. Чтоб было всем понятно, кто в Доме хозяин. Своими в коридорах власти считались два Валерия – руководитель ФСК Рак-Рачек и шеф налоговой полиции Жилин. Почти все двухзвёздные генералы. И только прокурору

Виктору Ковалевскому, тоже обладателю двух звёзд, на совещаниях часто доставалось на орехи. Просто так. Для острастки. Чтоб меньше копался в грязном белье. А был он на удивление доступным. К нему легко можно было дозвониться по обычному городскому телефону.

Вся эта публика, как я уже говорил, годилась для великих свершений, хотя везде требовался острый глаз, а иногда и крепкий кулак губернатора. В Сыктывкаре и Воркуте перебивал весь ельцинский политический бомонд, включая самого президента. Предлагавшего, кстати, Спиридонову стать вице-премьером российского правительства. Тот вежливо поблагодарил и остался первым парнем на «деревне». Однако на пресс-конференциях умеренно, а порой и злорадно, типа «мальчик в розовых штанишках», поругивал меняющихся, как перчатки, премьеров. Перед возможными преемниками Ельцина глава заранее благоговел, оказывая им царские почести. Все визитёры рассматривали республику как полигон реформ. Каждому в обмен на щедрые посулы устраивали банкет. А некоторым даже баньку. Под шумок Коми Кабинет укреплял международные связи. Были подписаны договора с Крымом, Одесской и Николаевскими областями. В таёжной столице побывала зам министра экономики Украины, внешне весьма похожая на Юлию Тимошенко.

3. Макси-министры

В целом тёртыми калачами были и простые министры. В чиновной среде ходили легенды о главном «казначее» Александре Захарове. Реакция того зависела от цвета пасты, которой Папа

оставлял визу на финансовых прошениях. Денег, по мнению бюджетников, всегда было мало, но их, как ни странно, хватало на многое. Даже на праздники. Особенно юбилеи республики. И на вечные проекты – типа Гимназии искусств и Кардиоцентра. И литературу. Жаль, не удалось Спиридонову уговорить на настоящий русский журнал. Писательские силы республики позволяли сделать его не хуже, а скорее лучше некогда именитого «Севера». Разрабатывался даже проект местной «Литературки». С помпой в громадном битком забитом зале мэрии губернатор провёл презентацию «Нашего современника», сделавшего спецвыпуск по республике. Потом, приняв из рук министра культуры и национальной политики РК, славящейся шармом, доктора по диплому, Светланы Терентьевой золотые часы с гравировкой, вручил их Станиславу Куняеву и Александру Казинцеву. Главному редактору «НС» с улыбкой напомнил, как они в годы оные, для Куняева опальные, вместе славно рыбачили на Печоре. Летом того же двухтысячного, после презентации, писательской бригаде Спиридонов устроил вертолётный десант на могучую северную реку.

Когда умирала от безденежья казённая газета «Вера», редактор пробился к Спиридонову, и Ю.А., выслушав ходока, позвонил в дорожное ведомство и деньги нашлись. Было ли там нарушение? Может быть, но газета до сих пор славно освещает православную жизнь почти всего русского Севера. В ней появлялись интервью Валентина Распутина и Владимира Крупина.

Всегда было интересно общаться с министром природных ресурсов Александром Боровинских, интеллигентным,

прекрасным рассказчиком, державно мыслящим и не пропускавшим крупные республиканские литературные вечера. Экологом не только природы, но и слова. Толковым ценителем и собирателем коллекций полудрагоценных камней. Александр Павлович их просто раздаривал. Не зря Юрий Алексеевич его поселил в одном с собою особняке, воздвигнутом прямо в центре Сыктывкара, в пяти минутах ходьбы от собственной резиденции. Там же Глава прописал и министра внешних связей РК Сергея Катунина (Коль Коми по Конституции государство, то почему бы не иметь собственного министра иностранных дел). Сергей Михайлович открыто называл себя учеником Юрия Алексеевича и перенял у него многие повадки. (Потом при Торлопове, уже в ранге мэра столицы, его наглým образом по сценарию вице-губернатора Чернова, мастера интриг, доведших со временем и самого советника Торлопова, а потом зама Гайзера до СИЗО, сместят). Даже вмешательство опального Спиридонова, в то время депутата Госдумы, ничего не изменит.

Катунин любил чиновников, вплоть до завхоза мэрии, и даже редакторов независимых от него газет, вызывать на ковёр. Зато к деньгам относился без пиетета. При случае вытаскивал из кармана смятые купюры и щедро расплачивался. Славился хлебосольством. Уже будучи мэром столицы, пригласил к себе домой на ужин после спектакля Александра Михайлова и Галину Польских. А другой мэр и министр времён Ю.С. Сергей Каракчиев возил в свой загородный дом Геннадия Заволокина, где вместе под баян пели чащушки и лакомились жарким из дикого селезня.

Юрий Алексеевич по своей сути был недавним грозным первым секретарём обкома. Почти все его замы и выдвиженцы прошли выскокую школу, поработав в главном партаппарате региона. Например, министры Андрей Якимов, Сергей Каракчиев и Николай Гусятников. Первые двое курировали уголь, нефть, газ, лес и транспорт. Спиридонов, пытаясь добиться управляемости в хаосе распада старого организма, разорвал на звенья огромное министерство промышленности с длинным шлейфом «титолов». Хозяин не любил министра того учреждения-монстра и под горячую руку обзывал его на совещаниях «человеком с бараньей причёской». Третий в списке, бывший секретарь обкома Николай Гусятников, головой отвечал за госимущество и реформирование предприятий. Были они разные люди. Один славился гусарскими выходками, а за другим помощник, бывший инструктор обкома, как заправский лакей, таскал по коридорам ведомств с режущими ухо названиями «*ихнее-с*» пальто. Все новые министры не могли и дня прожить без кип сводок на столах и вальняжной волокиты, изредка прерывая «стабильность» импульсивными решениями, вызывающими у подчинённых шок. Фактически они управляли распадом советской системы, которую сами же и создавали. В любом случае, огромная машина, в которой всё больше зияли рыночные узлы, скрежетала плохо смазанными шестерёнками, но ползла по ельцинскому «зимнику», в любой момент, норовя свалиться в кювет. При том она значительно обгоняла целые колонны соседних областей и краёв. Думаю, благодаря находчивости и железной воле «кормчего».

Под конец спиридоновской эпохи начались странные кадровые эксперименты. Причём, первый Глава никогда не следовал прогнозам журналистов. А поступал как бы им вопреки. Порой откровенно ошарашивал своей кадровой политикой, всё больше искривляемой капитализмом. Один из ведущих постов, призванных удерживать от катастрофы экономику, занял человек, по возрасту не успевший напитаться советскими методами. Рынок жадно требовал менеджеров с западными взглядами на экономику. Ваш покорный слуга присутствовал на том заседании правительства. Новенький его член, кандидат наук, вальяжно вышел на трибуну, и, изображая теоретика, коим по сути и был, толкнул речугу. Ничего более скучного ни в одном вузе я не слышал. Наоборот, после питерских профессоров находил экономику весьма увлекательной наукой. Спиридонов терпел монолог минут пятнадцать. Потом смешливо прервал оратора и порекомендовал говорить о деле и своими словами. Министр ступешевался. Больше я его на трибуне не видел. Как и в Кабинете Юрия Алексеевича.

В жизни лектор окажется ответным рыночником. Заведёт бизнес. Отгрохает терем. Зато будет жалеть несколько сотен рублей на простые замки. Сторожу ведь платит!

Республика Коми того времени представляла собой котёл с кипящей магмой, из которой, остывая и успешно преодолевая лихие эксперименты, выпекался образ новой многонациональной России. Богатой на недра и людские души. Сюда любили приезжать именитые певцы и актёры. С Софией Ротару Спиридонов прямо на сцене филармонии при всех лихо пройдёт в туре

вальса. Пригласит к себе в резиденцию Ролана Быкова, из которой тот в гостиницу «Сысола» явится с раздутой синей спортивной сумкой и лёгким ароматом элитной водочки. Снизу, из крохотного вестибюля, весело закричит: «Санаева»! Откуда-то из высших сфер спустится супруга киношных Логопеда, отца Фёдора и кота Базилио, известная актриса Елена Санаева, чтобы, встретив мужа, тихо уйти в соседнюю комнату люкс-номера и разобрать пухлую синюю сумку. В ней, кроме прочих даров, возлежали разнокалиберные гвозди для актёрской дачи. В Коми тогда многое чего можно было купить. Хоть сборный коттедж из оцилиндрованных брёвен. Предложением, по слухам, воспользовалась дочь Ельцина Татьяна Дьяченко. А Ролан Быков даст мне длинное интервью, где расскажет, что собирает сказки народов мира, в том числе коми, и о том, как он в Пицунде входил в роль Хрущёва в «Серых волках», почивая в постели бывшего советского вождя.

Словом, в Коми всё шло как надо. Однако кучка загребущих проходимцев приостановила развитие региона. Можно сказать, совершила преступление против России. Республика при Спиридонове, достигнув для того времени своего пика, стала медленно сдавать позиции, всё больше погружаясь в пучину пока ещё осторожного, но всё более заметного национализма. Порой казалось, что мы уже присоединились к Финляндии и даже Эстонии. Пенной поднялись серые чиновники второго и третьего ряда, потянувшие за собой в райские кущи провинциальной богемы кучи бездарей и приспособленцев, кричащих о родине и о Путине. А на самом деле думающих о себе и о своём кармане. О льготах, наградах

и дешёвой славе, которыми пытаются пользоваться до сих пор. Кто они?! Если хотите – предатели России. Не меньшие, чем всякие Макаревичи и Ксюши.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

4. Папа и Зевс

Новгородцы утверждают: «Где София – там Русь». Среди первых храмов, возведённых в Киеве и Новгороде, самые величественные названы её именем. Тридцатого сентября, когда Путин призвал Сергея Гапликова и назначил его врио губернатора Коми, церковью как раз прославлялись Софья и её дочери Вера, Надежда, Любовь. Вселенские бабьи именины. На них полагалось печь пироги. Для глубоко верующего нового Хозяина северной республики (он сам в одном из первых интервью подчеркнул свою высокую религиозность), назначение именно в этот День было несомненным знаком судьбы. Кажется, божественную искру уловил епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим, посвятивший Сергею Анатольевичу свои вполне светские стихи. При всём, блестяще образованный врио не прочь порассуждать о нумерологии и астрологии. Раньше я бы не стал по степени воцерковлённости сравнивать Гапликова со Спиридоновым. Когда-то на мой вопрос о его вере Ю.А. ответил уклончиво. Мол, бабушки требуют построить кафедральный собор. Однако недавно мне рассказали, что Юрий Алексеевич помог родичам вкопать в мёрзлый, а внутри тёплый (!) грунт крест на могиле расстрелянного большевиками священника, близкого родственника жены Галины Ивановны.

При всей непохожести Юрия Спиридонова, пятнадцат

ать лет назад потерявшего пост губернатора, и недавно назначенного Путиным Сергеем Гапликовым, у них немало общего. В глубинном смысле.

Полковник запаса Спиридонов и бывший спецназовец ГРУ Гапликов (нынче минимум подполковник спецслужб), вне сомнения, настоящие патриоты России. Что касается официального образования, то горный инженер и выпускник Питерской ВПШ явно уступал воспитаннику Бауманки, МГИМО и Академии внешней торговли, хотя и имел степень доктора технических наук. Помню, когда я поступил после питерского журфака в местный филиал Северо-Западной академии госслужбы и управления, Юрий Алексеевич выступил перед нами и изрёк: «Мы не профессиональные управленцы. Инженеры и слесари, которых в аврал вызывают на ремонт. Пора думать о менеджерах с дипломами. Рынок того требует». Конечно, Папа прибеднялся. В ВПШ тоже учили не щи лаптем хлебать. Но в целом он был прав. Гапликов – тот самый напророченный своим дальним предшественником Менеджер, дотошно проверяющий исполнение своих поручений. (Например, за двести с гаком километров поехал в дальний район выяснить, отремонтировали ли печку женщине, приходившей к врию на приём).

В девяностые, чтобы как-то усилить своё природное инженерство, у губернаторов вошло в моду получать всякие научные и околонучные звания. Был Юрий Алексеевич дважды общественным академиком каких-то там наук, что, впрочем, вполне соответствовало его уму. Даже своими горизонтальными договорами, например, с Архангельской и Мурманскими областями, Спиридонов как бы стягивал Север дополнительными обрубками.

Словно провидел будущий державный интерес Путина к Арктике. К 23 февраля он в своей резиденции устраивал приём командиров войсковых частей, расквартированных в республике. Глава всегда заботился о кухне местной бригады (теперь полка) внутренних войск. Гапликов же чуть ли не сразу по приезде в Коми посетил в Емве республиканский сборный пункт, лично проверив, *когои как* отправляют служить Родине. Надо было видеть, как перед врио вытягивался военком, не успевший стать генералом. Он-то отлично знал, как служил старшина интернациональной роты Гапликов в отдельной десантно-штурмовой бригаде в Польше, сознательно прервав на два армейских года учёбу в Бауманке. Откуда тяга к армии? Ещё в школе подросток хотел поступать в военное училище. Даже долго носил военную фуражку. Может быть, отца-ракетчика, охранявшего на своей срочной Урал. Однако, поразмыслив, Сергей оказался в самом именитом техническом вузе страны, выпускникам которого хватает работы и на земле и в космосе. А вначале его военной службы всё-таки была сержантская учебка. Могу только представить, чему там учили будущий спецназ ГРУ. Попасть, думаю, туда не легче, чем в суперпрестижную Бауманку. Например, в Мулинскую артиллерийскую школу, которую я прошёл в 71-м, обязательно брали без троек в аттестате и после четырёх медкомиссий.

Спиридонов более двадцати лет назад на Минюст ставил спецназовца МВД, прошедшего Чечню и вскоре получившего погоны с зигзагами и брюки с лампасами. Гапликов предложил, как и положено, Москве на этот им же возрождённый пост потомственного юриста Дмитрия Толстова, до недавних пор

непреклонного федерала, которого, кажется, остерегался серый кардинал региона Чернов, 19 сентября угодивший в Лефортово. Тоже генерала, но, скажем так, гражданского. Если учесть его классный государственный чин, присвоенный президентом. До недавних пор курировавшего судей и адвокатов. А ещё раньше начальника штаба МВД Коми. (Сам врио уже пять лет действительный государственный советник РФ второго класса). Теперь, можно сказать, старшина многонациональной Республики Коми, где русских более шестидесяти процентов, а самих коми едва за двадцать. Население региона – более восьмисот шестидесяти тысяч.

Сергей Анатольевич, как своеобразный эмиссар Владимира Владимировича, уже провёл несколько заседаний Антикоррупционной комиссии и совещание по обеспечению правопорядка. Высказал генералам и полковникам немало претензий. Например, почему до сих пор в Коми действует 116 групп антиобщественной направленности, в которые входят более трёхсот подростков? Также приказал выместить из республики левых таксистов, угрожающих честным зелёным шашечкам. Всех, кого следует, порекомендовал отправить на нары.

По возрасту Гапликов годится Спиридонову в политические сыновья. Только «сын» в карьере рос быстрее. Если у Юрия Алексеевича родители простые рабочие, то у Сергея Анатольевича отец сначала председатель колхоза, а потом на БАМе механик автоколонны и главный механик стройтреста. Детство Ю.С. прошло в омской деревне Полтавке, а С.А., родившись в Киргизии, рос среди кочующих бамовских вагончиков. Оба из казаков, чьи предки вышли из средней

полосы. В 24 года Гапликов уже входил в экспертный совет при Бюджетном комитете СФ. Помогал разрабатывать проект закона о финансово-промышленных группах. В этом возрасте «отец» в должности мастера командовал старателями под Магаданом, внося свою золотую лепту в экономику СССР. Сергей Анатольевич в 34 уже премьер Чувашского правительства. А до Чебоксар четыре года трудился в мэрии Москвы, занимаясь внешнеэкономической деятельностью столицы, а потом столько же лет возрастал в федеральном Минэкономразвития и торговли, дойдя до зама шефа Департамента стран Европы. Лишь в 37, пройдя все ступеньки на Ярегской нефтешахте, вплоть до директора, Юрий Спиридонов станет завотделом Ухтинского горкома партии. Только в 47 Ю.А. доберётся до кресла второго секретаря обкома партии, а в 51 станет полномочным руководителем региона. Сергей Анатольевич на эту высоту взберётся в 45, но успеет после Чувашии поработать замом руководителя аппарата правительства России Сергея Собянина. В самый критический момент, когда многим казалось, что Олимпиада сорвана, а миллиарды, на неё отпущенные, разворованы, Путин назначил Гапликова президентом госкорпорации «Олимпстрой». Кроме прочих моментов, учитывалось, наверное, что кандидат на пост последнего русского «Зевса» мастер спорта международного класса по водному поло. Не зимний вид спорта, но всё же. А вот Спиридонов любил русский хоккей. И даже в Сыктывкаре построил блистательный Дворец спорта, альбом с проектом которого в буквальном смысле по приезде в Коми прикарманил Александр Лукашенко. Потом в Минске батька возвёл такое же чудо

архитектуры. В подвале своего княжеского терема Юрий Алексеевич оборудовал спортзал, где по утрам крутился на разных снарядах.

Папа и сын от политики были равнодушны к рыбалке и охоте. Обоих приучили родные отцы. Одного в омской Полтавке. Второго на бамовском раздолье, кишащем дичью и рыбой.

У Ю.С. и А.С. жён зовут Галинами. Галина Ивановна и Галина Евгеньевна. Обе, когда разрешалось, занимались крупным бизнесом. У Спиридонова дочь Марина, участвовавшая, как и Татьяна Дьяченко, в выборах отца. Нынче бизнес-леди. У Гапликова – Дарья, недавно закончившая в Москве Финансовую академию. Не удивлюсь, если москвичка Дарья Сергеевна в сентябре появится в Сыктывкаре и займётся пиаром.

И Спиридонов, и Гапликов, хоть и не боги, но прирождённые вожди. Юрий Алексеевич, можно сказать, весь свой век был коммунистом. Однако в нём дремал крупный предприниматель. Блеск колымских самородков ещё в юности разбудил в будущем Коми губернаторе дремавшую золотую жилу делового человека. Сергей Анатольевич всю предыдущую жизнь оставался беспартийным. На БАМе он, как Ю.С. на Колыме, полюбил Север. Поэтому как-то в Сыктывкаре заявил, что не собирается отсюда уезжать. Мечтает о десятках миллиардов инвестиций и пообещал жизнь в Коми сделать как в Европе. Юрию Алексеевичу для такого рывка хватило бы и десяти миллиардов. По крайней мере, такая цифра гуляла в его планах. Черновская пресса тогда сильно потешалась над ней. Правда, и рубли в те времена были длиннее. И нефть, добываемая в Коми, жирнее. Так Гапликов, видимо, отреагировал на упорные слухи,

будоражающие северный бомонд, что Путин его сюда прислал «потренироваться перед броском в президентское кресло». (Кстати, врио свободно владеет английским и немецким языками. Спиридонов же пользовался штатными переводчиками.) Есть и другие различия. Если Юрий Алексеевич последние годы жил в шикарном особняке, то Сергей Анатольевич поселился в простой съёмной квартире, отказавшись от специальной загородной резиденции «Лемью».

Ходят о нём и иные мнения – про ссылку в тайгу. Третьи утверждают, что Гапликов у Кремля самый надёжный контролёр и менеджер, спасающий гибнущие проекты. В любом случае, в подпорченную угро-финским национализмом Республику Коми, которую на специфических картах Запад стал рисовать отдельным государством, теперь уже навсегда, возвратилась Россия. Под звон Софийских колоколов.

5. Блочный дом

Под Новый год Сергей Гапликов, получивший до сентябрьских выборов от Госсовета почти в полном объёме полномочия Главы, оглоушил чиновников несколькими указами. Они касались формирования правительства. Министерств и ведомств за счёт ликвидации большей части служб, агентств и комитетов и присоединения их к министерствам вместо 33 стало 22, а по иным сведениям, даже 18. Из родственных подразделений собирались целые блоки. Например, архив и туризм вошли в Минкульт. Дорожников и ЖКХ прикрепили к строителям. Нечто подобное было и при Спиридонове. Блочное мышление позволило сократить число чиновников на десять про-

центов. Правда, экс-президент «Олимпстроя» задолго предупредил, что далеко не все дойдут до новогоднего финиша. Главный спортсмен Жёлтого дома, например, одним из первых был снят с дистанции. Не выдержали марафона министры строительства, здравоохранения и национальной политики. Застрял в им же устроенном бездорожье повелитель большаков и зимников. Обнаружилась идеологическая одышка и политическая близорукость у других участников забега.

Руководителем Администрации под занавес уходящего года стала Елена Шабаршина, недавний шеф республиканского избиркома. Пожалуй, самое неожиданное назначение. Дама вальяжная и одновременно жёсткая, прошедшая и правовое управление Жёлтого дома, и администрацию Эжвинского района столицы. Хотя она и числилась замом мэра, но тот без Елены Викторовны ни одного важного решения не принимал. Даже собственная газета у района тогда выходила. Поскольку пост заместителя губернатора, занимаемый «идеологом» Черновым, ликвидирован, то его обязанности прочат Е.Шабаршиной. Ей предстоит реформирование Администрации. Особенно Управления по связям с общественностью, руководителем которого Павел Марущак 19 сентября был арестован на черноморском нудистском пляже. Небезызвестный генерал Маркин его назвал в числе финансистов гайзеровско-черновской банды. Между прочим, П.М. входил в состав Избиркома и ему приписывались разные аферы с процентами. Шлейф подозрений тянулся в Интернете и за Еленой Шабаршиной, но, Гапликов, явно посоветовавшись с чекистами,

никакого компромата за ней не обнаружил. Я не ручаюсь, что так оно и есть, но в Сыктывкаре всегда любили лить грязь на одарённых людей. Покойный ныне народный писатель Коми Геннадий Юшков, которого называли совестью своего народа, говорил одной из дочерей, что здесь легче простят подлость, чем талант и успех.

Кстати, Администрация с первого января стала, как и президентская, чисто губернаторская. Теперь ею не может, как раньше, командовать и правительство региона. Премьер Владимир Тукмаков разместился в указе лишь на ступеньку выше Е.Ш. Елена Викторовна поставлена над всеми его замами, включая первого – Ларису Максимову, ещё недавнего здешнего главного налогового и федерального чиновника с генеральской звездой на зелёном мундире. Наверное, единственную, кому всевозможные «блогеры» не задали каверзных вопросов. Ожидаемым было назначение на вакансию одного из вице-премьеров Константина Лазарева, полковника запаса ФСБ и кандидата экономических наук, выпускника Московского военного училища и Финансовой академии. Недавнего вице-губернатора Смоленской области и мэра Смоленска, а также руководителя Ярославского областного Ростехнадзора. Одним из первых его призвал в Сыктывкар врио и дал сначала Комитет по ЖКХ. «Варяг» успел отметиться на нескольких коммунальных авариях и сумел их устранить в зародыше. С Лазаревым Гапликов, скорее всего, пересекался в Правительстве, где Константин Григорьевич был помощником председателя Комитета по сощобеспечению военных.

За плечами вице-премьера целая детективная исто-

рия в Смоленске с арестом и жуткими обвинениями в коррупции. Кончилась она тем, что Лазарев вышел из СИЗО на свободу. Суд присудил в его пользу 25 миллионов моральной компенсации, а оперы и их незадачливый агент оказались в Лефортово. По-моему, Сергей Гапликов такой же рискованный мужик, как и Юрий Спиридонов. Мало ли кому какие лапти пытались сплести. Зато прошедшие над пропастью государственные мужчины стали более осмотрительными и, наверное, более мудрыми.

Остался фактически в ранге первого заместителя Гапликова почти его ровесник председатель правительства Владимир Тукмаков, начинавший свою карьеру в одном из банков вместе с Гайзером. Именно Владимиру Алексеевичу пришлось взять в свои руки республику, в миг оставшуюся без главы и спикера парламента. Вместе с легитимными своими замами Алексеем Старцевым и Тamarой Николаевой премьер почти две недели удерживал в равновесии гигантскую административную машину, вибрирующую от паники, близкой к ступору. Присмотревшись ко всем трём, врио оставил их в строю в прежних должностях. Старцева я не знаю, а вот Николаеву помню ещё по министерству образования, где она была заведомом, по вице-мэрству в нефтяной столице Коми Усинске и работе в секретариате одного из вице-губернаторов. Толковый специалист, легко и одновременно глубоко ориентирующийся во всём социальном блоке, за который, собственно, и отвечает.

Отдельным блоком следует поставить постоянного представителя Республики Коми при Президенте

Григория Сарисвили и постпреда Главы в Госсовете Михаила Евдокимова. Первый до недавних пор был замом руководителя «Ростуризма». Кандидат экономических наук. Гапликов пересекаться с ним мог в Академии внешней торговли, где оба они учились, и в коридорах Минэкономразвития, где трудились в одном департаменте. Григорий Наскидович был торговым полпредом России в Чехии и Словакии. Владеет чешским, словацким и английским языками. Михаил Борисович Евдокимов полковник ФСБ. Долго работал в органах госбезопасности в Сыктывкаре. Четыре года возглавлял Контрольно-счётную палату Республики Коми. В неустойчивом Госсовете, где часть депутатов арестована, часть под следствием, а остальные гадают – распустит ли весной Гапликов парламент? – чекист Евдокимов глаза и уши посланника Путина в регионе, пережившем страшный ураган, снёсший не одну чиновную крышу.

6. В режиме форсажа

Мне лично интересно взглянуть на двоих новых министров, с кем Гапликов познакомился в Сочи. Виктором Абулгафаровым и Михаилом Порядиным. Главным строителем. И ответственным за массовые коммуникации, информатизацию и связь. Родился Виктор Шевкетович в соседней Пермской области, но до недавних пор руководил Департаментом строительства Краснодарского края. Был он и гендиректором компании «Омега», построившей в столице Олимпиады знаменитую трассу для российского этапа «Формулы -1». Понятно, что не общаться там с самим «Зевсом» он не мог.

В Коми В. Абулгафаров попал в нелёгкий для отрасли момент, когда господин Гапликов поставил под жёсткий контроль сдачу домов для переселенцев. Республике реально грозила гигантская выплата в Москву, учитывая все штрафы и возвраты неиспользованных инвестиций. Тогда на всю страну прогремела информация, что Гапликов с раскладушкой отправил зама министра Минархстроя Сороку в Ухту, в недостроенный дом. Чтобы лично ускорил его сдачу. Повсеместно принятые меры, включая субботние видеопланёрки с мэрами, весьма значительно подстегнули процесс и почти на миллиард сократили федеральные санкции, что для хилого бюджета Коми оказалось чуть ли не царским подарком. Таким образом, экс-президент «Олимпстроя» Гапликов даже на Крайнем Севере повторил личный южный опыт вывода проекта из кризиса. И Абулгафаров тут оказался просто незаменимым.

Михаил Порядин отвечал за подключение всех учебных заведений России к Интернету. В 2008 году Михаил Юрьевич был назначен ответственным за развитие информационных и телекоммуникационных систем, связи для проведения Олимпийских и Параолимпийских игр. Миллиарды земель видели красочное действо, от открытия до закрытия, благодаря Порядину и его подчинённым, обеспечившим планету видео и звуковыми картинками Игр. Естественно, техника позволила эффективно работать всему аккредитованному журналистскому пулу. Недаром, получив в подчинение сильно изношенные и «прополотые» от талантов СМИ Коми, Порядин заявил, что будет их контролировать

лично, хотя привёз с собой троих заместителей.

Ещё в ноябре он представил Госсовету программу «Информационное общество». Она дороговата, но во многом основана на успешном сочинском и казанском опыте. Со временем обязательно начнёт приносить прибыль. Руководителям Михаил Юрьевич дал гарантию работы с планшетом и электронной почтой в любой точке. Чтобы те подписывали срочные документы хоть в воздухе. Первым лицам Порядин пообещал и новенькие современные сайты. Кроме множества функций, проект позволит следить за каждой машиной «Скорой помощи» и МЧС. Министр заверил, что модернизирует официальный портал региона, оставшийся на уровне девяностых. О многом ещё тогда поведал депутатам Михаил Юрьевич, а в конце речи заявил: «Через прессу, телевидение и интернет Коми будет позиционироваться как самая высокотехнологичная республика». Лично мне нравится такой олимпийский оптимизм.

Из кадров, почерпнутых врио в республике, публика особо одобрительно восприняла министров промышленности, транспорта и энергетики Николая Герасимова и национальной политики Елену Савтенко. Выпускника геологического факультета и аспирантуры МГУ кандидата наук Герасимова Коми знает не только как блестящего специалиста и организатора, но и как эрудита, поэта, мецената, дарующего свои кровные на книги и храмы. Елена Викторовна, культуролог по образованию, ещё недавно из Троицко-Печорского района, примыкающего к Уралу. Пару лет возглавляла так называемый Дом дружбы. Охотно приве-

чала творческую интеллигенцию. Одинаково хорошо относилась и к русским, и к коми писателям. Именно с её назначением врио губернатора задумался об изменении концепции этнопарка «Ибика», где резко выделяются угро-финские краски и ретушируется всё русское.

В республику из Великого Новгорода по приглашению Сергея Гапликова вернулся доктор Дмитрий Березин. Бывший руководитель Воркутинской медицины стал новым министром здравоохранения. Ведь к медикам тут масса претензий.

От старого правительства наиболее значимой фигурой осталась министр финансов Галина Рубцова. Усидели в креслах шефы экономики, природных ресурсов, социальный министр и министр культуры Роман Полшведкин, Владимир Бармашов, Илья Семьяшкин и Анастасия Прокудина. Можно назвать ещё пару-тройку менеджеров, отобранных из гайзеровских назначенцев. Как правило, они и до Гапликова были в ранге и.о.

Над республикой из Сибири, Дальнего Востока и даже Юго-Восточной Азии за сутки пролетают сотни лайнеров, направляясь в Москву, Санкт-Петербург и дальше в Европу. Всплываясь в их инверсионные следы, порой хочется и Коми в режиме форсажа поднялась на свои новые орбиты. Экипаж уже занял места в кабине, а командир корабля, присмотревшись к аппарату вертикального взлёта, взялся за штурвал. Моторы натужно режут, набирая обороты. Центр управления полётами даёт добро.

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ

г. СЫКТЫВКАР

Очаровал Таймыр Камчатку

На полуострове Таймыр сейчас полярная ночь. Где-то в километре от аэропорта «Норильск» тебя встретят горящие огнём на снегу буквы – ТАЙМЫР и белеющий чум. Увидев в темноте ночи среди голой тундры эти светящиеся символы, понимаешь, что стоишь на древней земле с её обычаями, обрядами, заветами.

Здание аэропорта «Норильск», куда прибывает самолёт из Москвы, новое, современное, с красивым дизайном. Многие сделано здесь благодаря одному из богатейших предприятий страны «Норильскому Никелю». Но кроме финансовых вливаний этого предприятия, древняя таймырская земля облагорожена заботливыми руками её жителей: здесь очень многое сделано для комфорта и удобства жизни населения.

После таможенного досмотра, проверки паспортов (что можно наблюдать в редких городах России), мы направляемся в Дудинку – самый северный морской порт в мире.

Здесь в декабре прошли празднества по случаю 85-летия муниципального образования Таймыр в составе Красноярского края, куда влились два округа – Долгано-Ненецкий (Таймырский) и Эвенкийский.

Среди гостей праздника в Дудинку прибыла делегация с Камчатки.

Это – фольклорная группа «Легенда», часть эвенского ансамбля «Нургэнэк». Девять артисток прилетели сюда из эвенского национального села Анавгай.

Живя в центре Камчатки среди лесотундры, камчатцы очень удивились, не увидев

вблизи Норильска ни одного деревца. «А где лес?» – спрашивали они. «У нас нет леса, – отвечала им гид – сотрудница Таймырского Дома народного творчества Ольга. Ближе к Дудинке стали появляться редкие лиственницы и ёлки. Но леса камчатцы так и не увидели.

Второй вопрос анавгайских гостей вызвал улыбку Ольги. «У вас, наверно, вырастает картошка-скороспелка?», – спросили они. «У нас ничего не растает, – ответила Ольга, – у нас – вечная мерзлота. К нам всё завозят теплоходами по реке, и по Северному морскому пути – ледоколами. Камчатцы удивлялись: как же жить, не имея огородов, теплиц. В их краю, где дома отапливаются термальной водой, вблизи горячих источников вырастают

в теплицах не только помидоры, но и виноград с арбузами. Трудно даже представить, что в начале лета жители не вскапывают огороды, чтобы высадить картофель, бросить в землю семена укропа, редиса, моркови или кабачков. Парадоксально, но быстринские камчатцы почти столько же платят за коммунальные услуги, как и таймырцы. Особенно это касается отопления. Таймыр обогревается углём, а Быстринский район Камчатки своими горячими источниками. Овощи и фрукты на Камчатке (при том, что здесь их выращивают) тоже дороже, чем на Таймыре. Элитная рыба – нельма и муксун стоит здесь около 350 руб. за килограмм. На Камчатке достойную рыбу не купишь дешевле 450 руб. Оленьё мясо на Таймыре стоит 200 руб. за кг, на Камчатке – 700 руб.

Дудинка с населением чуть больше 22 тысяч человек, стоит на правом берегу одной из самых больших рек Сибири – Енисея. Здесь уже начинается дельта реки, несущей свои воды в Северный Ледовитый океан.

Вся жизнь полуострова Таймыр завязана на морской порт Дудинка – самый северный международный порт в России и крупнейший в Сибири. Интересен тот факт, что порт этот единственный в мире затапливается в период весеннего ледохода.

В те предновогодние дни в порту у причальной стенки стояли два красавца ледокола. Ночью они светились сотнями огней, дополняя приятную атмосферу праздника. Накануне Нового года вся Дудинка была украшена разноцветными лампочками. Гирлянды огней сверкали на крышах домов, окнах и витринах магазинов, светились даже верхушки высоченных труб котельных.

В полярную ночь где-то далеко на Востоке небо чуть

подсвечивают короткие сполохи ушедшего за горизонт солнца. Рассветает часам к одиннадцати. Дневной полумрак, который длится до двух часов дня, трудно назвать рассветом. Солнце здесь появится только к 15 января, а ближе к Диксону – в апреле. С появлением первого солнца все жители Дудинки выбегают на улицу щурясь, поскольку за полярную ночь отвыкают от яркого света; обнимаются, радуются, приветствуя светило. Греются на солнце: Такая тут традиция. Этот солнечный день может стать единственным за лето. Такой тут, в Заполярье, климат.

Первый день в полярную ночь на Таймыре для артистов с Камчатки начался с посещения городского Дома культуры. Бело-жёлтое здание с колоннами стоит недалеко от порта. Типичный проект 60-х годов в классическом стиле советской эпохи, шикарная хрустальная люстра украшает зрительный зал и три люстры поменьше сверкают в фойе.

Моложавая и энергичная директор Дома культуры Рита Анатольевна Невелева не планировала включать номер камчатцев в главный праздничный концерт (слишком много местных, зарубежных и столичных артистов представили свои программы). Но, увидев на репетиции их танец «Море» на музыку прославленного камчатского композитора Анатолия Левковского, тут же попросила показать всю программу.

Когда-то артистки из Анавгая танцевали в известном эвенском ансамбле «Нургэнэк», отправлялись с ним в гастрольные поездки. С годами их места заняли более молодые артисты. Но любовь к своим национальным танцам и песням никуда не исчезает. Руководитель «Нургэнэка» заслуженный работник культуры, лауреат прави-

тельственной премии «Душа России» Лилия Банаканова решила создать фольклорную группу «Легенда» при ансамбле «Нургэнэк», чтобы поднять женщинам настроение и жизненный тонус. Все они уже вырастили детей, а внуков ещё не завели, поэтому есть свободное время и они с радостью согласились прийти на первую репетицию. Почти все одного возраста – немногим за пятьдесят, лишь одна Анна Буданова – худенькая стройная 30-летняя солистка. Артисты представляют культуру трёх народов Камчатки – эвенов, ительменов, коряков. Пенсионер Лектен Мандятова (урождённая Укипа), библиотекарь Лариса Инданова и директор сельского Дома культуры Анастасия Сорокина до тонкостей знают материальную, песенную и танцевальную культуру своего народа – оленных коряков. Воспитатели детского сада «Родничок» Александра Инданова, Галина Кизьявка, педагог детского Дома творчества Галина Инданова представляют эвенскую культуру. Не так давно в эвенское село Анавгай из национального ительменского села Ковран переехала жить известная не только на Камчатке, но далеко за её пределами артистка ительменского народного ансамбля «Эльвель» Ольга Коваленко. Она с удовольствием делится секретами танцевальной культуры своего народа. Именно об ительменских танцах академик Влаиль Казначеев говорил, что они служат эталоном для всех коренных народов Севера.

«Нургэнэк», в переводе с эвенского – «Праздник танца». Коллектив был создан знаменитым ительменским писателем Георгием Поротовым и «музой северного танца», руководителем студенческого ансамбля «Северное сияние» из Санкт-Петербурга

Татьяной Петровой-Бытовой. В 1972 году. (К слову сказать, на Таймыре очень много носителей фамилии Поротовы).

Лилия Банаканова руководит ансамблем с 1985 года. В коллективе танцует в основном молодёжь от 14 до 25 лет. Лилия Егоровна воспитывает уже третье поколение артистов. Ансамбль часто выезжает с гастролями в разные уголки России и мира. За эти годы он стал победителем международных фестивалей – Хорватия (1994), Италия (1994, 2005), Япония (2000), Аляска (2000), Норвегия (2004), Китай (2012), а также Всероссийских и краевых фестивалей. В репертуаре ансамбля есть уникальные сценические постановки – «Гулыдек» (обряд охоты на медведя), древний танец «Нургэнэк» и современный «Мут Камчатка» (Наша Камчатка), боевой танец «Нимкан,и» (танец с посохами). В танцах артисты имитируют движения, повадки диких животных Камчатки. В постановках звучат национальные эвенские песни, подражание звукам, издаваемым животными и птицами полуострова. Основные музыкальные инструменты – бубны, которые эвены делают сами из шкур своих же оленей. Кроме этого артисты используют варган и шумовые инструменты, сделанные из рогов и копыт оленей. Кстати, эвенские бубны настолько лёгкие и звучные, что вся Камчатка заказывает у анавгайцев их изготовление. Таймырские артисты, увидев и услышав камчатские бубны, также задумались: не заказать ли анавгайцам эти музыкальные инструменты для Таймыра.

Руководитель ансамбля «Нургэнэк» Лилия Банаканова считает, что главные задачи коллектива – сохранение духовной культуры эвенов.

Артисты «Нургэнэка», в том числе «Легенды» организовали и провели 15 фольклорных праздников на Камчатке, стали лауреатами фестиваля «Под радугой Севера», участвуют в культурных программах гонки на собачьих упряжках «Берингия», дипломанты Всероссийского фестиваля «Русская зима на ВВЦ», участники празднований 250-летия Петропавловска-Камчатского. Они стали не случайными гостями празднований на Таймыре. Их пригласили в Дудинку как достойных участников программы.

Концерт «Притяжение Таймыра – звёздные встречи фестиваля» прошёл на берегах Енисея, у ворот в Северный Ледовитый океан в рамках празднования 85-летия Таймыра и всероссийского фестиваля «Моя Россия – салют побед». Программа открылась выступлением таймырских коллективов «Хейро», «Жемчужина Заполярья», «Радость», «Чоргуячи» и «Барган».

На праздник приехали из Эвенкии национальный коллектив «Токогон» из Байкита. С ними камчатские артистки тут же нашли общий язык. У эвенов и эвенков очень много общего в культуре и языке. Многие слова имеют одинаковое значение и лишь небольшую разницу в произношении. Поэтому эвенкам Камчатски и эвенкам Красноярского края было о чём поговорить и над чем посмеяться. Чувства юмора у тех и других не отнять.

Выступали на праздничных концертах в Дудинке и иностранные гости – из Турции и Туркменистана, исполнительница фольклора из Швеции. Все концертные номера были яркими и запоминающимися.

Но Камчатка буквально взорвала Таймыр огнём своих танцев, звучностью бубнов и красотой костюмов.

Уже после первого выступления группы «Легенда» из Анавгая, к артисткам подходили восторженные зрители и спрашивали, где будет их следующий концерт и твердили, что они обязательно пойдут посмотреть на Камчатку ещё раз.

На улицах женщин останавливали местные жители и спрашивали: «Откуда Вы?». «С Камчатки», – звучало в ответ. «Из такого далека, как же вы добились?». «Десять часов на автобусе, 8,5 часов на самолёте до Москвы и 4 часа на самолёте до Таймыра», отвечали, улыбаясь, камчатцы.

В Дудинку в эти дни съехалось много профессиональных артистов из разных мест. Среди других выступали Государственный академический ансамбль танца Сибири имени Годенко из Красноярска, солисты группы «Аракс» из Москвы.

При таком наплыве профессиональных артистов, фольклорный коллектив «Легенда» с Камчатки не сразу завоевал безоговорочную любовь таймырских жителей. Первые аплодисменты были довольно сдержанными. Возможно, от удивления, ведь и камчатские бубны звучат по иному, и ритмы танцев живущих между двух морей (Беринговым и Охотским) камчатцев иные. Понятнее всего таймырцам был танец «Колокольчики» на музыку талантливого корякского балетмейстера и музыканта Валерия Етнеута и слова Лилии Банакановой. На Таймыре коренное население – оленеводы, поэтому танец про оленей был принят зрителями очень тепло, хотя в зале коренных жителей – нганасан, долган, эвенков, энцев, нецев было немного.

На одной из заснеженных улиц Дудинки камчатские гости встретили нганасанского оленевода, одетого в красивую белоснежную парку.

«Здравствуй, сестра, – обратился он к одной из них». «Здравствуй, брат», – прозвучало в ответ. Не было ни удивления, ни смущения. Как будто так и надо. Камчатцы чувствовали себя здесь как дома. Они, не смущаясь, заговаривали с местными жителями, задавали кучу вопросов. Им всегда с удовольствием отвечали. На ступенях центра «Арктика» артистки разговорились с молодым человеком. Оказалось, зовут его Яков, работает в администрации муниципального района. Яков коротко рассказал о себе, о том, что родился в селе Потаповка, около ста километров от Дудинки, учился на родной таймырской земле, здесь же женился, здесь же работает. Не жалея своего времени, Яков провёл гостей в сувенирный магазин, подробно рассказал, что отличает Таймыр от других регионов, показал, какие сувениры лучше выбрать,

объяснил, какие памятные места полуострова изображены на сувенирных изделиях. Подробно он рассказал о северном сиянии, которое здесь не редкость в зимнюю ночь. Но запечатлеть его на фото или видео очень трудно. Яков показал камчатцам видео на телефоне, предупредил, что здесь бывают «чёрные» пурги и, не дай бог, оказаться на улице в такую погоду. Машина может потерять дорогу, человек – заблудиться между двух домов. Он тут же продемонстрировал, как пурга может замести квартиру, если оставить форточку даже на короткое проветривание. Вся мебель в снегу и иная – диван, стол, кресло, пол. Пурги для камчатцев – не редкость. И у них теряют дорогу машины и люди, замерзают среди тундры. Но о том, как может замёрзнуть квартира, они не знали. Жаль, поздно предупредил их Яков. Утром они оставили форточку в квартире,

где остановились, открытой. Вернувшись, обнаружили, что водопроводный кран на кухне замёрз, хотя на улице были не такие уж сильные морозы – минус 25. Здесь дети в такую погоду ходят в школу. Занятия отменяются только в минус 35 градусов. А морозы на Таймыре достигают 55 и ниже. При этом люди, даже приезжие, живут здесь до пенсии и не стараются никуда уезжать.

Очередное выступление камчатских артисток прошло в культурно-досуговом центре «Арктика». Это шикарное современное здание находится недалеко от центра города. В главный день праздника, когда жителей и гостей Таймыра поздравляли губернатор Красноярского края, сенатор, депутат Госдумы и другие представители местной власти, в фойе центра «Арктика» была развёрнута интерактивная выставка «Живая история Таймыра».

Здесь красовались изделия народных промыслов, о них рассказывали красиво одетые в национальные одежды мастера и мастерицы. Две девчухи лет трёх и четырёх в белоснежных парках, украшенных яркими орнаментами, искали свою маму. Они были похожи на маленьких кукол.

На площади перед центром «Арктика» оборудовали этностойбище. В пяти чумах готовили национальные долганские, нганасанские, эвенские, ненецкие и энецкие угощения. После концерта артисток ансамбля «Легенда» из Анавгая ждали в долганском чуме как особых гостей. Их угощали шурпой их куропатки и, конечно, чаем.

Рядом с одним чумом были развешены шкуры таймырских лис, песцов, волка. Возле другого стояла оленья упряжка. Эвенские артистки с Камчатки сфотографировались на память с оленем. Как известно, эвены исторически – оленеводы-кочевники и прикочевали они на Камчатку чуть больше 150 лет назад с территорий чуть южнее этих. Камчатцы всё норовили называть таймырский чум юртой, как принято у них. На Таймыре живёт самый северный народ в евразии – нганасаны. По переписи 2010 года их здесь чуть больше 800 человек. Из них оленных кочевников всего около сотни.

Другой народ Таймыра – долганы. Они образовались как этнос в 18 веке путём ассимиляции якутов, тунгусов и русских. Долганы теснили нганасан к западу и северу Таймыра. В связи с этим в Дудинке чаще можно встретить долган.

У руководителя эвенской фольклорной группы «Легенда» Лилии Банакановой есть подруга на Таймыре – Ольга Ходжаева. Она – долганка, родилась на Таймыре, живёт и работает здесь всю жизнь. Судьба свела Лилию и Ольгу

в Финляндии на Международном конгрессе по гендерному вопросу в 2006 году, потом они встречались не раз в Москве на конференциях по коренным малочисленным народам мира. Муж Ольги Фёдор служил на Камчатке. Несколько лет назад они с Ольгой посетили далёкий полуостров у берега Тихого океана. Им понравилась Камчатка, но свой Таймыр не променяют ни на какую другую землю.

Эта красивая пара пригласила камчатскую группу в гости отведать местную национальную кухню – строганину из нельмы и варёное оленьё мясо.

Ольга быстро, мастерски очистила большую замороженную рыбину, быстро настрогала, выложила на два огромных блюда и предложила гостям есть быстро, поскольку рыба оттаивает. Гости прибыли из национального посёлка, где в основном питаются мясом. Но сейчас оленеводство на Камчатке только возрождается после долгой агонии, и оленьё мясо даже в Быстринском районе – редкость. Рыба в реки рядом с Анавгаем заходит, но она уже здесь не того качества, как в устьях или в море. Поэтому самым приятным угощением для камчатцев стало оленьё мясо. Строганину

из рыбы они ели впервые в жизни. Хозяйка удивлялась, что и половины предложенного не было съедено. «У нас бы ни кусочка не осталось, – улыбалась она. – Но не беда. Мы потом смешаем её с маслом и луком и с удовольствием съедим.

Фёдор по профессии ветврач и в советские времена работал в оленеводческом совхозе. Он рассказал, что когда аргиш заканчивает кочевье, по традиции из нельмы и муксуна делают строганину, так отмечают этот этап круговорота кочевой жизни.

Аборигены хорошо знают Фёдора и если бывают в Дудинке, обязательно занесут нюче (так они называют здесь русских) мясо оленя, птицу или рыбу. Фёдор рассказал, что когда идёт миграция дикого оленя, они даже через посёлки могут пройти. Поэтому без мяса они здесь не бывают. В конце нашего визита Фёдор и Ольга надели нам массу брошюр и книги о Таймыре и пригласили на следующий вечер в баню.

Ольга работает администратором в Таймырском краеведческом музее.

Она, после экскурсии гида, с удовольствием рассказывала нам о некоторых экспонатах музея. Многие из предметов ей близки и понятны, поскольку она сама – носительница культуры своего народа – долган.

Таймырский краеведческий музей – это отдельная тема. Такому музею позавидует любой зарубежный. О таком современном трёхэтажном здании, изысканном дизайне и, конечно уникальных экспонатах можно только мечтать.

Со времён сталинских репрессий земля эта видела сотни и тысячи носителей разных культур и профессий. Сюда ссылали в основном политзаключённых. А это были и крупные военачальники, и видные деятели культуры и

науки. Мысль здесь пульсировала так, что вечная мерзлота запечатлела навеки пульс эпох. Вот почему в музее представлены экспонаты из разных времён и разных народов.

Таймыр – самый северный полуостров на планете, и расположен он в арктической зоне. Геологическая коллекция музея – более 1000 палеонтологических экспонатов, дающих представление о флоре и фауне полуострова Таймыр миллионы лет назад. Многие из них подтверждают, что в далёкой древности в этих местах были тёплые течения и климат, как в тропиках. Здесь жили бизоны, носороги и мамонты.

Важная часть коллекции музея посвящена материальной и духовной культуре коренных народов полуострова – нганасан, ненцев, энцев, долган, эвенков. Об одном экспонате следует сказать особо – это настоящий шаманский костюм и принадлежности для камлания последнего шамана Таймыра Тубяку Костёркина. Он сам передал свой костюм при жизни в музей, опасаясь, что родня продаст его на сторону. Вещи Тубяку живут своей жизнью. Их запрещено фотографировать. Раз в год родственники Тубяку приходят в музей, чтобы покормить своих духов и им разрешают это сделать.

Много места в экспозиции музея уделено освоению арктических территорий. Здесь – макет Мангазеи – первого русского города на реке Таз – в междуречье Оби и Енисея, основанного в 1601 году. Отсюда землепроходцы на своих кочах уходили дальше на Восток.

Заслуживают внимания экспонаты времён сталинских репрессий. Сюда ссылали целые народы – поляков, поволжских немцев, эстонцев и латышей. Это они вместе с советскими полит-

заключёнными строили объекты «Архипелага ГУЛАГ», в том числе железную дорогу от Норильска до Дудинки, которая используется и сейчас.

После бани нам пришлось пройти по этой дороге, запорошенной снегом. Мы ступали по снегу, он поскрипывал. На какое-то мгновение показалось, что это не скрип снега, а стоны тысяч людей, положивших здесь свои жизни ни за что.

Справа от музея тянется странный для нового человека в Дудинке мост. Его сразу же заметили гости с Камчатки. «Что за мост?». Оказывается, мост – объект архитектурно-культурного и исторического наследия. Он был построен около ста лет назад. В дни празднования 345-летия Дудинки в 2012 году его открыли после масштабной реконструкции. В годы репрессий по нему прошли до 500 тысяч заключённых Норильлага, прибывших на Таймыр на баржах по Енисею. Глядя на этот исторический мост, я подумала: почему здесь, на Крайнем Севере, в Арктике так стараются сохранить историю, пусть даже горькие её страницы. В то же самое время в Подмосковье гибнут десятки, а может быть и сотни памятников архитектуры, целые ансамбли загородных усадеб с их неповторимыми парковыми ансамблями, липовыми аллеями. Почему эти исторические земли выкупаются какими-то тёмными людьми и огораживаются трёхметровыми заборами?

Для современных жителей Дудинки мост через ручей Ароматный имеет сегодня совсем иное значение. Здесь играют мальчишки длинным полярным днём, влюбляются и назначают свидания. Время – честный человек, оно вносит свои коррективы в историю.

В Краеведческом музее гости с Камчатки участвовали в концерте вместе с зарубежными гостями Таймыра. Среди прочих они показали зрителям ещё один танец своей программы «Тынывын», поставленный по рассказу этнографа А.Алексеева, который приезжал на Камчатку из Якутии в 2015 году. Тынывын – дощечка для кройки, по которой работают ножом – женщины разрезают мех, мужчины – режут на ней из меха шеи дикого оленя чаут. Изнутри доска плоская и по ночам, по преданию, шаманки летали на ней по Вселенной. Танец тунгусских шаманок воспроизводит эти ритуальные моменты.

Галина Тылканова (Кизявка) исполняла эвенские частушки.

Ни на одном концерте зрителей не оставил равнодушными танец «Море», дарящий зрителям море любви, радости, вдохновения. Этот танец – рассказ об Охотском море, на берегу которого живут ительмены, о его характере, обитателях, о приливных волнах, которые, бывает, достигают высоты до 11 метров и считаются одними из самых высоких в мире.

Уже стало доброй традицией, что камчатские артисты заканчивают своё выступление фрагментом из корякского обрядового праздника Хололо «Благодарение огню», приглашая своим зажигательным танцем присутствующих встать в круг танцующих.

Сфотографировавшись на память у карты циркумполярного Арктического региона вместе с местным министром культуры и администрацией музея, камчатские артисты направились на Набережную площадь.

Это место – центр притяжения в Дудинке. Все пути сходятся сюда. Во-первых, отсюда идёт спуск к морскому порту. Отсюда можно

полюбоваться красавцами-ледоколами и осознать, что ты не просто на Крайнем Севере – ты у ворот Арктики. Можно обогатиться знаниями, удивиться, восхититься, попереживать в Таймырском краеведческом музее с его богатейшей коллекцией экспонатов. Можно заглянуть в городской Дом культуры и неожиданно пропасть на концерт великолепного профессионального коллектива из Красноярска – государственного академического ансамбля танца Сибири имени Годенко (ансамбль – не редкий гость в Дудинке). Можно вспомнить, что ты родился в Советском Союзе, постояв у памятника Ленину. Можно поставить свечу о здравии живущих и упокоении душ ушедших в Свято-Введенской церкви, освящённой в 2001 году. Церковь была восстановлена на месте утраченной деревянной церкви, построенной в 17 веке и ставшей центром распространения православия среди туземцев.

Но один объект на Набережной площади обращает на себя особое внимание своей иноземностью. Это – двенадцатиметровая конструкция – главные городские часы-маяк. Конструировали их корасноярцы. Говорят, в 12 часов дня они вместо боя играют местный гимн. Его нам не посчастливилось услышать. Полярной ночью часы-маяк хорошо видны с Енисея, да и с площади они отовсюду заметны и хорошо освещают пространство вокруг. Местные жители окрестили главные часы Дудинки Биг-Беном.

Набережная площадь и её достопримечательности хорошо видны с возвышенности. Здесь находится Таймырский Дом народного творчества – старейшее учреждение культуры Таймыра. Он открыл двери в 1963 году. Одна из его глав-

ных задач – сохранять и развивать самобытные национальные культуры коренных народов полуострова.

Артисток из «Легенды» пригласили выступить и здесь. Но, прежде, чем пригласить гостей в само здание, им предложили поучаствовать в священном обряде кормления огня, пройти через священные ворота, загадать заветные желания, повязав разноцветные ленточки на деревце. Подобные обряды проходят практически у всех народов Севера, в том числе и на Камчатке – на эвенском стойбище «Мэнэдэк», где также кормят священный огонь, перепрыгивают через него и повязывают ленточки на священную лиственницу.

Возле Дома народного творчества оборудована прекрасная этнографическая площадка. Здесь установлены священные столбы, похожие на якутские Ясыях, олицетворяющие пять народов Таймыра и три рода занятий – оленеводство, охоту, рыбную ловлю. Здесь же стоит балок на полозьях – традиционное жилище долган. Этот балок иногда открывает двери молодёжкам – такова местная новоявленная традиция.

В Доме народного творчества представлена прекрасная коллекция национальной одежды долган, нганасан, ненцев, предметов их ритуальной культуры и быта. Сотрудники музея – высокие профессионалы своего дела. Но главное – они очень любят то, чем занимаются. Поэтому им везёт с грантами, которые выделяет «Норильский никель». Они могут профессионально защитить свои проекты.

Камчатцы отметили, что на Таймыре очень заметно, что здесь живут коренные малочисленные народы, здесь многое подчинено ритму и правилам их жизни. Та же этнографическая

площадка, которая украшает город и которую видно, практически из любой его части. Чум, возвысившийся здесь, олицетворяет большой дом, в котором есть место каждой культуре. Именно поэтому в Доме творчества есть экспозиция и пространство для творчества и общения членов украинской диаспоры, которая на Таймыре достаточно многочисленна.

Артисток с Камчатки очень заинтересовала выставка произведений из кости мамонта, оленя, бивней моржа. Такое обилие работ, мастеров, разнообразие тем и почерков можно увидеть на хорошей выставке в Москве.

Если сюда попадёт парижанин, он удивится ценам. Килограмм бивня мамонта стоит от 5 до 50 тысяч рублей. Таймыр ещё достаточно мало исследован археологами. Не так давно здесь «выплыл» из вечной мерзлоты мамонт, у которого сохранилась не только шерсть, но и детородные органы. Его отправили на исследование в Санкт-Петербург, и вскоре он займёт своё место в экспозиции краевед-

ческого музея. Кости мамонта то и дело вымывает течение по берегам реки Енисей. Среди местного населения ходит такая история: «Однажды к хозяйке постучал в дом абориген. Она открыла. В руках у него была охалка дров. «Купи хотя бы за бутылку, – сказал нежданный гость. «Зачем мне дрова, – у меня печь растоплена, дрова на зиму заготовлены», – подумала хозяйка и захлопнула дверь перед носом гостя. Наутро она узнала, что незваный гость приносил ей не дрова, а «охалку» бивней мамонта.

Среди выставленных произведений из кости отличаются особым почерком работы художника резьбы по кости долганина Дмитрия Чуприна. Его лучшие работы – в «золотом фонде» Дома народного творчества. Он же – автор уличной скульптуры «Мамонтёнок». Камчатцы познакомились с Дмитрием лично. Зная мастера, начинаешь внимательно рассматривать его произведения и вдруг понимаешь, что земной шар такой маленький. Ведь

на Камчатке также немало одарённых мастеров резьбы по кости. А работы безвременно ушедшего из жизни ительменского художника Александра Причина ничуть не уступают таймырским, более того, его фигурки из кости – ковранские старушки так похожи на дудинских или волочанских.

Мы уезжали из Дудинки, так и не поняв, что побывали в зоне вечной мерзлоты. Уж слишком тёплый климат здесь установился и в прямом и в переносном смысле. Есть одна хорошая фраза, которую пришлось услышать на Камчатке: «Тем и гениальны северяне, что в них зреет, а не вянет темперамент». Таймыр подтвердил истину этих слов. Хочется пожелать этой суровой, но очень доброжелательной земле – пусть их Биг Бен отсчитывает время только вперёд, в будущее, не замедляя ход и не останавливаясь ни на секунду.

Наталья БОГАЧЁВА

МОСКВА–НОРИЛЬСК–ДУДИНКА

декабрь 2015

Яков СОЛОДКИН

Одним из самых «тёмных» эпизодов «Ермакова взятия Сибирской страны», с которого началось её присоединение к России, служит казачий поход в низовья Иртыша. Предметом длительных споров историков является и хронология, и определение личности предводителя этого похода, выяснение его результатов, да и последствий.

Так, современная тюменская исследовательница Н.А. Балюк (на основании сложившегося среди уральских казаков, скорее всего в конце XVII века, Кунгурского летописца) новую экспедицию ермаковцев, несколькими месяцами прежде овладевших городом Сибирь (Кашлык, Искер) – столицей хана Кучум, а – относит к 1582 году и считает их предводителем есаула (пятидесятника) Богдана Брызгу. Этой версии держался ещё известный учёный рубежа XIX–XX столетий Х.М. Лопарев (кстати, уроженец Самарова), который, однако, подобно Н.М. Карамзину указывал, что в 1583 году сам Ермак спустился вниз по Иртышу и Оби. Зачем понадобился второй поход в Югорскую землю, остаётся неясным.

Екатеринбургские историки А.Т. Шашков и С.В. Горшков предводителем «ясачного» похода ермаковцев на Белогорье, где у слияния Иртыша и Оби находилось остяцкое святилище («мольбище»), считают Никиту Пана. Этот атаман тогда и погиб, если верить летописи, созданной по заказу «именитых людей» Строгановых в 1630-х годах.

В относящейся к петровской эпохе «Истории Сибирской» тобольского сына боярского Семёна Ремезова читаем, что Ермак в 1580–1581 или 1582–1583 годах «князей Алачевых с богатствомъ взялъ и все городки Кодские и Назымский городокъ... взятъ, и ясак с них собрали». В Кунгурском летописце, фрагментарно сохранившемся в составе ремезовской «гистории», мы читаем об отправке «начальным» атама-

ГИБЕЛЬ КНЯЗЯ САМАРА ОБ ОДНОЙ ИЗ ЗАГАДОК «СИБИРСКОГО ВЗЯТИЯ»

ном полусотни соратников во главе со своим «сверсником» пятидесятником Богданом Брызгой «все Назымские волости пленить и привести к вере, и собрать ясак вдоволь розкладом поголовно». (Ранее Брызга наряду с Иваном Кольцо и Иваном Грозой упомянут анонимным казачьим «списателем» в числе «сверсников» Ермака, перед выборными есаулами, сотниками и пятидесятниками). 9 мая, то есть в Николин день весенний, русские, оказываются, «поплыша до Колпухова городка, беруще ясакъ з боем и без бою», а 20 мая «доплыша до Самара княжца, и ту в сборе 8 княжцовъ, ждуще побити силою» незваных гостей. (Эти князцы, с точки зрения С.В. Бахрушина и Е.П. Мартыновой, создали племенной союз или военно-политическое объединение на время боевых действий). Следом в Кунгурском летописце сказано, что Богдан «с товарыщи, моляся Богу, в день неделный приплыша протокою под самой Самарь», иначе говоря, городок князя, где застали многих остяков «на карауле спящих твёрдо без опасения», а «на стоящих

(вероятно, наготове) из ружья и убиша княжца Самару и с родом его», очевидно, обстреляв их, а не во время сражения; другие бежали «по своим жильям», а немногие оставшиеся «принесоша ясакъ с поклоном и шертоваша ту». Проведя здесь неделю, Брызга «поставиша князя болшого Алачея болшим, яко богата суща», и двинулся на Белогорье, где у остяков было «молбище болшее богыне древней», и она, когда «вниде имъ в слухъ приездъ Богдана, велела спрятатися и всем бежати». Брызга оставался там три дня и вернулся в город Сибирь 29 мая «в радости... с есакомъ».

По наблюдениям видного историка последних десятилетий Р.Г. Скрынникова, Семён Ремезов подверг редактированию текст кунгурских «сказов». Следы этого редактирования есть и в интересующем нас фрагменте этого сочинения. Так, в «Истории», вышедшей из-под пера тобольского «изографа» рубежа XVII–XVIII веков, мы находим выражения «по жильям», «без опасения спящим», «доплыв (доплыша, доплывше)», упоминается про «ружьё», караул.

Нетрудно подсчитать, что если не ранее 20 мая ермаковцы достигли Самарова городка (располагавшегося в черте современного Ханты-Мансийска) и пробыли там неделю, а на Белогорье – три дня, то с учётом времени, затраченного в дороге, казаки никак не могли попасть в бывшую ханскую столицу Кашлык, «на низ пловучи», 29 мая. (Позднее водный путь от Тобольска, основанного поблизости от главной резиденции «царя» Кучума, до Самаровского яма занимал от 10 до 14 дней). Поэтому, между прочим, можно усомниться в том, что, как полагают многие учёные, сохранённое Кунгурским летописцем повествование об экспедиции Брызги принадлежит её участнику или же записано с его слов. Кстати, как читаем в «Истории Сибирской», ермаковцы «стояше неделю» в устье Тавды, размышляя, не вернуться ли им «чрез Камень вогуличами», т.е. через их земли, и три дня «бишась» у Караульного яра и Чувашевой горы. К тому же к 29 числам всех летних месяцев Ремезов отнёс немало из описанных событий. Скептического отношения, как нам представляется в отличие от ряда историков, требует и летописное сообщение, будто у Самарова городка ермаковцы застали врасплох всех восемь князцов с их «силою», тем более что известны потомки его владельца (в Кунгурском летописце же, напомним, говорится об истреблении казаками всего рода Самара). Маловероятны и уцелевшие благодаря ремезовской «гистории» известия о том, что в Аремзянской волости Брызга «велел верно целовати за государя царя», а когда «приносящее ясакъ, и приемъщики все в наряде – в цветном платье, чтуще честь, царского величества славу», ибо такое платье по торжественным случаям обязывались одевать служилые люди, начиная с воевод, зауральский поход же был предпринят по решению казачьего круга, а вовсе не правительственной инициативе.

Обратим внимание на то, что, судя по Кунгурскому летописцу, 20 мая казаки достигли владений Самара, и «в день недельный приплыша протокою под самой Самар», иначе говоря, ермаковцы могли появиться там не обязательно 20 мая, как представлялось ряду тюменских учёных, предложивших, думается, без должных оснований, вести «отсчёт истории» Ханты-Мансийска с конца весны 1582 года.

Один из этих учёных, археолог А.В. Матвеев, в подтверждение того, что через год, 20 мая 1583, «казаки Ермака, скорее всего не вели боёв с остяками у подножия Самаровских гор», ссылаясь на умолчание в Кунгурском летописце о празднике Святого Духа, отмечавшемся в тот день, тогда как «в сибирских летописях упоминания церковных праздников в связи с теми или иными событиями похода Ермака встречаются довольно часто». Заметим, однако, что хотя в летописце, возникшем в казачьей среде, даты приводятся нередко (быть может, впрочем, это сделано не его создателем, а задним числом Семёном Ремезовым), однако без указаний на такие праздники, например, Николин день весенний, приходившийся на 9 мая, или (как, в частности, в Строгановской летописи) Преображение Господне, отмечавшееся 6 августа.

Обратим внимание на то, что в «Истории Сибирской», включая бросившиеся уже в глаза открывшему её Г.Ф. Миллеру «вставные листы», занятые Кунгурским летописцем, часто говорится о трёх днях (это традиционное эпическое определение), а Брызга, напомним, по кунгурским «сказам», столько же времени провёл у Белогорья.

Согласно тому же летописцу, во время похода против остяцких княжеств, когда Брызге «с товарищи» удалось, в частности, овладеть городком Самара, «вои убитыхъ нетъ, а раненых – каждой (каждой) многаши (многаши)». В ранних же

редакциях синодика или поминального списка «ермаковым казакам», составленного в тобольском Софийском Успенском соборе, утверждается, что в этом походе пали от рук «поганных» атаман Никита и четырнадцать или пятнадцать его сподвижников – почти столько же, сколько было убито во всех других боях «единомысленной дружины» с «кучумлянами», не считая истребления бывшим ханским приближённым Карачей отряда Ивана Кольца. (Любопытно, что в одной из таких редакций, найденной без малого полвека тому назад известным новосибирским филологом Е.К. Ромодановской, перечислены не только «избиенные», но и «всячески нужно» скончавшиеся «от нечестивых», когда ермаковцы «воеваше по Иртишу и по великой Оби... до Назима»).

Н.А. Балюк, призывавшая «выяснить причину... активного противостояния князя Самара казакам», указывала, что, «судя по летописным материалам, его родовой клан», возможно, находившийся в вассальной зависимости от Сибирского ханства, соперничал «с родом коренных кодских князей Алачевых». Но среди хантйских воинов, призванных, согласно повестям «архиепископля» дьяка Саввы Есипова и анонимного строгановского «историографа», Кучумом для обороны Кашлыка, не исключено, были и «низовые остяки» – кодичи, вскоре покорённые Ермаком (как свидетельствует С.У. Ремезов), а «от Сибирского взятыя» нёсшие «всякие... службы» в пользу московских государей, проливая кровь и складывая «головы свои».

Согласно Кунгурскому летописцу, после недельного пребывания в Самаровом городке казаки Брызги отправились на Белогорье. Многие же учёные отождествляют этот городок (Самар-вош, Тунг-пох-вош, крепость святого сына либо «Божьего сына городок») с центром Белогорского княжества, занимавшего территорию от

устья Иртыша вверх по Оби. Городок, в конце XVI века давший название одной из первых волостей Сургутского уезда, не упоминается и в летописных сообщениях о сооружении воеводой И.А. Мансуровым острога у слияния Иртыша и Оби, – сообщениях, в которых подчас речь идёт о Белогорье. Его и Самаров городок, стало быть, необходимо различать, отказавшись и от представления, что владение остяцкого князя, в 1583 году (эта дата вероятнее других) погибшего в столкновении с ермаковцами, достались Алачу. (По данным омских археологов А.В. Матвеева и С.Ф. Татаурова, район Самарова городка входил в пределы Сибирского ханства, а Белогорская волость располагалась на границе с ним).

Известно, что Колпуковская (Белогорская) волость, простиравшаяся по нижнему течению Иртыша, была пожалована кодскому князю Игичею и его двоюродному брату Онже Юрьеву царём Фёдором Иоановичем 18 февраля 1594 году, в канун основания Сургута, за участие в походе (около 1592 года) в селькупскую Пегую орду. По-видимому, эта волость, где тогда проживали всего три ясачных человека, занимала небольшую часть прежних владений Самара, остальная же, надо думать, оказалась в «присуде» сургутских воевод и письменных голов. Мнение Н.А. Балюк, что с основанием Сургута территория бывшей Белогорской конфедерации отошла «в его ведение», таким образом, нуждается в уточнении.

Примечательно, что в более ранних источниках, чем Кунгурский летописец, о казачьем походе до Самарова городка и Белогорья мы не прочтём. В одной из первоначальных редакций упомянутого синодика атаманов и казаков, восходящей к показаниям ветеранов «зауральской эпопеи», сказано, что «во второе лето Сибирского взятия» Ермак с дружиной «до Назима воеваше,

и Назим, городок остяцкой, взяша со князком их и со многими их остяками, поплениша и в плен поимаша». В Есиповской и Строгановской летописях приведённые строки подверглись сильному сокращению. В главе «О взятии городков и улусов» первой из них утверждается, что Ермак «з дружиною Назимьской городок взяша со князем их и со всем богатством». В Строгановской летописи это поселение иногда называется Казымским и, повторим, говорится об убийстве «погаными» при штурме их городков атамана Никиты Пана. Очевидно, летописное сообщение о гибели Пана зависит от тобольского синодика, ведь анонимный книжник, выполнявший задание «прикамских магнатов», не смог указать, возле какого именно остяцкого городка погиб атаман, считающийся выходцем из украинских или польских земель. В зависимом от сочинения Есипова Погодинском летописце конца XVII века поясняется, что «Назымской... городок» находился на Иртыше, а местный князь был подчинён «со всем улусом»; в открывающем эту «Повесть летописную», «откуда начаяся царство бисерменское в Сибири, и како Божиим повелением взята бысть православными хрестьяны» географическом очерке встречается упоминание об «урочище» Самаровых гор, ниже которого Иртыш впадает в Обь «единым плёсом». В другом летописце, принадлежавшем известному краеведу позапрошлого века Н.А. Абрамову, добавлено, что в этом городке – «большом» и славном – Ермак пленил князей и с ними оттуда вернулся «во град Сибирь». Сходное известие налицо в обширном летописном своде, который вёлся в Тобольске при жизни Ремезова: казаки овладели Назымским городком «со князцами их», т.е. остяков. (Ещё «отцом сибирской истории» Г.Ф. Миллером показано, что речь должна идти именно о Назиме, а не

Казыме на одноимённой реке – правом притоке Оби).

Стало быть, многие летописцы XVII века считали кульминацией похода по Иртышу и Оби (причём возглавленного не Брязгой, а Ермаком) взятие Назымского или Назымского городка, даже умалчивая про Самаров и появление казаков на Белогорье. В «Истории Сибирской», напомним, повествуется то о захвате казаками Назымского городка и его князя, а также получении там ясака, то о завоевании «русским полком» назымских городков, «пленить» которые, согласно Кунгурскому летописцу, отправился Брязга, сумевший якобы по пути к владениям Самара проплыть до «Нарымского городка».

Как видно, летописные известия о походе казачьего отряда по Иртышу и Оби вторичны относительно синодика, не раз редактировавшегося в сибирской столице. Умолчание в нём о появлении ермаковцев в Самаровом городке и на Белогорье допустимо объяснять тем, что ко времени составления «помянника», запечатлевшего основные события «Сибирского взятия», никого из участников этого похода не осталось в живых. Получается, однако, что о нём забыли и их соратники (передавшие тобольскому «первопрестольнику» Киприану «написание» о том, как «сбили с куреня» хана «бусурманского»), которым врезался в память куда менее значимый эпизод «покорения» «Кучумова царства» – гибель станицы, рыбачившей у Абалацкого озера. Поэтому читающийся в Кунгурском летописце рассказ о «хождении» Богдана Брязги в Обь-Иртышье мы склонны отнести, следуя классификации Е.К. Ромодановской, к «вымышленным событиям», хотя некоторые известия «списателя», вероятно, принадлежавшего к казачьей среде, вполне достоверны.

г. НИЖНЕВАРТОВСК

Вячеслав ОГРЫЗКО

ЦЕКОВСКИЙ ЧАСОВОЙ У ВОРОТ ПАРТИЙНОЙ ПРЕССЫ

У Владимира Севрука была сложная репутация. Часть либералов его просто ненавидела, считала скрытым антисемитом и шовинистом. А некоторые почвенники полагали, что он – пособник сионистов. Но и те и другие были не правы.

Владимир Николаевич Севрук родился 1932 году в Минске в семье учителей. В 1954 году он окончил философское отделение исторического факультета Белорусского университета и вскоре вместе с молодой женой Ниной Акулич и сыном Сергеем уехал в Магадан. В январе 1957 года его избрали первым секретарём Магаданского горкома комсомола, но уже через полгода ему предложили взяться за создание новой газеты «Магаданский комсомолец».

Не зная с чего начать, Севрук полетел в Москву, где ему очень помог Юрий Изюмов. «Я, – вспоминал в 2008 году Изюмов, – тогда работал зам. редактора «Московского комсомольца», Севрука назначили редактором «Магаданского комсомольца».

Собственно, такой газеты ещё не было, её предстояло создать на колымской целине. Володя – мы тогда звали друга только по имени – пришёл к нам в редакцию: ребята, помогите. Парень очень симпатичный, мы были по-молодому отзывчивы, прекрасно понимали его трудности. Рассказали и показали, как работали сами, вместе с комсомольцами типографии снабдили заголовочными шрифтами, линейками, отбивками и всем прочим, что требовалось для оформления молодёжной газеты. Да ещё послали в Магадан бригаду, чтобы её запустить».

Чуть позже в Магадане впервые пересёкся с Севруком один из зачинателей «исповедальной» прозы и будущий диссидент Анатолий Гладилин. Проведя несколько месяцев на чукотском прииске «Комсомольский» и собрав материалы для новой повести, он возвращался через Магадан в Москву. В своих мемуарах Гладилин писал: «Проработав на прииске и сполна вкусив экзотики, я вернулся в Магадан. Там жил на квартире редактора областной комсомольской

газеты Володи Севрука. У него я отстирался, обсушился, познакомился с местной интеллигенцией. С самим Севруком – чудные отношения. Лет через десять он появился в Москве как инструктор или зав. сектором ЦК КПСС. Мы с ним пару раз пересеклись, и опять без проблем. А в Париже, когда со мной было уже не опасно встречаться, Василь Быков рассказал, как Севрук душил его и Адамовича в Белоруссии. И при первом моём визите в Москву журналисты «Известий» мне жаловались на интриги Севрука. Оказывается, во время путча Севрука назначили главным в газету, да путч сразу испёкся, и коллектив «Известий» дружно проголосовал за Игоря Голембиовского. Я слушал и разводил руками: «Ребята, я вам верю, но клянусь – хороший был парень» (А.Гладилин. Улица генералов. М., 2008. С. 94).

После газеты Севрук стал завсектором печати Магаданского обкома КПСС. В начале 60-х годов из-под его пера вышло несколько статей о писателях Колымы и Чукот-

ки. Он тогда очень высоко оценил опыты чукотских авторов. Ему понравились, в частности, первые повести Юрия Рытхэу и необычная лирика Антонины Кымытваль.

В 1963 году Севрук поступил в Академию общественных наук при ЦК КПСС, где взялся за диссертацию о военной прозе. Он тогда был в восхищении от прозы Василя Быкова. Однако к удивлению сокурсников в конце третьего года обучения Севрук вдруг свои взгляды резко изменил и 27 апреля 1966 года напечатал в «Правде» разносную статью о повести Быкова «Мёртвым не больно». Как потом выяснилось, именно эта статья помогла ему закрепиться в Москве.

Позже учившийся вместе с Севруком в академии Борис Яковлев в своих мемуарах рассказывал: «Выходец из Белоруссии, он [Севрук. – В.О.] вскоре после окончания БГУ был направлен в Магадан, где проявил себя весьма заметно в должности помощника первого секретаря обкома и заведующего сектором печати. Был он человеком прекрасно образованным, словом (и устным, и письменным) владел в совершенстве. Его начитанность была поистине феноменальной. Но было в этом человеке много такого, что никак нельзя отнести к положительным свойствам этой незаурядной личности. Говорят, что у Владимира Высоцкого была одной из любимых мысль философа Сенеки – того самого, которого Нерон умертвил, заставив принять яд. Характеризуя одного из своих современников, Сенека писал: «От природы он был мужествен и силен духом, но только развратился от постоянных удач». Севрук, судя по всему, извлёк из магаданского пребывания немалые доходы. У него, единственного из всех аспирантов АОН, уже был свой новенький «москвич». Севрук, как оказалось впоследствии, был не

только «вещью в себе»: в нём крылись куда более несовместимые с нашими представлениями понятия о дружестве, о заинтересованности каждого в учебных и научных успехах сослуживцев. Только один пример. Он, писавший диссертацию о военной теме в современной (50-х – 60-х гг. XX в.) литературе, обходит однажды всех нас по комнатам и с восторгом рассказывает о выдающихся достоинствах повести Василя Быкова «Круглянский мост», только что опубликованный. Каково же было наше удивление, когда несколько дней спустя мы читаем его разносную статью об этой самой повести в «Правде». Кому-то наверху он явно угодил, поскольку ещё будучи аспирантом АОН был утверждён инструктором Отдела пропаганды ЦК КПСС. Кафедра гудела. По инициативе аспирантов – В.Ерёменко, А.Ермакова – состоялось обсуждение персонального дела В.Н. Севрука: он обвинялся в нравственной несостоятельности. Но мне, секретарю партбюро, и И.С. Черноуцану, к тому времени руководителю кафедры, недвусмысленно дали понять, что ситуацию следует спустить на тормозах, поскольку В.Н. Севрук – ответственный работник ЦК КПСС. Таких «наверху» в обиду не давали! Работая поначалу в секторе издательств, он принёс всем, кто его критиковал, немало серьёзных неприятностей. Долго не могли устроить на достойную работу прекрасного журналиста и знатока поэзии А.М. Банкетова, аналогичные трудности испытывал Артур Ермаков. А уже набранную целиком талантливую книгу А.Нуйкина Севрук велел разобрать и переписать заново. Между тем его авторитет среди консервативной части отдела рос: он становится заведующим сектором, а затем и заместителем заведующего Отделом по печати – ключевой фигурой того

времени» (Б.Яковлев. Записки счастливого неудачника. М., 2001. С. 153–154).

Однако другие слушатели Академии те же события трактовали совсем по-другому. Так, Николай Потапов не отрицал, что, да, по поводу Севрука весной 1966 года в Академии действительно случился скандал. «Радикальная часть аспирантов, – вспоминал Потапов, – прорабатывала его на собраниях за двоимыслие, стараясь перекрыть ему дорогу в ЦК. Виной была статья в «Правде» о повести Василя Быкова «Мёртвым не больно». Она появилась, когда Севрук проходил творческую практику в газете. В кругу аспирантов он нахваливал произведение своего знаменитого земляка. А в газетной публикации подверг резкой критике». Но Потапов полагал, что никакого двоимыслия у Севрука не было. Он утверждал, что поколебал мнение Севрука о творчестве Быкова тогдашний главный редактор «Правды» Михаил Зимянин. Якобы Зимянин, в войну участвовавший в руководстве партизанским движением в Белоруссии, привёл Севруку ряд фактов, которые опровергали концепцию повести Быкова, а потом эти новые факты наложились на то, что Севрук сам мальчишкой пережил в оккупированном фашистами Минске. Поэтому было не двоимыслие, а переосмысление, а это совсем разные вещи.

Правда же заключалась в том, что осуждавшая Быкова статья произвела впечатление на руководителей Агитпропа ЦК В.Степакова и А.Яковлева, которые и инициировали назначение выпускника Академии общественных наук инструктором в Отдел пропаганды ЦК КПСС.

Зимянин тоже не забыл талантливого практиканта. В 1968 году он хотел перетянуть Севрука из ЦК в «Правду» на должность члена редколлегии – редактора газеты

по отделу литературы и искусства. Первый заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК А.Яковлев не возражал. Но все карты спутали бывшие слушатели Академии А.Нуйкин и В.Хмара. Как вспоминал Н.Потапов, эти два «правдиста» предприняли демарш и «убедили Зимянина, что Севрук – кандидатура для газеты неподходящая, с подмоченной репутацией».

Когда в 1970 году Виктор Власов перешёл помощником к заместителю председателя советского правительства Николаю Тихонову, Севрук занял освободившееся место заведующего сектором газет, а уже через несколько лет он получил должность заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК.

В новом качестве Севрук стал курировать всю печать и издательства. Работавший под его началом инструктор ЦК Алексей Козловский в беседе с историком Николаем Митрохиным утверждал, что Севрук проводил антидиссидентскую линию: «и против левых, и против правых». Он сам себя заточил на поиск идеологической крамолы. Может, именно поэтому его невзлюбили и либералы, и охранители.

Здесь будет уместным вспомнить реакцию власти и литературного генералитета на появление в 1979 году неподцензурного альманаха «Метрополь». Василий Аксёнов и Виктор Ерофеев считали, что полностью реализовать проект под названием «Метрополь» им помешала ортодоксальная часть партаппарата,

в котором чуть ли не первую скрипку играл Севрук. А непримиримый противник «Метрополя» Станислав Куняев был убеждён в том, что это как раз Севрук покровительствовал Аксёнову. Короче, вскоре кто-то пустил в самиздат письмо некоего Рязанова, в котором Севрук был причислен к могущественному сионистскому лобби. «Севрук, – утверждалось в письме, – сделал стремительную карьеру, и теперь под его контролем находится вся печать. Именно он отвечает за цензуру, предоставляя страницы печати диссидентствующим авторам. Севрук не оставляет благодарностями и своих родных. Так, например, он добился включения в список кандидатов на получение Государственной премии за программу «Время собственной жене». Позже выяснилось, что составили письмо Рязанова и пустили его по рукам главный редактор журнала «Человек и закон»

Сергей Семанов и его соратник публицист Анатолий Иванов (но не тот, который написал культовый роман «Вечный зов»).

В верхах появление письма Рязанова вызвало страшное неудовольствие. Высшее руководство не знало, как отреагировать на компрометирующую Севрука информацию. В конце концов в начале 1980 года высокопоставленного партработника командировали в Афганистан.

Несколько месяцев Севрук пробыв советником нового афганского лидера Бабрака Кармаля по СМИ и культуре. Вернувшись в Москву, он написал сценарий документального фильма «Правда апрельской

революции», за который ему в 1981 году присудили премию Ленинского комсомола.

В Москве Севрук продолжил надзирать за печатью. Какие-то издания и редактора были им очень довольны. Какие-то – просто ненавидели. Его терпеть не мог, к примеру, главный редактор издательства «Современник» Валентин Сорокин. С подозрением к нему относился и главный редактор журнала «Москва» Михаил Алексеев. Но в то же время его высоко ценил первый заместитель главреда «Литгазеты» Юрий Изюмов. Он вспоминал: «Когда я перешёл в «Литгазету», он всегда помогал мне, чем мог. В ЦК существовал порядок, при котором каждый отдел занимался подведомственной ему отраслью, а права вмешиваться в дела других отделов не имел. Если возникали какие-то вопросы, работники могли в неофициальном порядке высказать коллегам

свои просьбы и претензии. Претензии к «ЛГ» у отраслевых отделов возникали постоянно, но обычно Севрук отбивал их сам. За годы аппаратной работы он прекрасно освоил искусство так поговорить, что разговором дело и заканчивалось. Прекрасно помню его коронную фразу для таких случаев: «Вам что, Политбюро и печатью поручило руководить?» Однако же после каждого такого диалога у меня раздавался его звонок (тут тоже своя субординация: замзав мог обращаться к заму главного редактора, но не к самому главному): «Ну, что, разбойник, опять ты что-то натворил?» – И рассказывал, кто за что на нас жаловался в идеологический отдел. Такое покровительство объяснялось не старым знакомством, а тем, что у нас были одни взгляды и убеждения. Владимир Николаевич знал, что даже самая острая критика в «Литгазете» носила не антисоветский, а просоветский характер, шла от боли за страну и не имела другой цели, кроме как избавить общество от того, что ему мешает. А вот скрытых диссидентов, мастеров держать фигу в кармане Севрук не терпел, им от него доставалось по полной. Поэтому при наступлении нового порядка эта публика устроила ему жесточайший моральный террор».

В конце 1982 года власть в нашей стране перешла к Юрию Андропову. У Севрука с новым генсеком состоялись на Старой площади три встречи. О двух он успел рассказать в белорусском еженедельнике «Семь дней».

Как выяснилось, Андропов придавал очень большое значение идеологии. Не случайно вскоре после избрания генсеком он решил встретиться с руководителем Союза писателей Георгием Марковым, а потом пригласил к себе главреда «Литгазеты» Александра Чаковского. Очень часто

Андропов вызывал к себе секретаря ЦК по пропаганде Михаила Зимянина, а также нового заведующего отделом пропаганды ЦК Бориса Стукалина. Но чтобы за короткий срок трижды беседовать с одним из заместителем заведующего отделом – такое в практике Андропова случалось не часто. Значит, Севрук ему был нужен.

Что же интересовало Андропова? Он хотел узнать, почему аппарат ЦК недолюбливал Политбюро. Севрук не стал уклоняться от скользких вопросов. Он прямо сказал, что аппарат плохо представляет себе, чем занимаются члены Политбюро, а Политбюро в свою очередь редко интересуется мнением аппарата. Севрук не скрыл, что у него сложилось мнение, что в последние годы жизни Брежнева половину функций высшего политического руководства страны выполняло не Политбюро, а узкий круг людей, состоящий в основном из приближённых к верхушке политобозревателей и руководителей нескольких академических институтов. В ответ Севрук услышал от Андропова пассаж о необходимости смены системы выборов.

Похоже, что Андропов в 1983 году всерьёз задумался о кардинальном обновлении своей команды. Его, видимо, самого уже раздражала сложившаяся в начале 60-х годов так называемая интеллектуальная обслуга, в которую входили, в частности, Арбатов, Бовин и Бурлацкий. Вероятно, он хотел получше присмотреться к Севруку. Вряд ли его устраивало, что идеологией у нас на тот момент заправляли 70-летний Зимянин и 60-летний Стукалин. Не исключено, что Андропов искал людей помоложе, поэнергичней и более продвинутых. А Севруку, напомним, тогда был всего пятьдесят один год.

Но Андропов властвовал недолго. Следующий же генсек –

Константин Черненко – под влиянием одного из своих помощников Ивана Кириченко Севруку особо не доверял, поэтому повышать его в должности не стал. А потом в Кремле воцарился Михаил Горбачёв.

Севруку пришлось вертеться как ужу. Критик Борис Леонов вспоминал ситуацию в «Огоньке» в 1986 году. «Мне позвонил Севрук, сказал, что придёт Вознесенский, принесёт свою статью о Ходасевиче. Так вот он, Севрук, против её публикации, но на него ссылаться при отказе Вознесенскому не следует. «Ага, – поймал я, – опять за наш счёт себя в добрых держите».

Когда я ответил Вознесенскому отказом, тот, естественно, возразил:

– Но ведь Владимир Николаевич поддержал статью и сказал, что надеется на такую же реакцию в журнале.

– Так вот, Андрей Андреевич, мы отказываем именно потому, что выполняем указание сверху.

Вознесенский помчался в отдел пропаганды, и оттуда снова позвонили, но уже не Севрук, и сказали, чтобы мы напечатали статью...» (Б.Леонов. Прошлое, которого не было. М., 2005. С. 490–491).

Пока Севрук утрясал ситуацию с Андреем Вознесенским, новую атаку на него предпринял Алесь Адамович. Тогдашний директор издательства «Советский писатель» В.Н. Ерёменко вспоминал, как на одной из премьер в театре на Таганке его перехватил Адамович:

«– Володя! Теперь я всё выяснил. Тебе запрещает меня печатать Севрук. Я понимаю. Твой начальник. Но ты должен понять, теперь другое время...»

– Погоди, откуда ты взял?

– Да знаю я всё. Севрук – страшный человек. Он Быкова травил и ставит ему палки в колёса до сих пор. И Гранина тоже... А уж меня...

Его ещё по Белоруссии все у нас помнят...

– Алесь, погоди! Не знаю, кого он травил и травит, но говорю тебе, как на духу, ни о тебе, ни о ком из писателей у меня с Севруком никогда никаких разговоров не было! Да и зачем ему писатели и наш Союз? Ему хватает газет и журналов... А писательские дела все в отделе культуры – у Беляева и Юры Воронова... (он недавно стал зав. отделом).

– Ну брось ты. И не выгораживай этого человека. Я знаю, вы же друзья. Но ты можешь просчитаться. Я тебе советую дружески...

– Знаешь что? – Чувствую, как предательская краска заливает лицо. – Я тебе сказал, и повторяться не буду. И иди ты со своими советами...

– Ну как знаешь. Хотел предостеречь. Гляди!

– Не пужай! Мы уже пужатые, как говорят на Урале.

На этом мы и расстались. А месяца через два или три вдруг мне звонит Севрук, что в ЦК пришло письмо от Адамовича и Быкова, в котором они жалуются, что зам. зав. отделом пропаганды по печати Севрук преследует белорусских писателей, приказывает задерживать их книги и публикации. Голос у Севрука тревожный.

С этим человеком я никогда не был на дружеской ноге. Слишком разные мы люди. Но проработал рядом десять лет, а последние два года под его началом. Мы жили в одном подъезде на Соколе, но никогда друг у друга не были.

Когда он стал зам. завом, за ним по утрам приезжала машина, а я продолжал топтать к метро, хотя иногда и вместе выходили во двор. Спокойное, деловое отношение к человеку, которого я хорошо знаю ещё по учёбе в академии, знаю все его плюсы и минусы. И не больше.

Однако тревожный голос сильно расстроеного человека меня завёл.

– Я прошу тебя прийти в сектор издательств к Ивану Сеничкину и написать, как я тебе приказывал задерживать книги Адамовича и Быкова.

Я еду в ЦК и оставляю у Сеничкина полстраницы текста, где пишу то же, что говорил и Алесю. Разозлившись на Адамовича, потому что был уверен – он втравил Быкова в эту авантюру, добавляю фразу: «Что касается Василя Быкова, то Севрук не возражал против включения в его сборник недавно выпущенной «Советским писателем» повести «Атака с ходу», которая впервые была опубликована в «Новом мире» ещё в шестидесятые годы и с тех пор не издавалась в книгах» (В.Н. Ерёмченко. Отче... XX век. М., 2004. С. 351–352).

В то время сын Севрука – Сергей работал фотокорреспондентом в «Известиях». За короткий срок молодой парень четырежды добровольно летал в Афганистан. В отличие от других папенькиных деток, выросших на всём готовом, он не любил щёлкать репортажи в хорошо охранявшихся штабах. Его всегда тянуло на место боёв. Сергей хотел понять, каково оказаться в шкуре солдата. Пятая командировка «за речку» кончилась трагедией. БТР, на котором Сергей с коллегой ехал на задание, попал в засаду. Коллега погиб на месте. Сергей был тяжело ранен, но сумел, собрав последние силы в кулак, перевязать лежавшего без сознания сержанта. Его самого подобрал начальник особого отдела Невельской дивизии Валентин Ситник, и уже в Баграме наши военные хирурги долго собирали парня буквально по кусочкам.

В 1988 году новая власть всё-таки выдавила Севрука из ЦК. Постарался Яковлев. Этот деятель считал Севрука цековским часовым у ворот партийной прессы.

Севрук надеялся, что получит самостоятельную должность. Но Яковлев хотел его ужалить посильней. Он распорядился направить опального партаппаратчика в одно из главных тогдашних либеральных гнёзд – в газету «Известия». Севрук стал первым заместителем главного редактора «Известий» и одновременно редактором приложения – «Недели». Тогда же начались и публичные атаки на него.

2 мая 1990 года Алесь Адамович напечатал в «Литгазете» разоблачительную статью «Так они нами руководили», в которой припомнил Севруку историю с травлей Василя Быкова. В ответ Севрук написал свой материал «Как они на нас доносили», вспомнив письмо некоего Рязанова.

Работая в «Неделе», Севрук старался занимать центристскую позицию, не поддерживая ни радикальных либералов, ни совсем уж одиозных охранителей. Но это ему не помогло. Сразу после провала в августе 1991 года путча новый редактор «Известий» Игорь Голембиовский указал бывшему заместителю заведующего отделом пропаганды ЦК на дверь.

После развала Советского Союза Севрук вернулся на свою историческую родину в Белоруссию. Когда осенью 1993 года ельцинисты в самом центре Москвы расстреляли парламент и закрыли чуть ли не всю оппозиционную прессу, он помог Геннадию Селезнёву и Александру Проханову отпечатать в Минске несколько номеров газет «Правда» и «День».

Уже в середине 90-х годов Севрук стал советником нового белорусского лидера Александра Лукашенко. Он искал новые формы пропаганды и убеждения. Но здоровье было уже не то. Особенно сильно его подкосила смерть сына.

Умер Севрук в 2005 году в Минске.

Остров Атласова из космоса

*У ней такая маленькая грудь,
А губы, губы алые как маки.
Уходит капитан в далёкий путь,
Целует девушку из Нагасаки...*

Песня на стихи В. Инбер

Великий океан, Курильская гряда. Весна, апрель. Шторм. А ветруган с юга, тёплый. Острова пены на низких, голубино-голубого цвета волнах. Мой МТР, малый транспортный рефрижератор, лунатик «Селенит» под берегом Итурупа валяется в дрейфе, лагом к волне.

Трепыхаются тросы-оттяжки грузовых стрел, и блоки-полиспасты скрипят чайчьиими голосами. А чайки молча жмутся к поверхности: ветер дай Бог, только взмоет одна, её как бумажку швыряет в сторону берега. Сутки штормит, надоело качаться, сейчас носом развернулись к волне, двигателем подрабатываем. Капитан, матерый морской волчар, заверяет: суда этого типа – самые устойчивые.

Я в командировке. От радиостанции «Тихий океан», вещающей для моряков и рыбаков Дальнего Востока «от Арктики до Антарктики». Меж Итурупом и Урупом – пролив Фриза, утром поутихло, и мы входим через него в Охотское море. Нас встречает сильнейший сквозняк, резко кренит. Двухсотметровые обрывы тёмно-бурого цвета с прозеленью и снежными языками, прожилками в многочисленных трещинах

и распадках – будто изрублены топором, беспорядочно, в гневе. Курилы! Огромные куски-скалы в седой разрушительно-созидательной древности отскакивали и ухали в воду – подводный цветной телевизор (японская техника) рисует страшные, острые пики под килем, на стометровой глубине. А сверху, с обрыва на брюхе сползают тучи-облака, грязно-серые, плотные, лохматые.

Наш курс – норд-ост, на западное побережье Камчатки, в минтаевую экспедицию. Но вместо того чтобы взять ближе к норду, спрямить путь, капитан жмётся к осту. И вот поутру прямо по курсу вырисовывается курящая, как обычно (Курилы же), вершина вулкана Алаид (по-японски Оякоба). Это самый северный остров Большой гряды Курил, остров Атласова. Евгений Епифанович, капитан, мужик за пятьдесят, фигурой натуральный бугай, но с головой и ликом академика Святослава Фёдорова, внезапно светлеет лицом и эдак мечтательно выдаёт, обратившись ко мне:

– Остров Атласова, дорогой человек... Площадь 150 квадратных камёв. Красивый остров. Почти правильная круглая форма, диа-

метр около семи с половиной миль. Нынче необитаем, а раньше... раньше был на нём населённый пункт Атласово и погранзастава Девятка...

Подходим ближе и неожиданно отдаём якорь. А в лоции, между тем, ясно сказано: «Удобных мест для якорных стоянок нет». Ну да, грунт тут суровый, остров сложен вулканическими горными породами.

Не успеваю задать вопрос, капитан сам обращается ко мне:

– Сходим на берег?

– Ха! – чувствую, глаза мои подпрыгнули под самые брови. – Ещё бы!!!

В темпе листнув лоцию и прочитав про Алаид, я выскочил напалубу. На микроплато круглого, как пятак, острова – серая зона с вышкой, бараками, домишками, ниже, на узкой береговой кромке, – такой же брошенный посёлок из двух десятков домиков.

Говорят, здесь был женский лагерь. Остров почти неприступный, слева от зоны, на камнях, торчит корма с надстройкой, остатки кораблекрушения, довольно внушительные остатки. Спустили на воду дюралевую «казанку», и вот мы уже мчим напрямик к подножью

сказать – останки) какого-то несчастного старого судна. Капитан не сводит с него глаз, напевая вполголоса:

*У н-е-е-ей такая
маленькая грудь,
А губы, губы алые
 как маки.
Уходит капитан
 в далёкий путь,
Целует девушку
 из Нагасаки.*

А я люблюсь вулканом. 2340 метров, самая высокая точка Курильской гряды. Склоны его – целое семейство дочерних конусов, даже у основания вулкана. А размер основания Алаида внушительен – 12–17 км. Вершина вулкана – взрывной кратер размером 1300 х 900 м и глубиной 200 м. Внутри кратера – молодой шлаковый конус высотой 250 м. Вулкану ни много ни мало 60 тысяч годов. Он засыпал чёрным вулканическим песком не только этот остров, но и соседние. У его подножья зеленеют кустарники – ольха камчатская. По террасам и холмам стелются луга, разнотравье. Повыше – снег, а за вершину зацепилось белое облако, прокуренное вулканом до мышиноного цвета.

Когда-то здесь были рыбозавод и зверохозяйство. Следы их почти что скрыли заросли.

Судя по останкам крушения, это было небольшое судно, может быть, тонн на пятьсот. На кормовом подзоре ещё можно прочесть: «ВОЛХОВ», порт приписки уже не читается. Но капитан пристален, он будто пытается всё же прочесть давным-давно смытое временем, волнами, ветрами. Зачем ему это, мелькнула мысль, ох уж дотошные люди эти капитаны! Это как водители, выворачивающие шеи на ДТП, возле которого толпятся гаишники. Такая красотища вокруг, а он...

Розовое чудо на тёмно-синем море, в светло-голубом небе – вулкан, розовая от восхода египетская пирамида с ещё более розовым (розовей самой розы утренней!) дымком набок, как от небольшого костра на ветру. Это в 7.30 камчатского, а минут через двадцать розовое становится белым чудом, не менее удивительным, подложенным снизу неприметным маревом и как бы парящим. Воспаряю за ним, как цирковой атлет, в синий купол.

– Епифаныч, – благодарно задыхаясь, тяну руку к вершине, – какое чудо! Может, останемся тут?..

А он, вижу, всё ещё не отрывает взгляда от убогих корабельных останков. И в синих глазах его плавает, словно в море, такое, что ни в сказке сказать... Я диву даюсь, читая в них, точно в детской книжке с крупным шрифтом. Вот где настоящая поэтическая грусть, а вот уже и тоска, плывущая в смертельную горечь и тут же сгорающая от внезапно наплыва странного чувства. Не глаза, а натуральный калейдоскоп! Боже, что это – морской волчара оказывается лириком неслабого накала: в его взгляде – мечтательность и... любовь.

Но тут же одёргиваю себя: банальные журналистские измышления! Однако продолжаю придумки: мечты его – не о будущем, а явно о прошлом... Ну да, я же вижу, он весь там, в своих воспоминаниях, которых у старого капитана, что у Флинта сокровищ в сундуке. Господи, это затмевает даже мои восторги от вулкана, и я подхожу тоже под самый подзор кормы бедного «Волхова» и не могу удержаться от вопроса:

– Евгений Епифанович, что с вами?

Он молчит.

– Вы что-то знаете об этой древней посудине?

– Древней? – он хмыкнул. – Не древнее меня, дорогой человек... – Голос его, на мостике железный баритон, здесь странным образом взмыл до лирического тенора. – Ровно двадцать лет назад это был МТР, малый транспортный рефрижератор типа «Медведица»... – и снова баритон: – 400 тонн грузоподъёмность. Первый мой пароход, на котором я пошёл в рейс капитаном...

Останки «Волхова», как в кино, с помощью магии монтажа стали быстро оживать, обрастать плотью. Историю, которую поведал мне кэп «Селенита», можно назвать именно так: Love Story...

В самом конце 50-х свежее испечённый капитан «Востокрыбхолодфлота», приморской конторы, как говорят моряки, принимал в Ленинграде из новостроя этот малый «жираф». Экипаж из Владивостока ещё не подтянулся, и у молодого Магеллана появилось море свободного времени. Эрмитаж, красоты Северной Пальмиры, конечно же, Невский он впитывал губкой. «Едва только взойдёшь на Невский проспект, – писал Гоголь, – как уже пахнет одним гуляньем». Евгений, получивший образование не только во владивостокской мореходке, но и в ближайшей библиотеке, начитанный, влюблённый в Блока, бродил по вечернему именованному проспекту и мечтал о встрече с Незнакомкой. Да не просто ведь маниловски-обломовски мечтал, а страстно желал вот сейчас, немедленно увидеть в той самой классической коляске-кажете красавицу в шляпке с пером, сканирующую его пронзительными глазами. Весна, что тут поделаешь, дорогой человек! А провидение,

знаете ли, господа, почти всегда, а уж особенно весной, идёт навстречу молодости, обуянной страстным желанием. Тем более вовсе не заурядному штафирке или салаге-матросу, метущему Невский широченными, с Финский залив, клёшами (тогда бывшими в самой моде), а обветренному, как скалы, капитану с шикарным «крабом» на фуражке и сверкающими золотыми лыками на каждом обшлаге элитной чёрной куртки. Проходя мимо ярко освещённой витрины магазина, он заметил, что ботинки его забрызганы, пардон, грязью. А тогда на каждом углу сидели у своих деревянных ящиков со щётками, суконками и ваксой чистильщики обуви, мальчишки, как правило, и инвалиды. Капитан ошачивил мающего бездельем пацана, и тот заработал сразу двумя щётками с машинной скоростью. А наш Евгений тем временем не шибко пристально следил за текущей мимо толпой гуляющих и бормотал про себя:

*По вечерам
над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками
пьяными
Весенний и тлетворный
дух.
Вдали, над пылью
переулочной,
Над скукой загородных
дач,
Чуть золотится крендель
булочной,
И раздаётся детский
плач.
И каждый вечер,
за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют
с дамами
Испытанные остряки.*

Канав на Невском, конечно, уже не было, карет тоже, но Незнакомка – о да, самая настоящая, блоковская! – да вот же она, Она, юная, оча-

ровательная, дефилирует навстречу.

Капитан сунул в замурзанную лапку мальчишки какую-то невероятно крупную купюру, сделал разворот на шестнадцать румбов, то есть ровно на 180 градусов, и зашагал в кильватер Незнакомки. Чистильщик, ещё не веря своему счастью и держа немислимую деньгу на уровне глаз, проводил взглядом моряка-волшебника и пожелал ему, как баяля уже в то время, сбывчумечт.

Устами младенца не только истина глаголет, но и молитвы-пожелания возносятся прямёхонько в небеса. Евгений поравнялся с красавицей – вылитая Незнакомка Ивана Крамского, только глазки немного более раскосы – и с ходу нашёл, нашёл нужные слова:

– Простите, дорогой человек, честное слово, не знаю, как выбраться с Невского к верфи. Там мой пароход стоит. Я с Дальнего Востока. Не подскажите?

Он не врал: он действительно сейчас не ведал, в какую ему сторону двигаться, где норд, где вест, компаса-то поблизости нет. И девушка ему улыбнулась и даже прикоснулась двумя пальчиками к его золотым нашивкам:

– Вперёд, капитан! Это недалеко.

Бог ты мой, и голос ангельский, бодрящий, спасительный для капитана, заблудившегося в ночи. Он осмелился взять её под локоть и всю дорогу до верфи читал ей Блока:

*И каждый вечер, в час назначенный (Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.
И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников,
одна, Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И веют древними поверьями*

Её упругие шелка, И шляпа с траурными перьями, И в кольцах узкая рука...

Как ему удалось провести её на режимную территорию, он не помнил, опомнились оба уже в его капитанской каюте и дружно, весело рассмеялись. У него в холодильнике нашлось всё, что нужно для романтического ужина – и вино, и коньяк, и разные вкусы...

И перья страуса склонённые / В моём качаются мозгу, / И очи синие бездонные / Цветут на дальнем берегу.

Перьев, правда, не было, но была Незнакомка! И стала знакомкой – Белкой, прекрасной татаркой Абельхают, что в переводе означает Живая вода! Ни больше, ни меньше... И очи бездонные, но чёрные, очи страстные, очи жгучие и прекрасные...

Месяц приёмки «Волхова» превратился для капитана в натуральный медовый.

Однако же пароходу в путь пора, в порт приписки, во Владивосток.

У ней такая маленькая грудь, А губы, губы алые как маки.

Уходит капитан в далёкий путь, Целует девушку из Нагасаки...

Прощание, разлука. Радиogramмы сентиментального бугая, хоть и с ликом академика, приводили молодого радиста в восторг:

Белочка родная прошли Ламани справа Британия слева берег очарованный Франция всё дарю тебе обнимаю = твой капитан... Огибаем Африку жаркую черноглазую очень скучаю = твой навсегда...

И так – до самого Владивостока! Ответные радиogramмы были куда сдержаннее, а

вскоре капитанские рдо вообще стали безответными. И уже перед самым приходом в порт приписки он получил странное послание от её родителей:

Абельхают уехала на Дальний Восток адрес пришлём письме...

Целый месяц он терялся в догадках, просто с ума сошёл, дорогой человек. Наконец, пришло письмо, и в нём – считай, адрес военно-полевой почты: Сахалинская область, ИК и цифры дробью... ИК – что это, Икорный Комбинат, Империя Курил??? Завербовалась Белка на какой-то остров?..

Однако эти прекрасные гадания капитана-лирика оборвал один знакомый юрист: ИК – исправительная колония!..

Исправительная!.. Колония!..

Боже мой, Белка, что с тобой стряслось?.. Почему тебя исправлять надо? Красавицу мою исправлять? Зачем? Кто это сделал?..

Ну да, тебя подставили, ты же честная, а в твоём универмаге, да к тому же в мануфактурном отделе, конечно, жульё бал правит...

Господи, за что ж её так, блоковскую, Ивана Крамского Незнакомку???

Малый транспортный рефрижератор «Волхов» поставили на линию: Владивосток – Охотоморская промысловая экспедиция.

Капитан узнал адрес той ИК и воспрянул: это же точно на его пути, прямо по его курсу! Мечта о встрече воскресла...

Эдмон Дантес, замок Иф (замок из тиса) на одноимённом острове, граф Монте-Кристо (Гора Христа), создатель их великий Александр Дюма... С отменной дотошностью влюблённый молодой капитан изучил подробную карту Алаида, подводных грунтов вокруг

него, течений, преобладающих ветров. Островок невелик и обособлен, до ближайшего берега – острова Парамушир – 11 морских миль. Значит, охрана там не должна быть строгой: куда ж ты денешься с острова-то, переплывёшь 11 штормовых миль, двадцать километров?..

Надвигался циклон с юга. Малые суда спешили в укрытия. Совершенно на законных основаниях капитан прижался к северо-западному берегу острова Атласова (Алаида) и встал на якорь. В бинокль он разглядел маяк и сторожевые вышки... Вот тебе и нестрогая охрана... Однако он приказал спустить мотобот и, оставив за себя старпома, полетел «на крыльях любви» к своей Незнакомке. И пока летел, любовался вулканом, любовался притом её глазами и беззвучно читал – не для себя, а ей декламировал, как там, в Питере, бессмертные стихи Блока.

Понимая тоску охраны, которая «встаёт ох, рано», наверняка зверскую тоску по материку и, главное, по материковому гастроному, он взял с собой полдюжины бутылок спирта. И вот с командиром гарнизона, старшим лейтенантом, ровесником, уже пошёл контакт, они покинули КПП и классно расположились «на природе», среди овсяницы и вьюнковой гречишки. Евгений с детства знал это растение, как кровеостанавливающее средство, а ещё тут росла всем известная герань, брусника и уже начинала зацветать лоза багульника, негромкого красавца, гордости дальневосточников...

После первой стопки старлей исповедался капитану: он тоже, ха-ха, давно должен был стать капитаном, получить четвёртую звёздочку на погон, но вот никто его не упредил, что с...ть против ветра вредно, вот и пришлось ему сменить столичный Хабаровск и неплохую должность на этот

забытый Богом и людьми Алайд...

Приняли по второй, и Евгений, собравшись с духом и воспарив с капитанского баритона до тенора, поднял главную тему:

– Дорогой человек, у меня на твоём острове-вулкане, можно сказать, судьба моя притаилась... Абельхаят Галимова...

– Да тут одни проститутки, считай...

– Да нет, дорогой человек, она тоже жертва, но не «общественного темперамента», как газеты пишут, а универмаговских ворюг-товароведов. Они поменяли артикулы, завысили цены – и всё! А её подставили, и она пошла по делу потому, что это жульё однажды, да, я знаю, всего разок (!) поделилось с ней крохами своего барыша...

Выпили по третьей, как водится на Дальнем, «за тех, кто в море», и старлей, с восхищением, если не с завистью, глядя на влюблённого моряка, дал ему трёхчасовую свиданку с заключённой А.Галимовой.

Наверно, ни на одном острове мира такого быть просто не могло! Кэп и Белка оба плакали без слов... Но тут... Боже, зачем же так? За что?.. Буквально через час ветер стал рвать крышу и два сердца, два несчастных и счастливых таких сердца, забившихся было как одно... Свиданку, вымоленную молодым капитаном, пришлось оборвать. И чуть не рысью бежать на берег... Он должен, он обязан исполнить свой долг! Там люди! И он бежал, не видя дороги, прыгая через кусты ольхи и багульника, но... опоздал... Якоря поползли по скальному грунту...

Он бросился к боту и прямо в грудь принял удар шквала. И точно знамение с неба, страшное озарение – картины грядущих бед: якоря на гладком вулканическом грунте не удержат «Волхов», сейчас в считанные минуты, сейчас его выбросит на камни. И по

его, капитана, вине погибнут люди... Это возмездие, кара за твою, сэр, капитанскую недалёковидность, глупость, идиотизм... любовь...

Море ничего этого не прощает...

Море буквально взбесилось и сценарий кораблекрушения выполнило действительно в считанные минуты.

А для капитана время остановилось.

Лишённый капитанского диплома, он целый год шатался, словно по шатким балясинам штормтрапа, по разным конторам и дебаркадерам. И наконец – капитан. И вот нынче у него почти такой же, как «Волхов», пароход – лунатик, «Селенит».

Евгений Епифанович глухим баритоном капитанским, будто на мостике, поведал мне, как был выброшен МТР на остров Атласова – Алайд.

Боцман протянул трос с кормы, упокоившейся уже на камнях, на берег, по нему люди и выбрались, никто, слава Богу, не погиб...

А его Белка, Абельхаят, лишь через пять лет, таких долгих-долгих алайдских лет, покинет остров-вулкан, но уже... женой старлея, который демобилизуется и уедет с ней в Ленинград...

Вдали виднелся остов вышки, на которой круглосуточно находилась охрана женской зоны. Вот свидетельство современного путешественника по Курилам: «Мы достигли целого леса из ольхового стланика, который сильно разросся вокруг полуразрушенного от времени барака женской колонии. Крыша обвалилась, выставив, как на показ, убогую обстановку, в которой жили заключённые: железные кровати, стоящие почти вплотную друг к другу, какое-то подобие тумбочек, три печки с высокими трубами, сложенные из красного кирпича... Природа с целью скрыть от случайных посетителей бывшее обиталище заключённых

женщин вырастила на месте колючей проволоки непроходимые заросли шиповника. На всём обозримом пространстве кустики шиповника выросли до 30 сантиметров, а вокруг бывшего лагеря шиповник вырос в человеческий рост... Наверное, пройдёт ещё несколько лет, и природа совсем скроет от любопытных глаз, не так уж и часто посещающих столь отдалённые места, этот печальный уголок острова Атласова».

Пока мы бродили по острову, капитан всё напевал и напевал эту песню про девушку из Нагасаки:

*У не-е-ей такая маленькая
грудь и губы, губы, алые, как
маки...*

Облако с вершины вулкана, видно, послушное верховому ветру, стало подниматься, отплывать в сторону и темнеть, превращаясь в тучку. Капитан покосился на неё и, взяв меня за руку, увлёк на берег, к «казанке». Испытывать судьбу, повторять горе-эпопею

«Волхова» он явно не собирался.

Мы шли под мотором, а в голове всё звучала и звучала блоковская «Незнакомка»:

*Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.*

Солнечный диск в самом деле «кривился», прячась в ту летучую тучку.

Прощай, Алайд! Абельхаят, прощай! И вы, конечно, тоже прощайте, такие невезучие «ночные бабочки»! Родиться бы вам лет на тридцать позже. Нынче б вас никто не сажал, а показывали бы по телеку и в кино...

Борис МИСЮК

г. ВЛАДИВОСТОК

Семья

ВАНХО

Тёплый ветер подул с северной стороны, медленно и волнообразно, расчёсывая лес. Кедровая пыльца слетела и окрасила воздух.

– Красота-то какая, – вздохнул Ванхо, – о, небо, как ты щедро посылаешь богатства!

Он глубоко вдохнул воздух, чтобы набраться сил. И, шатаясь как пьяный, поплёлся на берег. Ему предстояло подумать. Минувшей ночью к нему явился покойный отец. Старик сел на край кровати и внимательно посмотрел на сына. А потом подошёл вплотную и протянул руку.

– Ты... выпил? – спросил Ванхо и осёкся, он знал, что в той жизни не пьют, и не едят. Неизвестно откуда, но знал.

Но ничего другого ему в голову не пришло. В жизни отец обнимал его только по-пьяни. В трезвости был злым и всех ненавидел. И всегда пел одну и ту же личную песню:

«Салейсдота-мат нюни небя, ельцехамзаманьхана-вэми...» («Красавицу Салей – мать моих шести детей, я украл её любя...»)

Это была неправильная песня на чужом языке. Мама не любила её, много раз плакала, когда слышала, но отец нарочно пел её снова и снова. Много позже Ванхо понял,

папа мстит за унижение, он не должен был жениться на чужачке, за это его выгнали из дома и никогда больше не пустили.

Со временем он привык к новому дому и новым родственникам, но стоило ему выпить, как в словах начинала сквозить такая боль, хоть уши затыкай.

Ванхо хотел поговорить с отцом, но тот – то ли обиделся, то ли не положено ему долго тут быть, – обошёл вокруг кровати и исчез за шторкой.

Он был настолько реален, что сын почувствовал даже запах его одеколона.

– Интересно, что хотел сказать – думал Ванхо, – может, предупредить о смерти? Вроде бы рано, но с другой стороны, кто знает, сколько мне положено? Лучше бы, конечно, подготовиться, на всякий случай, а то, кто знает, может вот теперь в эту самую минуту ангел смерти с солнечным мечом направляется сюда и тогда этот час жизни окажется последним.

Ванхо достал папиросы, ночное видение всё ещё крепко держало его в своих объятьях. Усталое посмотрел на жену, вышедшую из дома, и вдруг пришла шальная мысль: а что, если я вижу её последний раз? Эх, Верка,

как же ты без меня будешь справляться? Тебе и со мной-то непросто, а уж одна и подавно помрёшь. Ванхо любил свою жену, несмотря на то, что она слыла лентяйкой и пьяницей. «Ну, какая она алкоголичка – оправдывал её перед мужиками – от второго стакана уже спит». Ему обидно было за Верку, её непутёвость, но через сетки морщин и жёлтые зубы, Ванхо видел молодую девочку с влажными губами, которая четыре года по любой погоде приезжала к нему с передачами в областной центр, где он сидел в тюрьме. Он до сих пор уверен, что только из-за неё его амнистировали, всей камерой бумаги о помиловании сочиняли. А потом, когда освободился, вместо того, чтобы валяться у девчонки в ногах, запил-загулял, в соседнем посёлке нашёл невесту-хохлушку и уже свадьбу назначили, но тут узнал, что Верка в больнице, хотела вены себе перерезать... Ванхо протрезвел, пошёл, забрал её из палаты и прямо в больничной пижаме привёз в загс.

– Ты чего как неживой? – спросила жена.

– Отец ко мне ночью приходил.

Верка поморщилась от головной боли, в последнее

время она стала много болеть с похмелья, икнула, почесала нос и сказала:

– Может, это знак, что надо идти его в совет записать, – жена Ванхо в силу своей малограмотности, все государственные учреждения называла советами.

– Да, может и так, как же я запамятовал!

Когда умер отец Ванхо, зарегистрировать его смерть в загсе отказались, чтобы перед очередными депутатскими выборами не поругать статистику, родственникам наказали, бумажки от фельдшера не выбрасывать, а прийти с ними на следующий год, а то и так национальный посёлок норму на смерть перевыполняет в полтора-два раза, куда это годится?

Ванхо решил на завтра сходить и обязательно записать отца в загс. Кто знает, может, ему от этого будет лучше? А то по бумагам живой и может у него в потусторонних инстанциях неприятности, ведь это же обман чистой воды получается.

– Лучше бы завтра, после обеда умереть, если уж так надо – подумал он. Вечером как раз дети приедут из интерната, Верка беляшей настряпает, пить не станет, она всегда после запоя держится месяца два огурцом, а это как раз совпадёт с летом, значит, к зиме подготовится. Заодно попривыкнет к новому положению и кто знает, может, найдёт кого-нибудь, чтобы не тосковать в холода-то одной.

С этими мыслями Ванхо сел в лодку и поплыл проверять сети, заодно поглядывая на горизонт, откуда через пару часов должен был появиться вертолёт с детьми. Ох, как же он по ним соскучился, не передать!

К старшему, Альвали он был немного равнодушен. Когда расписывались, Верка призналась, что беременна, но Ванхо не стал злиться,

пожал плечами и сказал, что когда-нибудь родит от него.

– А с этим что делать? – спросила новоиспечённая супруга.

– Что-что? А ничего! Пусть растёт, кому он мешает?

– Может, я пойду на аборт?

– Дура ты, это ведь больно.

– А ты откуда знаешь?

– Ты посмотри на кедр, если молодую шишку сорвать, она же обязательно отдерёт ещё и ветку, и кору кругом, а когда вырастает, легко поддаётся сама и никому не мешает, так и с человеком, и со скотиной так. Со всеми так, понимаешь?

– Ванхо, а ты меня не будешь попрекать? – в эту минуту Верка была прекрасна, её большие глаза раскрылись от удивления подобно водяным лилиям, и она смотрела на него как на своего спасителя.

– Зачем? Делать мне больше нечего.

Альвали родился в срок, и всем было видно, что он не от Ванхо. Верка стыдилась, но потом привыкла и стала даже гордиться. Перестала мужа звать по имени, а просто мой... Ванхо не обижался, а чтобы меньше попадаться людям на глаза, попросился на дальний участок, он работал егерем и почти всё время жил в лесу. Помнится, когда мальчик потянулся к нему первый раз со слогами па-па, па-па... он легко оттолкнул его и вышел на улицу курить. Потом, когда сын встал на ноги, то тут уж без зазрения совести при всех папкой звал и бегал за ним, как щенок. Лёд растаял, когда Ванхо сломал ключицу и лежал в гипсе, малец обслонявил его и рассказал все свои детские секреты. Он смотрел, так как радуга после грозы глядит на землю, дрогнуло сердце и, не привыкший к сантиментам, мужчина взял на руки ребёнка и начал рассказывать сказку про комбата, который любил петь народные песни...

– Папка, а папка, – вопрошал малыш на своём табарском языке, – а посеми ты меня не убишь? Совсем не убишь?

– Это кто тебе такой бред поведал? А-ну покажи, я ему махом морду разобью! Чтобы я, Ванхо Найими, не любил такого мирового пацана, как ты! Эй, Альвали, не слушай никого, слушай только своё сердце.

– А это где?

– Вот здесь, – мужчина ткнул пальцем в ребёнка, а затем, оглянувшись, не видит ли кто, крепко обнял его.

– Папа... мой папа, – прижался Альвали, – я буду таким, таким, как ты.

– Нет, сынок, ты будешь большим человеком.

– Большим?

– Да...

В школе оказалось, что Альвали лучше всех разбирается в математике, самые сложные задачки решал, как семечки щёлкал, и Верка очень гордилась им. А младшие Пынжа, Шурка и Унху слыли лентяями и тупицами. «Вот эти, сразу видно, от меня» – утешал себя Ванхо, но к Альвали относился с трепетом. Всегда привозил ему замысловатые игрушки и втайне мечтал, чтобы мальчик выучился. И не просто техникум какой-нибудь закончил, потолок большинства представителей из коренных народностей Севера, а большой и всем известный институт, может даже МГУ.

Он один раз видел выпускника московского университета, очень вежливого, который ко всем «на вы» обращался, и был такой учёный и правильный, что сразу всем захотелось к нему иметь какое-нибудь отношение.

Рыбы набилась полная сетка, казалось, будто кто-то специально её натывал. Она билась, когда Ванхо её разматывал, стремилась обратно в речку, но большие руки опытного рыбака уверенно кидали

её на дно старой лодки, и оно вскоре полностью покрылось живым алюминием. «Наверное, хватит, – решил хозяин, – ребятишки ведь не одной рыбой будут питаться». Вспомнил, как с Веркой на прошлой неделе купили мешок печенья, ящик пряников, ящик карамели, яблоч всяких, апельсинов. А много ли детишкам нужно? Им дома самое главное – свобода, чтобы на улице можно пропадать целыми днями и ничего не учить. Подумал, с каким отвращением Пынжа рассказывал про учёбу: и всё-то там неправильное, и Пифагор дурак, и Екатерина Вторая ненормальная, и сосед Толька дерётся, и батареи горячие, и кактусы колючие, а классная руководительница так и вовсе чурка замызганная. Пынжа мечтает быстрее закончить школу, и работать в лесу, как отец. Он с удовольствием летом помогает скручивать ему веники для районной бани, вязать силки на куропадок, вёсла полировать. В общем, делать всю мужскую работу, какую полагается в таёжном посёлке.

Дома Ванхо застал необычную картину, жена лежала на кровати и стонала, держась обеими руками за голову. Боль, по всей видимости, была такой сильной, что она ничего перед собой не видела.

– Может, опохмелиться надо? – Участливо спросил муж.

– Нет, не хочу.

– Тогда я за фельдшером пошёл...

– Не поможет – обречённо произнесла Верка.

– А что поможет? – не отставал Ванхо.

– Ничего, мне уже ничего не поможет.

– Так не бывает, может, всё-таки напиток? Ну, хочешь, я с тобой выпью.

– Не хочу, уйди отсюда, на улицу иди, куда хочешь!

Ванхо всё же решил навестись к фельдшеру, вдруг тот

таблетки против боли выпишет, да и просто мудрый совет даст. Книжные люди, они такие, всегда про всё знают. Он выбрал четыре крупных муксуна и пять щурогаек, кинул их на брезент на дне коляски, неспешно завёл мотоцикл и поехал на другой конец посёлка.

– Эй, хозяин, здрастье, что ли! – О братился к Василию Михайловичу, который разбирал пылесос во дворе прямо на траве.

– Здравстье, коли не шутишь, – повернулся к нему медик.

– Я вот тут тебе с утрешнего улова привёз... на уху ли, сушить ли... самое то, – замялся Ванхо.

– Ну, спасибо, а я как раз чего-то строганины захотел, так замечтал, что даже под ложечкой засосало. Вот, что значит, рыбная душа.

– Пил, что ли?

– Ну, совсем чуть-чуть, можно сказать, дегустировал, баловался, короче.

– Спирт привезли?

– Нет, какой тут спирт, сейчас медикаменты уже заспиртованные все, стерильные. Я так по-старинке, самогонку гнал.

– Ну, хорошее дело, – заметил Ванхо, – своё-то завсегда лучше магазинного, но если магазинное совсем дорогое, то тогда хорошее... я вот зачем к тебе, значит, у меня Верка захворала. Голова болит, ничего не помогает, водки не хочет. Ты, может, таблетку, какую дашь?

– А толку? – пожал плечами фельдшер, – ей это всё одно, что мёртвому припарка. Выписать сильное обезболивающее я права не имею, она сама от лечения отказалась, и от операции тоже. Расписалась во всех бумагах, как положено.

– Да ты брось обижаться, уж заобижался-то как, ну баба-дура, кто мою Верку не знает? Сегодня одно, завтра другое. Ты её всерьёз не принимай. Тоже мне начальник,

она со словами не дружит, уж не больно много-то их знает.

– С чего ты взял, что я обижаюсь? Мне жалко её. Такая молодая, в расцвете сил, сколько ей там натикало, тридцать восемь?

– Тридцать девять исполнится осенью...

– Не будет ей тридцать девять.

– Как так? У нас с ней на одной неделе дни рождения, и Унху между нами. Короче, всю неделю отмечаем, обычное дело. Ты тоже можешь захватить как-нибудь, двадцать седьмого, двадцать восьмого и двадцать девятого сентября. В любой день приходи – не промахнёшься.

– Ну, это ваши завязки. Только помочь я ей уже ничем не смогу.

– Да ты хоть попробуй, может, укол какой. Ну, там есть... я слышал, горячие, которые прямо в вену, и сначала плохо, а потом хорошо, как после бутылки.

– Укол-то можно, но не поможет он ей. Что ты как маленький вцепился? Это и так счастье, что она с таким диагнозом долго живёт, с раком мозга в последней стадии обычно недели через две умирают, а она, сколько там, с весны, кажется, тянет.

Ванхо сник. Верка пьяная кричала, что у неё рак. Но она всегда так кричала, он думал, что врёт, известно ведь, что все бабы любят на жалость давить. Мода у них такая. А тут, раз, и оказывается, правда. Это что получается, что отец за ней приходил? Но это неправильно, ведь она баба и никому ничего не сделала, чтобы вот умереть посреди жизни. С мужика другой спрос, в нём всегда подлость проглядывается. Ванхо почувствовал, как пересохло у него во рту. Молча сбросил рыбу на траву, завёл мотоцикл, огляделся пустым взглядом, сел и поехал.

Дома его детишки уже заждались. Верка суетилась возле печки, как ни в чём не

бывало. Муж отвёл глаза, ему пришла неожиданно мысль: а что если фельдшер ошибся? Многие ошибаются, и любая техника врать может, кажется, это называется, погрешность. Да, да, погрешность, у Альвали слышал это слово. Он поискал глазами старшего сына, тот сидел напротив окна и читал толстую книжку.

– А ты что отдохнуть не хочешь? – спросил, еле заметно улыбаясь, – что, в интернате не начитался?

– Так я и так отдыхаю – ответил юноша, – это не задачи, а так сплошная легкотня!

Он показал обложку, Ванхо по слогам прочёл: «Кр-рат-кий курс выс-шейма тема-ти-ки».

– Ну, ты и башка, – с гордостью произнёс отец, поправляя энцефалитку, – да что бы я, да всю эту умную лабуду прочёл, ни в жизнь. Хоть бы даже мне три жизни пришлось прожить.

– Ему министерскую стипендию дали, – тыкнула в Альвали Верка, – каждый месяц новые деньги будут на карточку приходить. Уже два раза пришло, вон, палатку тебе купил и москитную сетку, а мне одеколоновый набор.

– Мам, ну, сколько можно? Не одеколоновый, а парфюмерный.

– А пахнет-то, пахнет-то как, всякими цветами, киви, розами, гранатами!

– Мама, киви и гранаты – это не цветы, а фрукты, их едят.

– Ой, как приятно, что хоть один сын учёный...

Верка осеклась, виновато взглянула на мужа, прихватила с собой набор, вышла. В сенях растормошила коробку, выбрала самый большой крем и пошла к соседке – менять на водку. У забора она ещё раз решила взглянуть на подарок Альвали, открутила крышку, на розовые маленькие шарики и нежные, нежные как цветы морошки. Верка понюхала и застыла, такой тонкий аромат её ноздри

уловили впервые. Понятно, что красная цена товару десятка магазинных бутылок, но Степановна больше одной самопалки не даст. Э! Нет! Не станет Верка такую красоту менять на бухло. Уж лучше лицо им мазать, глядишь, и морщины сойдут. Сейчас чего только не придумывают. Она вернулась в дом, и с таким праздничным лицом, что Ванхо невольно отпрянул, он хотел что-то сказать, но вспомнил слова фельдшера, молча застыл.

– Альвали, а что это за шарики такие?

– Мам, это пудра! Тут же написано.

– Не знаю я этих импортных языков...

– Какие импортные. Вот здесь сбоку на русском. Видишь, специальная этикетка.

– Ой, да ну его! Стану я читать всё подряд!

Она, счастливая, ушла в ванную и закрылась надолго. Только и слышно было, как мурлыкала эстрадные песни. Баба, чего с неё возьмёшь? Ванхонаказал детям есть, чтобы поправлялись, а то отощали совсем, но его, кажется, никто не расслышал, все были заняты своими делами. Тогда он обратился к Шурке и попросил её помочь ему почистить рыбу.

– Батя, и я с тобой, – произнёс Альвали, закрывая книжку – надо же помочь. Давно соскучился по домашней работе.

– И я – сказал Пынжа.

Ванхо заметил, как Шурка надевает тоненькие перчатки.

– А это тебе ещё зачем? – спросил у дочери.

– Как зачем, – искренне удивилась та, – чтобы маникюр не портить.

Унху играл с собаками на улице, но когда увидел, что семья собирается в подсобку, тут же присоединился к ним.

Ванхо слыл хорошим хозяином, весь инструмент у него разложен по полочкам. В подсобке была отдельная ванная специально для рыбы, грибов

и разделки мяса, чтобы в избе лишний раз не марать. И, если б Верка была такой же акуратисткой как он, то в доме могла быть чистота всегда, но жену порядок не волновал. Она с недоумением смотрела на мужа, но всё же подчинялась ему. Особенно ей нравилось глядеть, как он что-нибудь делает, все мускулы работали, как будто их стирали на доске, он тогда казался ей таким умным и правильным, что редкий раз удерживалась, чтобы его не поцеловать.

– Ты... это чего? – обычно смущался он, – вишь, роблю.

– И правильно, – кокетничала она, – работа дураков любит. Шучу...

Дети расположились на стульях рядом с ванной, каждый взял по разделочной доске, пододвинули таз для требухи. Шурка за что-то отвесила подзатыльник Унху, тот показал ей язык.

– А-ну прекратить! – скормандовал Ванхо, – научитесь уважать друг дружку, вы ведь родные.

– Я тоже хочу с вами чистить, – с обидой в голосе закричал мальчишка.

– А кто тебе мешает? – спросил отец.

– Как кто? Никто! У меня нету разделочной доски! У всех есть, а у меня нету. И всегда так. У всех всё есть, кроме меня.

– Тоже мне проблему нашёл, – произнёс Альвали, аккуратно вынимая двумя пальцами желчь из муксуна, – сбегай в дом и принеси, там, на кухне их штук пять разного размера...

– Кыш отсюда! – показала Шурка на дверь.

Унху побежал и все рассмеялись. Сапоги, подаренные ему на вырост, оказались слишком большими и он в них еле-еле ноги от земли отрывал. Через пару минут он вернулся бледный и без разделочной доски. Его слова потрясли всех.

– Мамка умерла...

Алина ЧАДАЕВА

КРАСНЫЕ КОНИ

МЕЗЕНИ

Деревня Палащелье на реке Мезени – самый что ни на есть «медвежий угол». В 1969 году нашего с мужем «пришествия» и «приплытия» хозяйка дома, где мы остановились, Евдокия Герасимовна Аксёнова вспоминала, как в «недавнее» время «медведи-то в самую деревню заходили. В сельпо Правление-то тогда было. Одни бабы правили: война, мужиков-то не было. Учи-

тельница из окошка выглянула – «батюшки! Медведь в колхоз записываться идёт!» А он себе мимо прошёл к задам-то, к конюшне. А там кобыла с жеребёнком была. Окошко выломано. Медведь морду-ту просунул да лапой подманывает. Конюх-то думает: чья такая овца не стрижена? В это время уж со всех овец шерсть-то сняли...»

Про медведей ещё много мы сказов услышали.

Да приехали-то за другим: не сыщется ли в Палащелье мастер, что и по сию пору мезенскую роспись помнит, а, может, и деревянную утварь работает на старинный лад.

– Да как нет – есть! – обрадовала нас Евдокия Герасимовна. – Один Фёдор Михалыч Федотов и остался в живых-то.

Идём по деревне к избе Фёдора Михайловича. Мимо высокой церкви, забранной

«Конь на крыше – в доме тише». Северяне считали дом чревом солнечного коня – оберегом.

тёсом. Потом уж узнали, что поставлена она была в 1874 году во имя Рождества Иоанна Предтечи и расписывали её местные палащельские мастера. Тёс от времени поседел, чёрнёным серебром проглядывает. Креста на куполе, конечно, нет; двери настежь. Нежилая.

У кладбища – могучий поклонный Крест. Местами мощные доски потрескались, но резная надпись

славянской вязью сохранилась: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твоё славим». У подножья привязана цветастая тряпица с нашитыми крестами. Кто-то, значит, истово просил защитить дом, семью, село – и было от чего.

Евдокия рассказывала: «Перед войной было. Новобранцев в рекруты провожали. У нас их по дороге до кладбища провожают, гово-

рят, мол, «прощайте, защитники родины», да. А мама моя возьми и скажи: «Глядите, глядите, как баран овец забодает. Сталин-то каждому пулю в бок пошлёт». А тут учительница была, Боброва, она всё записала и донесла. В заключении мама год пробыла, там и померла».

Заколоченных домов по обеим сторонам улицы, что на кладбище – крестов. Высокие, крепкие – сухопутные корабли. В них бы только жить да жить.

– Всё раскулаченные дома-то, – пояснила Евдокия, – хозяев с ребятишками выслали куда-то. Дак какие здесь «кулаки»! Всё на своём горбу делали. Сертук есть – значит, кулак. Нас ведь тоже раскулачивали. Наш род – старинный, многосемейный. Четыре дома под крыши подвели – отдельно жить. Да, слава Богу! – пожар был, все четыре и сгорели. Вот и раскулачились! А иные, видите, двери не заколочены стоят, палочкой – «сторожем» припёрты – и всё. Хозяева думали: вернуться, икону лицом к стене в пустых-то хоромах ставили, помоги, мол, батюшко Николай Угодник, да вот и... Где-то рожками в землю торкнули. Не знай где. Ох, да... ЗА ГРЕХИ, ВИДНО, ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ.

Евдокия идёт медленно, нет-нет да за поясницу схватится, встанет-постоит. И опять свою песню заведёт. И речь её длинная и унылая, как деревенская дорога.

– Мужик-от ведь сегодня здесь, завтра – на войну угнали. Баба-то всё одна да одна. Я вон семерых растила да всех выходила. Зимой мороз сорок да сорок пять, а я в лес на лошадёнке по дрова. Полон воз наложу, а лошадь-то не идёт, не смогает... Ох, да... А ведь одеть ребят-то надо да накормить. А кормить-то – чем? Солому натолку да лепёшек напеку. Сертука-то нет никакого, одеть не

во что. На трудодень двести грамм хлеба дают. А как норму не выполнишь в колхозе, дак сто грамм срежут. И живи как хошь. Сколь перетерпели, дак ныне што не жить-то...

Ну вот – и Фёдора Михайлыча изба. Дошли.

На кровати лежал маленький старичок в перелатанных штанах. Старуха-подросток хлопотала по хозяйству.

– С пожни воротились, – пояснил старик. – Сего сгребали.

– А помочь-то некому? – спрашиваем. – Может, дети ...

– Каки дети! Всего меня перекрутило да переломало на войнах-то. Ведь три войны прошёл. Всё болит, ломает. Ничего мне не нать боле.

Голубые, совсем не выцветшие глаза привычно слезятся. Достал полотенце – отереть лицо. Вдруг засмеялся молодецким, зычным «Ах-ха-ха!»

– Ты меня, парень, не фотографируй. Мне уж ничего не нать боле.

Однако, Фёдор Михайлович, видно, рад нашему приходу, узнав, что вот, мол, приехали знаменитого на всю Архангельскую область мастера поглядеть. Легко с кровати соскочил, принёс недавно вырезанную, гладкую, без росписи прялку.

– Ёлку режу, – стал рассказывать. – Тоже найти её нать, чтоб от корня прямо лопаска-то шла, тогда и прялка цельный вид показывает. А расписывать-то – дело долго. Краску откуда берём? А из бани – сажу. В банях она ряской с потолка виснет. Набрать в коробейку да просеять, чтобы мох из щелей-то на потолке не попал. Да серу с лиственниц собираю. Смолу-то, по-вашему. Да штобы не стара была. В воде сажу да серу разведу, в чугуне, и в печку. И всё гляжу – густа ли краска-то сажна. Не густа, дак ещё добавлю сажу,

да всё сначала, сажаю в печь на трое суток.

– А красну-то краску в Холмогорах добываю, за пятьдесят вёрст отсюда. Здесь – бела щелья-то (щелья – крутой каменистый склон к реке. А.Ч.), а там – красна. Настукаешь камней да привезёшь и растираешь с водой. Вот и краска. Как видели у отцев – так и мы работать стали.

Я по-ученически, словов-слово, записываю за мастером древние рецепты. Понимаю, что мастер – последний, а учеников – нет. Может, кому «на вырост» и пригодится.

– Ну так што вам ещё показать? – разохотился Фёдор Михайлович. – Так и быть, ещё покажу. Што с вами делать-то. Давай, коробейку ладить буду.

Перед нами развёртывается древнее действо: как отцы и праотцы сотворили свой неповторимый мир. Палащельские росписи не имеют аналогов. Неизвестны и их истоки. Учёные считают их архаичными. Сравнивают с наскальными изображениями на каменных берегах Белого моря и Онежского озера. В.С. Воронов (1887–1940), посвятивший жизнь исследованию крестьянского искусства, увидел в росписях палащельских мастеров «глубочайшие пережитки архаики древнегреческих стилей».

Ни о чём подобном я не думала, когда интуиция приказала мне записывать древнее действо сотворения палащельских «коробейки» и «прялки» с дотошными подробностями. «Мгновения остановил» мой неизменный спутник Алексей Герасимов, снимая кадр за кадром своим «Зенит 3М».

...Фёдор Михайлович поставил перед избой стол, на нём – черепени с чёрной и красной краской, разложил инструменты. Сам уселся не

на старинную ли большую коробью, сверх её – подушка. Сидит в «кобеднишной» чёрной рубахе, на ногах – высокие, до колен, вязаные белой шерсти носки. На нас и внимания не обращает, не позирует.

Вот – гнёт об колено осинный обруч, предварительно распаренный в печи. Внутри, на сгибах, делает надрезы ножом, чтобы осина при сгибании не сломалась. Загнул внутренний обручок, внутрь него поставил распорки крест-на-крест, по диагонали. Скрепил концы обода, продёргивая сквозь щели лычку.

– Сарги – зовётся, из черёмухи делаем. Карасину раньше не было. На светец лучину воткнём, зажжём... Глаза-то дымом выест. На вечерку бы нать идти, молодые ведь были, старики говорят: никуда не пойдёшь, пока не распишошь.

– Сделай, а гвоздей не бей. Вот как приказано-то. Они знали, что у их дедов-отцев гвозди тут не полагались.

Фёдор долго растирает красную краску. Затем палочкой с намотанной на ней куделей обмазывает внутренние края обода. Другим «инструментом» – самодельной волосистой кисточкой выравнивает слои краски.

– Киску (кисть) сделал, дак киска кака-то худой работы

И – приступает к рисунку.

...Побежали по ободку чёрные да красные полосы. Повторяется их бег и по краям крышки.

Примитивные мои сравнения подзуживают мой пыл. Пишу скорописью в тетради: «Контур узора похож на след полозьев саней. А в середине тонкой линией выведены как бы «клеточки». В двух крайних Фёдор красным наводит «кресты», а от их концов какие-то чёрточки да полузавитки, цветки, наверное? Ближе к середине –

две тетёры – «валетом»: туловище – красным, крылья, хвосты – чёрным. А в середине...»

– Строгибылистарики-то, – бормочет Фёдор. – Да баб-то прочь гоняют. «Ступайте подале, шток не мешали».

Да, правда. Женскому полу не позволялось расписывать утварь, хотя для них же её и ладили. Женихи – для невест., отцы – для дочек, маленьких прях, – детские прялицы выделывали,

Нать выстоять... Ну, это только на прялки, только по заказам лячкал. ... Или – оленей? У оленей рог-от один большой, от него – отростки. По лесу бежит – рога на спину кладёт, шток не застрять-то. Дак красиво.

– Прялку-то роспишошь, дак эх, жаль посмотреть! Красива, дак лучше уж та прядёт-то.

Начал на коробейке главную фигуру Коня рисовать. В правой руке – «стило» –

шее – уздечка; хвост – длинные черты вразлёт; иноходь странных, тонких – нитками – ног; завиток – стремя? Узнаваемый, но явно виртуальный образ-символ.

Сравниваю с наскальными петроглифами на беломорских и онежских береговых камнях – галереи эпохи неолита. Предельно обобщённые фигуры двуногих лосей, оленей, водоплавающих птиц... Туловище птицы явно похоже на яйцо, часто цвета охры, точно это раскалённое яйцо вечно возрождающейся мифической «птицы Феникс». А из него – тонкий длинный росток лебединой шеи.

Я видела, да и фотографии есть, как Фёдор Федотов наносил на лукошко первые наброски «птиц», и контур их, как стало сейчас мне понятно, близок по стилю к наскальным «лебедям».

Интересно суждение К.Д. Лаушкина: «Район наскальных изображений – это грандиозный первобытный храм Солнца, где куполом было небо, иконостасом – гранитные скалы, а алтарём – горизонт с живым солнечным светом». В «онежском святылице» учёный увидел «неоспоримые следы космического культа».

Все эти толкования – из области предположений. Но, как писал П.А. Флоренский, «всё связано тайными узлами между собою». Ручкой подать от Мезени к Кольскому полуострову, где жили «оленные люди» – саами, стоит только переплыть Горло Белого моря, соединяющее его с Баренцовым. Земля, где коротко лето и длинна зима, где действительны заклинания, высеченные на камнях сопредельных берегов, где особенное почитание Солнца. Саами считали,

Коробейка с магическими орнаментами.

а для взрослых дочерей – в приданое.

Центр и взлёт действия – изображение Коня на внешней стороне коробейки. Фёдор вслух размышляет: что, мол, вам налячкать? Может, пару коней на дыбках? Они, когда вырастают, дак всё играют, на дыбы встанут ...

длинная гладкая палочка, заострённая на конце.левой рукой поддерживает кисть правой, чтобы не сбивалась, вела линию чётко.

И возникает лёгким росчерком чёрный абрис красного мифического Коня. Условно намечены детали: короткие штрихи – грива; на

Последний мастер палашельской росписи Федор Михайлович Федотов с коробейкой его работы

Мастер расписывает последнюю палачельскую прялку

что день наступает, когда Солнце начинает объезжать мир на олене. Эхо поверий отражено и в селениях на Мезени, где и сейчас возглавляют иные дома деревянные главы оленей с ветвистыми рогами. А иные – могучими погрудными изваяниями Коня – наместника солнечного светила на земле.

Перекликаются в космосе души народов. Не зная друга в земной жизни, исповедуют близкие идеи в родственных образах. И всё равно им, «какое тысячелетие на дворе», и нет точек отсчёта в скрещении меридианов и параллелей. Но из многих точек планеты, а из России в августе отовсюду можно увидеть на северном полушарии неба созвездие Малого Коня. Древние греки поселили его на небо и сочинили множество легенд о его «вознесении».

Посейдон и Афина спорили, взирая на пустынное место, где предназначалось быть городу людей, – какое дать ему название. Посейдон ударом трезубца вызвал из скалы боевого Коня, а Афина вырастила оливу. Ей и отдал совет богов предпочтение. И стал будущий город называться Афинами, а Конь оказался на небе, рядом с созвездием своего «старшего брата» – Пегаса – крылатого Коня. Древнегреческому астроному Гиппарху Никейскому осталось только определить их «жилплощадь» на небе, а составителю Атласа звёздного неба Клавдию Птолемею внести эти созвездия в свой «Альмагест» и графически

начертать их в виде головы Коня. И было это во втором веке до новой эры.

Астрономы насчитали четырнадцать маленьких звёздочек в созвездии Малого Коня. Какая-нибудь из них, наверное, смотрит на своих деревянных собратьев в северных деревнях России.

Вот в какие межпланетные дебри завели нас мезенские Кони-коньки да палащельские коробейки с прялками.

Ну, а как быть с другими «узорами» на коробейке Фёдора Михайловича Федотова? С теми, в которых померещились мне, недалё-

но-видной, «цветки – не цветки, вроде, и на бабочку диковинную похожи, а то и на усатого жука, распутившего крылья...»

Или вот ещё пассаж из полевых заметок тех лет. «Сегодня дед расписывает лукошко у себя в горнице. Конь на лукошке стал жить в хороминах нарядных, украшенных чёрной, точно вырезанной, веточкой, вьющейся возле красных столов. Рядом с «хоромами», через «стенку», завился цветок с чёрными в клеточку листьями.

На крышке шесть клеточек нарисовал. Похожи на рисунок бёрда, что на прялке писал. В каждой клетке крест-накрест линейки, от них – лепестки, как от цветка. «Тетёры» из своих «окошек» друга за дружкой полетели. Манят их райские листья по углам окошка. А, может, это одна «тетёра» карусель кружит...»

Выписываю из тетради свою стенографию и думаю, что стали эти заметки – документом: так воспринимает эти «узоры» человек, воспитанный городской цивилизацией. Теперь-то понимаю, что так называемые «узоры» – зашифрованная картина отношений природного человека с Космосом. То, что казалось мне «цветком» – знак накликания плодородия. Чередование красных и чёрных полосок – бесконечный речитатив Жизни и Смерти. Спираль, в том числе и та, которую я приняла за «стремя» Коня, – знак «зарождения Жизни». «Небесная твердь», «Мать-

сыра земля», «семена, корни, ростки, цветки...» – каждое природное явление отражено в заклинательной знаковой тайнописи орнаментов на бытовой утвари, которой изо дня в день касалась рука северного человека.

Фёдор Михайлович Федотов не расшифровывал глубинные значения знаков, которыми он оснащал коробейку, лукошко или прялку. Знал ли он их сакральный смысл – или – просто: «Как наши отцы писали, так и мы»? Но в этом «как отцы» – генотип МИРОВОСПРИЯТИЯ, который шире МИРОВОЗЗРЕНИЯ, ибо вошёл в состав крови и памяти множества поколений за сотни лет.

В тетрадях моих заложено письмо, присланное мне в феврале 1970 года И.Н. Бушенёвым из села Белая Щелья Архангельской

области. Автор, переехавший из Палащелья к сыну, сообщал: «Фёдор Михайлович скончался. Шерсти овечьей здесь купить можно только белой и серой...»

В Статистической справке о демографии населения деревни Палащелья на 1-е января 2010 года означено: «В возрасте до 16-ти лет жителей 5 человек; работающих – 10; пенсионеров – 23; родилось – 0. Покинутые и пустующие дома – 70%. Объекты социальной сферы на территории населённого пункта отсутствуют».

Вместе с последним мастером палащельских росписей Ф.М. Федотовым – умер древнейший невосполнимый «промысел» – не просто «народного творчества», но и народного мировосприятия. Порвалась пуповина живой связи человека с живым небом, землёй, водой, растениями... –

«приручением» Космоса как оберега человека.

В Архангельске, однако, с 1968 года существует ЗАО «Народные художественные промыслы «Беломорские узоры». «Наша компания, – пишется в рекламе, – предлагает изготовление широкого спектра сувенирной продукции в стиле Русского севера». Смотрю каталог. Чего в нём только нет: и коробейки, и лукошки, и разделочные доски, и тарелки, даже деревянные кружки, по округлым бокам которых бегут якобы «палащельские коники», и «курочки» с прялок, и «тетёры»... Те, да не те: ни миро-восприятия, ни миро-воззрения. Переводные картинки. И уж не о душе народной глаголют, а только «тешат глаз» несведущих людей.

Фотографии Алексея ГЕРАСИМОВА
и Ольги ПЕЛЕНКОВОЙ

Архангельские коники. (По мотивам мезенских росписей). Художник Андрей АВДЕЕВ.
Техника горячей эмали.

Игорь Северянин весь пронизан Севером. От своего псевдонима, откровенно говорящего о северном происхождении поэта, до воспетых им северных рек. Впрочем, он и всю жизнь свою прожил на Севере, родился в Петербурге, лет до девяти жил с родителями в Гатчине, затем с отцом уехал в Череповецкий уезд. Там, в лотарёвской усадьбе Сойвола, на берегу северной реки Суда, он и прожил до 1903 года.

МОЯ БЕЗБОЖНАЯ

Владимир БОНДАРЕНКО

РОССИЯ

Родился Игорь Северянин в Петербурге в доме номер 66 по улице Гороховой 4 (16) мая 1887 года в семье капитана I-го железнодорожного батальона (впоследствии полка) Василия Петровича Лотарёва (1860 – 10.06.1904, Ялта). Мать, Наталья Степановна Лотарёва (1857 – 13.11.1921, Эстония Тойла), урождённая Шеншина (дочь предводителя дворянства Щигровского уезда Курской Губернии Степана Сергеевича Шеншина), по первому браку Домонтович (вдова генерал-лейтенанта Г.И. Домонтовича). Среди его предков и поэт Афанасий Фет (Шеншин), и, предположительно, историк Н.М. Карамзин. Впрочем, и Шеншины, и Домонтовичи дали немало славных представителей России.

После кончины первого своего мужа Наталья Степановна вскоре познакомилась с молодым офицером Василием Лотарёвым, и вышла за него замуж. У Игоря Лотарёва была и старшая сестрёнка от первого брака.

Как позже писал в стихах Игорь Северянин:

*По-своему прекрасно. Зою,
Что старше на двенадцать лет,
Всегда я вспоминаю нежно.
Как жизнь её прошла элжно!
Её на свете больше нет,
О чём я искренне жалею:
Она ведь лучшей моею
Всегда подругою была.*

...

*Мать с ней жила в Майоренгофе, –
Ах, всякий знает рижский шtrand! –
Когда с ней встретился за кофе
У Горна юный адъютант.
Он оказался Лотарёвым,
Впоследствии моим отцом;
Он мать увлёл весенним зовом,
И всё закончилось венцом.*

О первых годах жизни поэта известно мало. Тем более жизнь родителей не сложилась, и в 1897 году отец, оставив сестрёнку с мамой,

взял с собой сына и они уехали в Череповецкий уезд. Там и подрастал будущий поэт, на северной природе, в имении своей тётки Елизаветы Петровны Лотарёвой «Сойвола» на реке Суда километров в тридцати от Череповца. Недалеко от Сойволы позже было выстроено и имение дяди Игоря «Владимировка», где сейчас находится литературный музей Игоря Северянина. Учился, и надо сказать – плохо учился, четыре года в Череповецком реальном училище, которое так и не закончил. Директором училища был в то время милейший князь Б.А. Тенишев, которого Игорь Северянин всегда вспоминал с удовольствием, в отличие от самой учёбы, которую не любил.

*Для всех секрет полишинеля,
Как мало школа нам даёт.
Напрасно, нос свой офланеля,
Ходил в нее я пятый год:
Не забеременела школа
Моим талантом и умом,
Но много боли и укола
Принёс мне этот «мёртвый дом»,
Где умный выглядел ослом.
Убого было в нём и голо, –
Давно пора его на слом!..*

Невлюбил учёбу, но страстно полюбил богатую природу Севера и пристрастился к рыбной ловле. Именно в имении Сойвола подрастающий Игорь привык к дальним пешим походам, к рыбалке. Рос на воле и на воде диким подростком. Отец всегда был занят и в отъездах, тётка всё ему позволяла, тут не до учёбы, столь ненавистной ему:

*Ту зиму прожил я в деревне,
В негодовании зубря,
Всё то, что все мы зубрим зря.
Я алгебрил и геометрил.
Ха! Это я-то, соловей!
О счастье! Я давно разветрил
«науки» в памяти своей!..*

Вот и занялся сложением стансов, забросив учебник за забор. Думаю, эта явная недообразованность во всём мешала ему всю жизнь. Проучился всего четыре года, да ещё и оставался на второй год, так и недоучившись в реальном училище, уехал с отцом в 1903 году на дальний Восток, в Дальний и Порт-Артур, но и там долго не протянул, поссорился с отцом и в одиночку в самом конце 1903 года отправился из Порт-Артура к матери в Гатчину. Но именно на Дальнем Востоке решил взять себе псевдоним, выбрал Игорь-Северянин, как единое целое, как Мамин-Сибиряк, Новиков-Прибой. Но об этом в отдельной главе.

Всё-таки, псевдоним – Северянин он взял из любви к русскому северу. Да и стихи начал писать тоже на севере. Уже уехав с отцом в Порт-Артур, в октябре 1903 года Игорь писал, вспоминая уже на всю жизнь любимые места:

Сойволская быль

*– Я стоялу реки, – так свой начал рассказ
Старый сторож, – стоял и смотрел на реку.
Надвигалась ночь, навевая тоску,
Все предметы, – туманнее стали для глаз.
И задумавшись сел я на камне, смотря
На поверхность реки, мысля сам о другом.
И спокойно, и тихо всё было кругом,
И темнела уже кровавая заря.
Надвигалась ночь, и туман над рекой
Поднимался клубами, как дым или пар,
Уж жужжал надоедливо глупый комар,
И летучая мышь пролетала порой.
Вдруг я вздрогнул... Пред камнем теченье реки
Мчал образ Святого Николы стремглав...
Но внезапно на тихое место попав,
Образ к берегу, как мановеньем руки
Чьей-то, стало тянуть. Я в волненьи стоял,
Я смотрел, ожидал... Образ к берегу плыл
И, приблизившись к камню, как будто застыл
Предо мной. Образ взяв из воды, я рыдал...
Я рыдал и бесцельно смотрел я в туман
И понять происшедшего ясно не мог,
Но я чувствовал ясно, что близко был Бог, –
Так закончил рассказ старый сторож Степан.*

18 октября
Порт-Дальний на Квантуне

И это написал шестнадцатилетний подросток, воспитанный в православной вере и влюблённый в родной Север. В окрестностях Череповца (теперь это Вологодчина), в северных лесах и на берегах северных рек впервые явилась ему его Муза («Лесофея»), отсюда и поздний псевдоним поэта – «Северянин». Много лет спустя, уже в эмиграции, он воскрешал в стихах места своего детства и всегда при этом звучала в них ностальгическая нота: «О Суда! Голубая Суда! Ты внучка Волги! Дочь Шексны! Как я хочу тебя отсюда!» («Роса оранжевого часа»).

Я проехал по всем северным местам жизни поэта, начиная от Череповца и заканчивая литературным музеем Северянина во Владимировке. Ездил и в Сойволу, но после строительства водохранилища старую Сойволу подтопило, и дом, где жил Игорь Северянин не сохранился. Сам прошёлся по берегам холодной северной реки Суды, покатался на лодке. Да и жил в имении Владимировка, в том самом доме, где какое-то время у своего дяди жил и Северянин. Мне для написания книги всегда надо поставить себя на место героя, когда писал о Лермонтове, жил в Тарханах и Пятигорске, писал о Бродском, жил то в деревне Норенской, то в Венеции, побывал и в Америке, вот и сейчас еду по местам Игоря Северянина, то в Гатчину и мызу Ивановка, то в эстонскую Тойлу и Усть-Нарву, то в забираюсь в череповецкую глушь, где до сих пор в этой самой Владимировке нет ни водопровода, ни канализации, живут как в каменном веке. Газ продают по всему миру, а сама Россия на треть не газифицирована, незачем русских приобщать к цивилизации.

В 2002 году в Череповце вышла книга В.Минина «Усадьба «Сойвола», впрочем и сам краевед живёт там же, где мы с ним мило и пообщались. Как считает Минин: «Теперь известны все четыре памятных места на череповецкой земле, о которой Игорь-Северянин тосковал в Эстонии: Усадьба и фабрика тёти Елизаветы Петровны Журовой на Андоге, притоке Суды. Город Череповец, где на здании бывшего реального училища установлена мемориальная доска поэту. Дом М.П. Лотарёва во Владимировке, где уже 6 лет существует литературный музей поэта. Посёлок Сойволоское – родниковое место его поэзии».

Позже поэт вспоминал: «С 1896 г. до весны 1903 г. я провёл преимущественно в Новгородской губернии, живя в усадьбе Сойвола, расположенной в 30 верстах от Череповца...» (И.Северянин. «Уснувшие вёсны»).

*Шексна моя, и Ягорба, и Суда,
Где просияла первая любовь,
Где стать поэтом, в силу самосуда,
Взбурлённая мне предредила кровь*

На Суде он провёл своё детство, стал поэтом, спустя сорок лет на Россони и Нарове он закончил свою жизнь. Так и вижу его мальчиком с удочкой в руках, и позже уже зрелым мужчиной всё с такой же удочкой в руках. Менялись только северные реки.

Все любители поэзии Северянина едут со всей России в единственный литературный музей его имени в имении Владимировка. Старинный двухэтажный дом, построенный дядей поэта в 1899 году. Многие думают, что в этом сохранившемся с дореволюционных времён массивном двухэтажном доме поэт и жил. На самом деле, это не так. И по уверениям краеведа Минина во Владимировке у своего дяди поэт появился чуть ли не после возвращения из Порт-Артура.

Как пишет сам поэт в поэме «Падучая стремнина»:

*К концу Поста приехал из имения
В столицу дядя Миша по делам.
Он пригласил меня к себе поехать
Встречать совместно Пасху, Вся Семья,
за исключеньем дочери замужней,
Моей кузины Лили, собралась
В усадьбе. Я любил край Новгородский,
Где отрочество всё моё прошло.
И с радостью поехать согласился...*

И было это уже в апреле 1906 года, уже после его дальневосточной поездки. Виталий Николаевич Минин считает, что это был его первый приезд во Владимировку, мол, ранее никогда поэт о ней не вспоминал. Но после моих поездок и в Сойволу, и во Владимировку, не могу поверить, что подросток сам ли, или же с отцом или тётушкой ни разу не побывал у своего дяди, построившего свой могучий дом всего-то километрах в тридцати от Сойволы. Даже на лодке можно было доехать. Тем более, дядя Михаил Петрович племянника любил, и потом не раз помогал ему в жизни. Даже когда в годы учёбы в Череповецком училище мальчик Игорь ездил из Череповца домой, он мог бы вернуться в гости к дяде, прямо по дороге. Но неужели он ни разу не ездил со своей тётушкой в гости к своему дяде Михаилу Петровичу Лотарёву, имение которого располагалось неподалёку от Сойволы? Не верю.

Да, жил в «присудской Сойволе своей», но, конечно же, обошел и объездил все окрестности и, уверен, бывал и у своего богатого дядюшки во Владимировке.

Первой поселилась на Суде его тётушка, владевшая в Череповецком уезде обширными имениями, а заодно и картонной фабрикой. Когда её брат Василий Петрович Лотарёв поссорился со своей женой, он решил с сыном тоже податься в северные края. Тем более, к тому времени военный инженер Лотарёв уже вышел в отставку, и имел кое-какие сбережения. Решил вместе с сестрой построить новую бумажную фабрику на Суде, вложил все свои капиталы в строительство. Оснастил всё новейшим импортным оборудованием, но начался кризис, спроса не было, и Василий Петрович за гроши продал всю фабрику удачливому дельцу, который и развернул производство. Картонная фабрика работала и в советские годы, но в связи со строительством водохранилища была закрыта.

Получается, что мы с отцом поэта коллеги по профессии, я тоже по первой профессии инженер-бумажник, и хорошо знаю все северные бумажные комбинаты. Знаю, что окружало Игоря в его детские годы, какие запахи шли от целлюлозного производства. Вот он и уплывал подальше на лодке, или уходил в лес, собирая ягоды. Рос таким диким природным парнишкой на лодке подальше на речные просторы, или же на лошадке уносился в череповецкие «прерии», начитавшись Фенимора Купера. Книги он читать очень любил, а вот учёбу презирал.

*Череповец, уездный город,
Над Ягорбой расположен,
И в нём, среди косматых бород,
Среди его лохматых жён,
Я прожил три зимы в Реальном,
Всегда считавшемся опальным
За убиение царя
Воспитанником заведенья,
Учась всему и ничему
(Прошу покорно снисхожденья!..)
Люблю на Севере зиму,
Но осень, и весну, и лето
Люблю не меньше. О поре
О каждой много песен спето.*

На годы учёбы в Череповце отец вызвал из Петербурга мать поэта, счастью не было предела, но учиться своенравный подросток всё равно не желал. После второго класса он был оставлен на второй год. Другое дело, учинить какую-нибудь проказу, затащить к примеру жеребёнка на второй этаж дома...

*Я про училище забыл,
Его не посещая днями;
Но папа охладил мой пыл:
Он неожиданно нагрнул
И, несмотря на все мольбы,
Меня увёз. Так в Лету канул
Счастливый час моей судьбы!
А мать, в изнеможеньи горя,
Взяв обстановку и людей,
Уехала, уже не споря,
К замужней дочери своей.*

Свою северную жизнь позже поэт описал в поэме «Роса оранжевого часа». Как вспоминает Минин: «...Ныне на Суде есть посёлок Сойволовское. Теперь это дачное место. ... Но Северянин дал ещё и поэтические приметы своей духовной колыбели. Рассказывая об усадьбе, он говорит, что «был правый берег весь олесен». В описываемом месте Суды таковым он остаётся до сих пор. И ещё плёсо реки здесь расположено с запада на восток, так что огромный шар утреннего солнца, выкатываясь из-за леса, заливают оранжевым светом и зеркальную водную гладь, и прибрежные луга в каплях росы. Такую картину наблюдал юный рыбак Игорь Лотарёв. Вот откуда поэтический образ – «роса оранжевого часа»...

Нынешние дачники из Сойволовского и знать не знают ни про какого Северянина. Хотя до музея во Владимировке всего час езды.

Название усадьба «Сойвола» получила от речки, по берегам которой размещались приписанные фабрике леса. Дом для новой усадьбы, громадный, двухэтажный, закупили в помещицьем имении на реке Колпи, сплавили его в разобранном виде. Об этом доме ходили мрачные легенды, ходили слухи, что в нём жило семь сестёр-помещиц, убивавших своих маленьких новорождённых детей. «Они детей своих внебрачных бросали на дворе

в костёр, а кости в борах чердачных муравили». Затем дом перекупила помещичья пара, вскоре кончившая жизнь самоубийством. И вот в таком доме мальчик Игорь жил один на втором этаже, по ночам он дрожал от страха, ему чудились привидения и покойники. Днём он отдыхал на природе. Катался на лыжах, на лодках, на лошадях, ходил в одиночку в дальние походы.

Имение «Владимировка» брат Василия Петровича Михаил Петрович начал строить лишь в 1899 году по такому же типу, как была построена «Сойвола». Есть в книге Минина и подборка цитат Игоря Северянина, посвященных любимой Суде. В стихах он много раз называл точный адрес своей поэтической колыбели.

«О, Суда! Голубая Суда! Ты внучка Волги, дочь Шексны! Как я хочу к тебе отсюда В твои одобренные сны!

И какими только словами не ласкал свою судьбоносную реку: «лучезарная Суда», «русло моего пера», «моя незаменимая река», «прозрачно-струйная»... За стремительность течения он сравнивал Суду с быстроногим оленем. Северянин любил её олесенные берега, но знал он и Суду-трудягу:

*С утра до вечера кошовник ?
По Суде гонится в Шексну...
или:
За ними «тихвинки» и баржи
Спешат стремглав вперегонки...
или:
И вновь, толпой людей рулима,
Несётся по теченью вниз,
Незримой силою хранима,
Возить товары на Тавриз
По Волге через бурный Каспий,
Сама в Олонецкой родясь...»*

Уже забыв о первых питерских годах жизни юный Игорь рос как коренной северянин, жил природной стихийной жизнью. С одной стороны, детство поэта было более чем благополучно, роскошный двухэтажный дом, лодка, своя лошадка. С другой стороны, он практически рос как сирота, никем не контролируемый, и остро чувствовал своё одиночество. Думаю, если бы не любовь к поэзии, он бы ушёл в революционеры. Игорь Северянин пишет в поэме «Роса оранжевого часа»:

*Завод картонный тёти Лизы
На Андоге, в глухих лесах,
Таил волшебные сюрпризы
Для горожан, и в голосах
Увиденного мной впервые
Большого леса был призыв
К природе. Сердцем ощутив
Её, запел я; яровые
Я вскоре стал от озимых
Умело различать; хромых
Собак жалеть, часы на псарне
С борзыми дружно проводя,*

*По берегам реки бродя,
И всё светлей, всё лучезарней
Вселенная казалась мне.
Бывал я часто на гумне,
Шалил среди весёлой дворни,
И через месяц был не чужд
Её, таких насущных, нужд.
И понял я, что нет позорней
Судьбы бесправного раба,
И тайне ждал, когда труба
Непогрешимого Протеста
Виновных призовет на суд,
Когда не будет в жизни места
Для тех, кто кровь рабов сосут...*

Подростал готовый революционер. Конечно, ему не позавидуешь, при живых отце с матерью, рос он практически с тёткой, занятой своим бизнесом, как в чужом доме. И уже тогда какая-то затаённая ненависть к городу, как чужому. Северный Маугли вдруг со временем стал всеобщим любимцем горожан, но тайне-то он их всегда не любил и презирал.

*Ты, выросший в среде уродской,
В такой типично-городской,
Не хочешь ли в край новгородский
Прийти со всей своей тоской?
Вообрази, воображенья
Лишённый грёз моих стези,
Восторженно выраженья
Причины ты вообрази.
Представь себе, представь даже
Ты не умеющий, в борьбе
Житейской, мозгу взяв бандажи
Наркотиков, представь себе
Леса дремучие вёрст на сто,
Снега с корою синей наста,
Прибрежных скатов крутизну
И эту раннюю весну,
Снегурку нашу голубую,
Такую хрупкую, больную,
Всю целомудрие, всю – грусть...
Пусть я собой не буду, пусть
Я окажусь совсем бездарью,
Коль в строфах не осветозарю
И пламенно не воспую
Весну полярную свою!*

Нет, так до сих пор никто и не понял смысл поэзии Игоря Северянина, по-настоящему любящего лишь северную природу и простых северных людей. Да и в творчестве его всем известные поэты о грёзках составляют только малую часть. До сих пор иные поклонники поэта, приезжая в Череповецкий район в гости к Северянину, путают имение тётки поэта, его крёстной матери, прозванное «Сойвола» с сохранившимся и поныне имением дяди во Владимировке, где и расположен сейчас литературный музей Игоря Северянина. Крестьянка Спирина некогда служила во Владимировке в усадьбе Михаила Петровича Лотарёва, она писала еще в 1995 году

И В.Лотарёвой: «Когда читаю о И.Северяnine и усадьбе М.П. Лотарёва, недоумеваю, почему усадьбу называют «Сойвола». Хотелось бы знать, почему усадьбе в д. Владимировка дано название другого населённого пункта, находящегося в нескольких километрах от этого дома, вниз по течению реки Суды. Пока были живы старые люди, узнавала. Никто из них не слышал, чтобы усадьба М.П. Лотарёва называлась «Сойвола». А моя мама, работая у вашего деда почтальоном, заявляла, что, когда приходили письма на имя Лотарёва, то на конверте был указан адрес: «Новгородская губерния. Череповецкий уезд, станция Суда, усадьба Владимировка, его сиятельству инженеру-технологу М.П. Лотарёву».

Любителям поэзии Северянина надо не полениться, и от имени Владимировка проехать или пройти до посёлка Сойволовское, посмотреть на истинно северянинские места.

*Но как же проводил я время
В присудской Сойволе своей?
Ах, вкладывал я ногу в стремя,
Среди оснеженных полей
Катаясь на гнедом Спирютке,
Порой, на паре быстрых лыж,
Под девий хохоток и шутки, –
Поди, поймай меня! шалишь! –
Носился вихрем вдоль околиц;
А то скользил на лёд реки;
Проезжей тройки колоколец
Звучал вдали. На огоньки
Шёл утомлённый богомолец,
И вечерали старики.
Ходил на фабрику, в контору,
И друг мой, старый кочегар,
Любил мне говорить про пору,
Когда ещё он не был стар.
Среди замусленных рабочих
Имел я множество друзей,
Цигарку покрутить охочих,
Хозяйских подражать гусей,
Со мною взросло покалякать
О недостатках и нужде,
Бесслётно кой-о-чём поплакать
И посмеяться кое-где...*

Всё-таки, хоть почти сиротой он жил, но в барских, помещичьих условиях. Была у него своя лошадка, своя лодка, что же он, при своём буйном независимом характере и ни разу к дяде во Владимировку не заехал? Не верю. Увы, без родительского внимания, но в достаточно привольных условиях провёл свою юность Игорь Лотарёв. Учёбой не занимался, но на девушек обращал самое пристальное внимание. После чисто детских влюблённостей в баронессу Дризен или в тридцатипятилетнюю Аделаиду Константиновну, уже повзрослев он страстно влюбился в свою кузину Лилию, чуть постарше его. И сколько бы Лилия не внушала ему, что никаких объятий и слияний тел или душ у них нет и не может быть, оставив надежды лишь на сестринскую

любовь, Игорь по-прежнему был увлечён своей кузиной.

*Жемчужина утонков стилия,
В теплице взрощенный цветок,
Тебе, о лильчатая Лилия,
Восторга пламенный поток!
Твои каштановые кудри,
Твои уста, твой гибкий торс –
Напоминает мне о Лувре
Дней короля Louis Quatorze.
Твои прищуренные глаза –
...Я не хочу сказать глаза!.. –
Таят на дне своём экстазы,
Присудская моя лоза.*

Кончилось это тем, что когда его отец, завербовавшись на работу в пароходство в Порт-Артур, повёз своего сына через Москву, где в это время и состоялась свадьба Лили, Игорь хотел кончить жизнь самоубийством. Хорошо, что не получилось. А дальше уже длиннее путешествие на поезде с отцом через Урал, Сибирь и Дальний Восток, запомнившееся ему на всю жизнь.

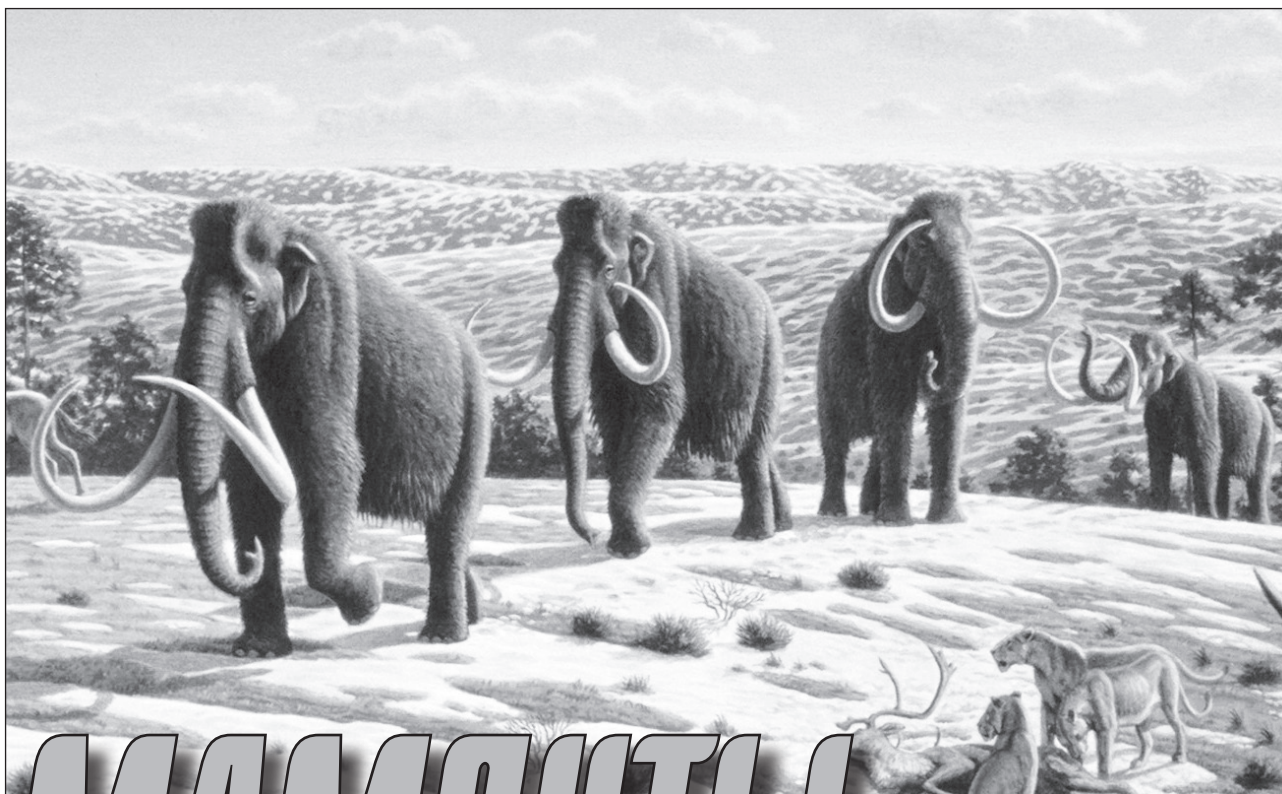
*Я видел сини Енисея,
Тебя, незлобивая Обь,
Кем наша «матушка Рассея», –
Как несравнимая особь, –
Не зря гордится пред Европой;
И как судьба меня ни хлопай,
Я устремлён душою всей
К тебе, о синий Енисей!
Вдоль малахитовой Ангары,
Под выступами скользких скал,
Неслись, тая в душе разгары;
А вот – и озеро Байкал...
Святое море! Надо годы
Там жить, чтоб сметь его воспеть!*

Заканчивается эта поэма, посвящённая своему детству на русском севере, «Роса оранжевого часа», уже после феерического бала на крейсере «Рюрик» в Порт-Артуре, возвращением из китайских портов в родные места на Гатчине, где его ждала мама. И он мчался подростком, один, через весь Дальний Восток и Сибирь, сбежав от отца к далёкой родине своей:

*Чтоб целовать твои босые
Стопы у древнего гумна,
Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!*

Семнадцатилетний подросток, вернувшись к концу 1904 года в Гатчину, взматеревший, обретший жизненный опыт и некую толику цинизма и иронии, уже прекрасно понимает своё Дао, свою творческую суть – быть русским поэтом и более никем.

Но гений русского поэта выкован был в северных реках, и нигде больше.

МАМОНТЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ!

В Хатанге состоялась презентация уникальных музейных экспонатов, черепа и скелета Сопкаргинского мамонта, не имеющих аналогов не только в России, но и за рубежом. За последние 115 лет для территории Таймыра – это первая и пока единственная находка мамонта замечательной сохранности.

История обнаружения останков мамонта относится к 28 августа 2012 года. В районе метеорологи-

ческой станции «Сопочная Карга» (3 км от мыса «Сопочная Карга»), вблизи п. Воронцово одиннадцатилетний ненецкий мальчик Женя Салиндер заметил показавшуюся из грунта большую кость. О находке мальчик незамедлительно рассказал полярникам метеостанции. Впоследствии эта находка получила название «мамонт Женя» (по имени первооткрывателя) или «Сопкаргинский мамонт» (по месту находки).

В Таймырский музей новость пришла 4 сентября – в день 75-летия музея. Информация быстро дошла до палеонтологов России и спустя некоторое время на место приехали учёные.

Раскопки были проведены в первой половине сентября 2012 года при участии сотрудников метеорологической станции «Сопочная Карга», местных жителей, координатора проектов Международного мамонтового комитета в России –

Сергея Горбунова и сотрудника Российской академии наук – Алексея Тихонова.

В момент обнаружения туша мамонта находилась в стенке обрыва, зафиксированная в толще вечной мерзлоты в лежачем положении, на правом боку. Извлечение туши из вечной мерзлоты продолжалось на протяжении недели, и уже в конце сентября, благодаря помощи ПАОГМК «Норильский никель» и бывшего руководителя администрации Таймырского муниципального района Олега Игоревича Шереметьева была доставлена в Дудинку. А в последствии, в начале 2013 года отправлена в Зоологический институт РАН (г. Санкт-Петербург) для дальнейшего комплекса работ по изучению останков мамонта учёными-палеонтологами, специалистами по консервации, таксидермистами.

Удивление специалистов и огромную научную значимость в результате длительных исследований вызвали практически полная комплектация костных останков, шкура и мягкие ткани (продольные пучки мускулатуры, идущие вдоль позвоночника, часть мышечных пучков поясных конечностей) полностью сохранившиеся на правой половине тела молодого мамонта Жени. В полости тела найдена часть внутренних органов (перикард сердца, фрагменты ткани печени, межпозвоночные диски). Кроме этого, сохранился половой орган, что позволило с уверенностью говорить о половой принадлежности данного животного – самец.

В процессе колоссально сложной работы были отпрепарированы кости, проведена обработка сохранившейся шкуры с правой стороны туловища, а так же головы и 4-х конечностей.

На консервацию была потрачена почти тонна спирта. Из мягких тканей методом мумифицирования были изготовлены сухие анатомические препараты. Большая часть этих препаратов изготовлена впервые. Учёные описали скелет, отобрали образцы мягких тканей. И то, что «Сопкаргинский мамонт» представляет исключительную научную ценность и, безусловно, является уникальным экземпляром, сомнений уже ни у кого не вызывает. Работа по изготовлению музейных экспонатов из останков Сопкаргинского мамонта продолжалась более двух лет.

Учёные проанализировали отметины на костях мамонта Жени и установили, что они являются следами охоты древнего человека. По словам старшего научного сотрудника Отдела палеолита Института материальной культуры РАН Владимира Питулько, возраст находки составляет не менее 45 тысяч лет, а значит, люди жили и охотились в Арктической Сибири намного раньше, чем считалось прежде. Так же, установлен индивидуальный возраст Сопкаргинского мамонта, который оценивается в пределах от 13 до 16 лет. Высота тела, в области хол-

ки составляла около 235 см. Предполагаемая масса тела от 1700 до 2400 кг.

Кроме этого, впервые у Сопкаргинского мамонта выявлены зубные патологии, не описанные ранее у мамонтов. У исследуемой особи развит только правый постоянный бивень, при этом альвеола левого была деформирована. Патология левого бивня свидетельствует о нарушениях процессов индивидуального развития у относительно молодого животного.

После всестороннего изучения в Зоологическом институте РАН в Санкт-Петербурге мамонт в виде половинного чучела, смонтированного скелета с мягкими тканями и с отдельными анатомическими препаратами был передан в Таймырский краеведческий музей. Долгожданный ценный экспонат занял достойное место в постоянной экспозиции музея, чему мы, музейщики, очень рады и надеемся, что это важное научное и историческое событие раскроет множество тайн и загадок из жизни этих великих исполинов.

И. НИКОЛАЕНКО

пос. ХАТАНГА,
Красноярский край

Философия СИБИРИ

Читая А.К. Омельчука, невольно думается: вот такой, наверное, книгой пространства, неразорванной на рельеф и людей, и должна быть география. Вот так должна она передавать облик страны и образ её запечатлённый в ней в своём замысле и воплощении. Такой открывают нам Сибирь книги тюменского писателя и отечествоведа Анатолия Константиновича Омельчука. Его богатое творческое наследие настоящего географа органично продолжает книга «Сибирь – Сон Бога». Прекрасно иллюстрированная, в том числе и экспрессивно-лиричными зарисовками автора, она оставляет впечатление

философской антологии бесед Анатолия Омельчука со столь же мудрыми сибиряками и сибироведами. Среди них Валентин Распутин, Иннокентий Смоктуновский, Дмитрий Замятин, Сергей Шойгу, Юрий Неёлов, Барантой Бедюров, Фёдор Гиренок, Виталий Ларичев.

Напрасно автор переживает вначале, что название книги не передаст её содержания. Они как раз очень даже созвучны своим единым восторгом перед Сибирью, значит, и перед Россией. Сибирь ведь это и есть Россия. Когда вы пересекаете океан или хотя бы Босфор, то понимаете, что попадаете в другую часть света. Другие города, другие люди. В России этого нет. Урал «не только не разъединяет, а, наоборот, самым тесным образом свя-

зывает «Доуральскую и Зауральскую Россию»» – писал Пётр Савицкий. Тундровая и таёжная природные зоны Урала. За исключением юго-западного угла страны, вся Россия и есть Сибирь, а наша северная столица и есть её столица. Чем Европу тянуть до Владивостока, разумнее Сибирь до Осло растянуть.

Нет таких слов, которые могли бы выразить размах нашей Сибири. Она значительно обширнее такого материка, как Австралия. Контуром Сибири можно свободно накрыть три Индии или две Западные Европы. Даже США и Китай уступают по размерам нашей Сибири.

Сибирь даже больше современной России, фрагмента когда-то вырванного из целого. Узнаем из книги

Анатолий Омельчук.
СИБИРЬ – СОН БОГА –
Тюмень ООО «Инфо-плюс», 2015.

А.К. Омельчука, что территория старинной Тобольской губернии превышала некогда по площади современную РФ. Потому что включала вместе с Вятской волостью, не только почти весь современный Казахстан, но ещё и Аляску, самый нынче большой штат США. Было это в те времена, когда мы настоящих американцев (индейцев) в православие обращали и гордо именовали себя трансконтинентальной державой с Тобольской губернией, раскинувшейся на три материка (Европу, Азию, Северную Америку).

«Сибирь – Сон Бога» прививает любовь к Сибири, а это лучшее что можно сделать для конструирования будущего России. А любовь начинается с восхищения. Выясняется нам есть чем гордиться. Это наши имперские атрибуты, которых мы как бы стесняемся, наше положение на перекрёстке цивилизаций, великий русский язык, русская культура. «История Российской империи не позорна. Возможно, это лучшая империя в истории человечества» – пишет Анатолий Омельчук. Россия – геополитический продолжатель самых крупных в истории межконтинентальных империй: держав гуннов, Чингисхана, царей и Союза. Через Византию наша страна унаследовала наследие Древней Греции. Сама формула «Москва – третий Рим» напоминает о верности России первоначальным канонам христианства. Именно тут наибольшего накала достигает «поле мистеральных игр Бога» и связанное с ним мистическое «умозрение в красках» – от иконописи до Геннадия Райшева.

Испанцы гордятся своими воинственными конквистадорами. Англичане воспевают мужество своих мореплавателей. Создание же Народной Империи,

которую создали русские землепроходцы в своём движении на восток, не стало базовым компонентом отечественной истории. За 50 лет они продвинулись больше, чем на 100° в.д. Во всей всемирной истории невозможно указать другого подобного примера окончательного завоевания столь обширных пространств с таким сложным этническим составом, в столь короткий срок и таким ничтожным количеством людей. В то же время англоевропейцам для того, чтобы освоить территорию Северной Америки от Атлантического до Тихого океана, понадобилось около 350 лет. На границе Аляски и Канады русское племя встречается с англосаксонским. Две ветви европейцев, направившись в разные стороны почти из одного центра, вновь сошлись на другом конце земного шара. История их народов – есть история колонизаций.

Но если национальным триумфом американской истории стала своеобразная «фронтирность», сложилось целое направление исследований роли фронта в формировании нации и государства, то у нас нет какой-либо

«землепроходческой» атрибутики, подобной ковбойской или золотоискательской, ни атрибутики «Дикого поля» как степной границы между Востоком и Западом, между мусульманской и христианской цивилизациями, не говоря уж о западном фронтире, утвердившемся в Черновцах, Львове и Риге. Мы как будто стесняемся своих колониальных завоеваний. Их история выпала из российской идеологии и географии. Книги Анатолия Омельчука делают всё возможное для её возрождения.

Некоторым московским умам Сибирь не нужна. Сырьё, – говорят они нам, – многого не стоит, а стоит что-то стоящее, например, компьютеры или новые марки автомобилей. «Не лучше ли, – язвят мастера парадоксальных вопросов, – вместо северного завоза организовать вывоз северного населения». Ставится вопрос об ограничении прав государств, неспособных распорядиться выпавшими на их долю природными богатствами «нашего дома – космического корабля Земля». Густозаселенные и цивилизованные страны, мол, имеют на них свои права. «Наши пространства –

обуза и беда, без них мы бы давно уже были в самой Европе, стали бы полноценным членом сообщества цивилизованных стран». Оттого, наверное, россияне в своём большинстве не усматривают в потере пространства особой беды. «Живут же маленькие Нидерланды!», – восклицают они. Не потому ли столь легко, в одночасье, одну из величайших стран на земле удалось ввергнуть в рамки начала XVII века?

Забывается, что пространство, по словам выдающегося географа-патриота Ю.К.Ефремова, природный ресурс высочайшей дороговизны, вместилище всех других ресурсов и богатств. В кульминационные моменты войн, называемые сражениями, дело чаще всего сводится именно к захвату известного пространства. Людей кладут насмерть за клочок любого пространства. Правители знают: людей можно будет заменить другими людьми, незаменимых людей нет, а вот пространство заменить будет нечем. Наши прадеды оставили нам великое достояние. Значительная часть их работы по обретению пространства могла быть проделана только однажды и в строго своё время. Только отдаём мы, не нами добытое, за один день и бедственную «беловежскую» ночь.

«Сибирь – колыбель человечества» – твёрдо произносит вслед за последними археологическими открытиями Анатолий Омельчук – «Нет, я не настаиваю. Пусть всё остальное человечество меня не поддерживает... могу предположить, что это заблуждение. Но: хочу заблуждаться (с. 27). Нет, автор не заблуждается. Описывая в беседах с сибирскими археологами Диринг-Юрях на Лене, Сундуки в Хакасии, Денисову пещеру на Алтае, Мальту у Байкала, он утверждает существенную роль Сибири в

становлении человека и человечества.

Как о «вулкане народов» писал об южносибирских горах великий Н.В. Гоголь. Затем сибирскую историю надолго сковали представления о материковом оледенении. Для Севера и Сибири они очерчивали пределы в 10–12 тысяч лет. Замораживались археологические изыскания, где раз царило оледенение, то «незачем и нечего» искать. В зависимости от принимаемой или концепции, оледенения или потопа, мы получаем две диаметрально противоположные картины человеческой истории, две онтологии жизни. Если Сибирь охватывал ледник, то человек, безусловно, тропического происхождения и пришёл из Африки. Его переходы хорошо передают красочные изображения на стенах естественнонаучных музеев и биологических кабинетов. Сначала ходящие на четвереньках обезьяны встают на задние лапы, затем победоносно шествуют с тяжёлым копьём на плече, превращаясь в человека, почему-то непременно в виде только мужчины белой расы, иногда даже в современном костюме с галстуком.

Но если ледника не было, если сибирские равнины заливал Потоп, как об этом доносят все предания, то тогда, возможно, само человечество

сохранилось в горах Южной Сибири и расселялось оттуда. Тогда и сам человек предстаёт чем-то вроде «падшего ангела». Значит, не закрыты для него пути к новым преобразованиям и возвышениям.

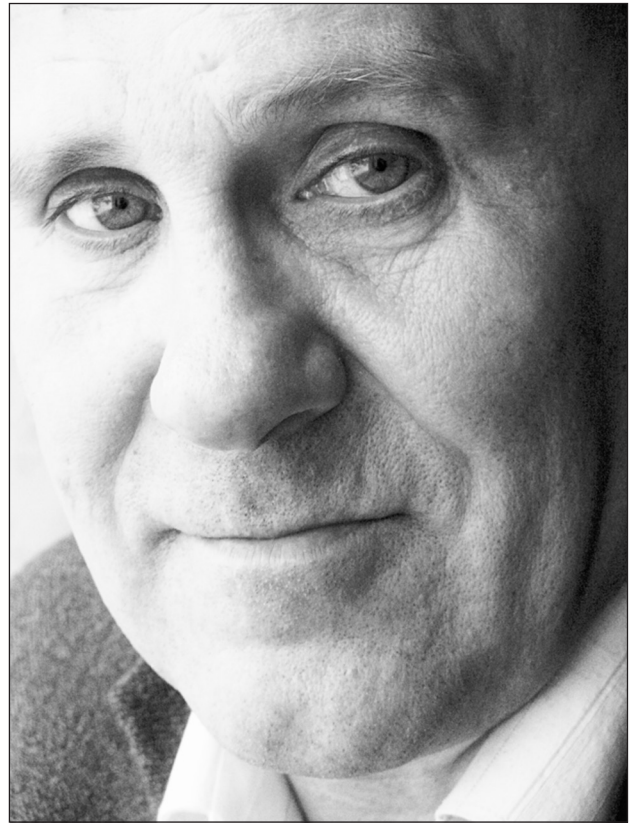
Многими своими возвышениями обязана человеческая мысль Сибири. На её примере были смяты представления о древнем складкообразовании как о главном пути образования земного рельефа. Родилась неотектоника. Здесь биологическая наука выявила одно из самых эндемичных земных образований – озеро Байкал. И оно породило целый ряд новых представлений в биологии. С берегов Байкала берёт начало российское социально-экологическое движение, очистительным смерчем смётшее многое из отжившего.

«Сибирь – сон Бога» продолжает дарить новые представления общечеловеческого звучания. Думается мне, что очень нескоро, когда нас уже не будет, напишут, что книги А.К. Омельчука родили родиноведение, науку замысловатую, сплетённую из диалогов и раздумий, и даже не науку вовсе, а вид творчества. И каких отсюда, от сибирских глубин, ждать новых обновлений, каких сновидений?!

Юрий ГОЛУБЧИКОВ

Нерукотворный памятник Николая Абрамова

Не стало Николая Абрамова... Поэта, журналиста. Члена Союза писателей Карелии. Заслуженного работника культуры Республики Карелия. Автора многочисленных поэтических сборников, вышедших на родном вепском и не менее родном – русском, а также на финском, венгерском, эстонском, французском языках. Поэтической звезды родного Подпорожского района. Надежды младописьменного вепского литературного языка. Не стало хорошего друга...

Познакомились мы с Николаем Абрамовым более 20 лет назад. За 20 лет у меня было достаточно времени убедиться в неприкаянности и притягательности его натуры. С одной стороны – это взлохмаченный Депардье, взрывной, несобранный, неугомонный. С другой – глубоко ранимый, тонко чувствующий поэзию человек, обладающий при этом мощным духовным стержнем и образной поэтической строкой. Судьбоносные вехи поэта повторяют и названия выпущенных книг «Тридцать три», «Время журавлей», «Поговорим, брат...». Работая над каждым стихотворением, как говорится, «на разрыв», Николай Абрамов отождествляет своё умение интонационно – с болью и нежностью – раскрыть выбранную жизненную тему с творчеством своих кумиров – Есенина, Высоцкого, Рубцова. Не случайно, книга «Поговорим, брат...» посвящена памяти рано ушедшего из жизни поэта – Пааво Воутилайнена. Судьбу которого, как и своих любимых поэтов, Николай во многом и повторил...

Помимо журналистской и литературной деятельности, Николай профессионально занимался фотографией, снялся в нескольких любительских фильмах. В 90-е и в на-

чале 2000 годов имя Николая Абрамова частенько мелькало на страницах российских газет и журналов. Статьи о вепском поэте вышли в еженедельнике «Литературная Россия» и в сборнике «Вепсская литература» (изд. ЛитРоссия, г. Москва). На состоявшемся в августе 2010 г. в Оулу (Финляндия) XI Международном конгрессе финно-угорских писателей Абрамов был избран в правление Международной ассоциации финно-угорских писателей. Известны песни на стихи Николая и его стихотворные переводы на вепский песенных текстов, среди них, записанный Национальным ансамблем песни и танца Карелии «Кантеле» для зимней Сочинской олимпиады, хит группы Queen «Мы чемпионы».

Но главное Абрамовское наследство – это пронзительная любовная лирика. Целый ворох нежных лирических стихотворений бросил поэт к ногам представительниц слабого пола! Также проникновенно звучат строки поэта, посвящённые судьбе Белой веси, родному краю и милой матушке, которая всегда ждала сына домой, в деревню Ладва Подпорожского района... В родную землю его и положили 26 января 2016 года. На погост жители деревни везли Николая на тракторе, по сугробам, оставляя в снежной борозде еловые веточки. А до этого было многолюдное

прощание в Петрозаводске, и – по пути – в городе Подпорожье, где в районном клубе звучали его стихи...

Не хочется верить, что Николая нет среди нас. Он скончался после непродолжительной болезни, всего за несколько часов до своего «пятерочного» юбилея. Но двуязычная книга «Пятьдесят пять», об издании которой Абрамов не раз упоминал в разговорах, обязательно выйдет! Собирая Абрамовское наследие по крупицам из уже состоявшихся публикаций, даже не смотря на десятилетнюю опалу поэзии в нынешней республиканской прессе («неформат» лирических стихов потихонечку поглощает и другие средства массовой информации), я уверен, что друзья и коллеги Николая сделают всё возможное, чтобы такой сборник как можно раньше увидел свет. Но презентация «избранного» пройдёт уже без авторского пригляда... На отпевании раба Божьего Николая в траурном зале Петрозаводска священник попенял присутствующим, что слёзы их напрасны, что покойный обрёл более лучшую загробную жизнь. Всё так. Небогато, с вечно неустроенным бытом жил национальный поэт вепсской земли, ютился в каморке городского общежития, где разогревал суп на маленькой почерневшей электроплитке. Но – это была его творческая среда. И в любое свободное время Николай рвался в деревню, там, окашивая траву или поднимая завалившуюся баню, вынашивал планы следующего стихотворного сборника и выступления перед читателями, там – сердце его наполнялось новыми рифмами, новыми проявлениями любви к жизни!.. А с разверзшегося перед усопшим Неба не посыплется к нам на землю, как манна небесная,

ненаписанные и не прозвучавшие стихи и песни. Надо ценить талантливых людей чуть-чуть пораньше смерти.

Стихи Николая Абрамова поставили его в ряд выдающихся писателей нашей многонациональной республики и вепсского Белозерья – об этом почётном звании со знанием дела говорил Маркку Ниеминен на презентации совместной книги Н.Абрамова и Н.Зайцевой «Золотые слова» в декабре 2015 года, завершающей серию «Классики карельской литературы». «Золотыми словами» удалось поделиться Николаю во время выступления на поэтическом вечере, за месяц до своей кончины... Слово, что окликало поэта – всю его творческую жизнь: и во время первых шагов в журналистике в Подпорожье, и на редакторской работе в газете «Kodima», и – в должности сотрудника Национальной библиотеки Карелии, и на Ладвинском берегу Ояты – будет жить на страницах его книг и в памяти читателей, друзей, земляков.

Как-то после волны школьных сочинений по творчеству поэта Николая Абрамова, прокатившейся по школам Подпорожского района, Коля показал мне привезённую с дома крошечную газетную заметку о проведении конкурса на лучший проект его – Николая – прижизненного памятника, для установки его на родине знаменитого земляка. Тогда мы просто посмеялись над неловкой шуткой газетчиков. Сейчас – самое время вспомнить об этом, ведь «нерукотворный памятник» – книги Николая Абрамова – лежат на моём столе.

Олег МОШНИКОВ

г. ПЕТРОЗАВОДСК

Русский Север на Крылатских холмах

Каждый житель России знает, что немалая часть территории нашей страны относится к зоне вечной мерзлоты. Её длина вдоль Северного Ледовитого океана составляет почти 10 тысяч километров, а ширина – несколько сотен километров. Но земля эта не брошена.

Тысячи людей живут и трудятся в этом суровом крае, который богат многочисленными минеральными ископа-

емыми. И немалый процент ВВП пополняется именно этим богатством. Одно из важнейших мест в этом регионе носит название «Русский Север». В него входят вся Архангельская губерния, часть Вологодской и большая часть Кольского полуострова. Человеку, никогда не бывавшему здесь, русский Север представляется долгой, суровой зимой, отсутствием какого-либо тепла и бесконечной

тундрой. На самом же деле земля эта привлекала именно своей красотой. Когда наступает короткое лето и тундра зацветает, то это представляет собой впечатляющее зрелище. Это может оценить только художник. Буквально до самого горизонта вся поверхность земли покрывается цветущим ковром, на который хочется лечь и вдохнуть уникальный аромат цветущих тундровых растений. Впервые эту красоту

открыли для жителей России два выдающихся русских художника – **Валентин Серов** и **Константин Коровин**. В начале 20-го века они совершили творческую поездку в тогдашний небольшой посёлок под названием Мурман (ныне г. Мурманск). И в течение целого месяца при незаходящем солнце они писали десятки этюдов, запечатлевая удивительную красоту Севера. По возвращении в Москву они устроили выставку на основе своих быстротечных этюдов, и выставочный зал буквально ломился от количества зрителей, которые были в восхищении от увиденных художественных произведений.

В конце 70-х годов XX-го века в Московской организации Союза художников России (МОСХ) было создано объединение художников под названием «Русский Север». Возглавил его тогда художник среднего поколения Валерий Комаров. И вот уже на протяжении почти 40 лет члены этого объединения до начала 90-х годов регулярно совершали творческие поездки в этот удивительный край, который впервые открыли для зрителя В.Серов

и К.Коровин. В первой половине 80-х годов к руководству этого объединения подключился и искусствовед **Лев Милловидов**. И с этого времени в различных СМИ стали появляться его статьи, посвящённые творческой деятельности художников этой группы. Периодически стали проводиться художественные выставки в различных выставочных залах Москвы. И, как правило, несмотря на все трудности в те годы по выпуску печатной продукции в свет выходили хоть и скромные, но очень важные художественные альбомы, в которых было представлено искусство этих художников. Костяк данного объединения составляли заслуженный художник РФ **Виктор Кудрин**, художники **Евгений Гаврилкевич**, **Артём Попов**, **Борис Кельберер**, **Александр Стебаев**, **Николай Воронцов** и другие. Во второй половине 80-х годов большую помощь и поддержку этому объединению стал оказывать секретарь Правления СХ России по выставочной деятельности – народный художник РФ **Владимир Щербаков**.

После развала Советского Союза для всех творче-

ских организаций наступили тяжёлые времена. Полностью прекратилась государственная поддержка Союза художников России, прекратил свою деятельность художественный Фонд, благодаря которому осуществлялась материальная поддержка всех российских художников. Особенно это проявилось в прекращении финансирования творческих командировок художников. И вот уже на протяжении 25 лет художники объединения «Русский Север» как и все другие, совершают свои поездки за свой счёт, что стоит немалых материальных затрат.

И, тем не менее, любовь к искусству заставляет большинство художников ежегодно отправляться на русский Север вновь и вновь.

Последними значительными выставками этой группы художников были два вернисажа, проведённые в 2007 году в выставочном зале на Покровке 37 и в 2013 году – в картинной галерее «Замоскворечье». К сожалению, на сегодняшний день ввиду преклонного возраста ушёл из жизни целый ряд художников. Но вместо них в объединение вступают новые члены. Среди них – народные художники России – **Н.Желтушко** (Москва), **В.Попов** (Подмосковье), заслуженные художники России **Н.Буртов** (Москва), **В.Губарев** (Подмосковье), **В.Воскобойников** (Брянск), художник **В.Пермиловский** (Подмосковье) и другие. Но постоянным руководителем объединения «Русский Север» по-прежнему остаётся Валерий Комаров. Этот большой подвижник и блестящий организатор продолжает быть главным стержнем всей группы художников. И сегодня, вновь подавая пример для устройства в 2016 году групповой выставки, он в конце 2015 года устроил свою персональную выставку в московской галерее «Крылатский орнамент». На суд взыскательного

московского зрителя он представил около 70 картин, выполненных в технике масляной живописи. Все картины были, естественно, посвящены русскому Северу.

Этот край был заселён русскими людьми много веков тому назад. В те далёкие годы он был единственным регионом в Российской Империи, где отсутствовало крепостное право. Благодаря этому все жители трудились для себя и жили довольно зажиточно. Каждая семья имела большой дом в два, а то и в три этажа, большое подсобное хозяйство. Но самое главное, это были, как правило, большие семьи, насчитывающие от 10 до 20 человек. И всего лишь за два летних месяца благодаря кропотливому и плодотворному труду они создавали для себя то благополучие, которое позволяло им быть независимыми от тогдашнего государства.

Валерий Комаров совершил за прошедшие годы десятки творческих поездок в полюбившийся ему до глубины души этот суровый край. Здесь им были написаны сотни этюдов. И на основе этого богатого этюдного материала художник в своей мастерской продолжает до сегодняшнего дня создавать произведения искусства, часть из которых он и представил на своей персональной выставке. Зритель, посетивший экспозицию

В.Комарова, получает возможность окунуться в удивительную красоту северной природы, почувствовать высокий духовный мир, который создал своим трудом человек и восхититься архитектурными памятниками деревянного зодчества. Храмы, выстроенные из дерева, большинство из которых насчитывает не одну сотню лет, являются без преувеличения, жемчужиной всего деревянного зодчества, некоторые из которых находятся под охраной международной организации ЮНЕСКО.

Валерий Комаров окончил знаменитую московскую среднюю художественную школу, которая до середины 80-х годов располагалась в здании напротив Третьяковской галереи, и учащиеся имели возможность практически ежедневно её посещать, совершенствуя своё мастерство. Затем художник продолжил своё образование в полиграфическом институте и немало последовавших за учёбой лет отдал работе, связанной с художественным оформлением книги. Но одновременно Валерий Комаров работал и в технике живописи и ярким подтверждением тому является сегодняшняя его персональная выставка. Его искусство лишено каких-либо эффектов и рассчитано на подготовленного зрителя, который разбирается

в живописи и понимает её. Цветовая палитра, применяемая автором, помогает ему передать на полотне богатый внутренний мир природы Севера и это ему удаётся в полной мере. Специалисты от искусства непременно заметят грамотное расположение планов на холсте и мастерское композиционное решение задуманного сюжета. Иногда художник вводит в картину фигуры человека и животного, что значительно оживляет картину. Особенно интересны названия его картин. Являясь блестящим рисовальщиком, Валерий Комаров придерживается основного постулата при написании любой картины: рисунок и колорит являются основой живописного мастерства. Кроме того, художник имеет профессиональное музыкальное образование. Вот почему в некоторых его картинах явно слышится музыка сфер. На протяжении многих лет В.Комаров настойчиво занимается сочинением различных музыкальных произведений, соединяя классическую музыку с современными джазовыми вариациями, и нередко его музыкальные произведения звучат в эфире различных радиостанций. Талант этого незаурядного человека проявляется и в поэзии. Стихотворные строки так и льются из его сердца и души. Он уже выпустил несколько стихотворных сборников и все они для любителей поэзии не прошли незамеченными. И недаром целый ряд его художественных произведений своей формой и содержанием превращают грубую прозу в тонкую лирику.

За прошедшие 35 лет на глазах художника произошли большие изменения в жизни северных деревень. Если в конце 70-х – начале 80-х годов, посещая ту или иную деревню, художник наблюдал оживлённую жизнь каждой из них, то сегодня он видит

нередко опустевшие деревни с заколоченными ставнями и закрытыми на простую щеколду дверями. Старые люди умерли, а молодёжь из-за отсутствия каких-либо перспектив в современной жизни покинула свои дома. С горечью и болью наблюдает художник за разорением многовекового уклада жизни этого удивительного по красоте русского Севера, и он хочет верить, что активная жизнь должна возвратиться в эти ныне опустевшие деревни. Не может и не должно быть так, чтобы край, заселённый сотни лет тому назад при наличии огромного природного богатства оставался в крайнем запустении. Но благодаря творчеству художника зритель воочию может убедиться на выставке В.Комарова в том, что эта земля обязательно получит своё второе рождение, а своим искусством художник продолжает нести гуманистические идеи, заложенные его предшественниками ещё в 19 веке. Пожелаем этому талантливому художнику, композитору и поэту с его огромным творческим потенциалом дальнейших творческих успехов.

В 90-е годы 20-го и в начале 21 веков, когда члены северного пленэра «Русский Север» были вынуждены прекратить свою деятельность на некоторое время, то в последние годы северный пленэр возобновил такую нужную для всего общества работу. В любом начинании всегда необходим подвижник и организатор. В городе Мезень – это заместитель мэра **Екатерина Михайловна Аннюк**. Придавая большое значение культурно-просветительской деятельности и в стремлении создать в городе свою картинную галерею, Екатерина Михайловна с большой радостью откликнулась на желание группы художников «Русский Север» возобновить пленэр на её родине. Она проявила к ним максимальное

внимание и заботу, отлично понимая, что в жизни города может возникнуть совершенно новое направление в культурно-просветительской деятельности. Практически всё своё свободное время она уделяла художникам, чтобы они почувствовали радушно северное гостеприимство.

Эта местность в своё время привлекла внимание заслуженного художника России Виктора Попкова и будучи там в творческой командировке, он написал серию работ, вошедших в русское изобразительное искусство под названием «Мезенские вдовы». Местные старые жители до сих пор вспоминают этого прекрасного человека и замечательного художника. По договорённости с Администрацией города Мезень северному пленэру было присвоено имя Виктора Попкова. После трёхнедельного пребывания художников и напряжённого труда они устраивают отчётные выставки работ, выполненных на местном материале. И в течение двух дней практически все жители города посещают местный краеведческий музей, где происходит непринуждённый разговор между художниками и зрителями. И каждый раз убеждаешься в том, что простой, неискушённый в искусстве народ даже в самых отдалённых уголках нашей страны тянется к познанию высокого профессионального искусства и все жители г. Мезень с нетерпением ждут создания в их городе собственной картинной галереи. А начало этому художники северного пленэра уже положили, передавая в каждый свой приезд несколько произведений. Выражаем надежду, что наша дружба с городом Мезень будет продолжаться очень долго.

Л. МИЛОВИДОВ,
Заслуженный деятель искусств
России

ВЕТЕР В ТВОИ ПАРУСА

Юрий Васильев

Юрий Васильев личность на Крайнем Севере известная. Его романы «Твой шаг на земле», «Карьера Русанова», и его повести «Ветер в твои паруса», «Дом Варга», «Право на легенду» – о трудных буднях горняков, лётчиков, рабочих, охотников на северной земле. Оставила здесь свой след и Валерия Васильева – корреспондент сусуманской газеты «Горняк Севера», ответственный секретарь «Полярной звезды» в Чаунском районе, старший редактор Магаданской студии телевидения.

Но это не рассказ о творчестве писателя или карьерном росте способного журналиста. Это просто их письма ко мне. Мне кажется, однако, что письма эти – тоже история. История любви, дружбы, взросления двух молодых людей шестидесятых годов прошлого века, впрочем, типичная для того времени и того Севера:

«Привет, шемаханская царевна! А у меня жена приехала из командировки! Тут как раз получил от тебя письмо, мы были так рады, и даже решили каким-то образом не обдумывать этот вопрос, а написать тебе сразу, так сказать, в порядке самодеятельности. Нет, ты видишь, что может сделать Чукотка с нормальными в общем-то людьми?!

Лерка прилетела два дня назад, мы пили коньяк и «Айгошет» и взахлёб рассказывали друг другу всякие разности, т.к. и она и я впервые побывали на настоящей шаманьей земле. Я тоже был в колхозе перед этим, провонял копальхой – это такая смесь, там или рыба или мясо, или всё это вместе кладётся в землю и ждётся, что из этого выйдет. Выходит витаминизированная вонь, такая густая, что

пройти мимо невозможно. Турция пахнет кофе, Сингапур бананами, южная Африка расизмом, а Чукотка – копальхой. Это тебе для справки. Я видел настоящего шамана да не какого-нибудь занюханного, а такого, что он в своё время тут был прямо князьком, потом – председателем туземного совета, потом заведовал сельпо, в общем, нашёл общий язык с Советской властью, был награждён грамотами и всячески отмечен. Он меня прямо околдовал, я и фото сделал много: хата, а на её фоне трактор. Чуешь? «У дома старого шамана»...

Мы без тебя иногда скучаем. Не так чтобы смертельно, и не так, чтобы каждый день, но скучаем. Ты бы вот взяла да сделала себе командировку в Провидения. А что, если, сидя в Сусумане, умудряешься и в Билибино или Иульгин вырваться, то и к нам и подавно можно – под тем соусом, что в Сусумане оленей мало осталось, так нельзя ли из Провидения завезти, мы как-никак по оленеводству на первом месте! Диван у нас хоть и не мягкий, но широкий и удобный, с лампой и подушкой, его уже Наталья Розенберг своим весом опробовала – помнишь такую, в Сусуманском райкоме работала, а сейчас лектор в окружном комитете партии. Баба просто легендарная, нет такой дыры на Чукотке, где б она не побывала на оленях и пешком. Лерка её в командировке

встретила, где-то там они в бане мылись. Это тебе не Сусуман, там с партийным работником запросто в бане не помоешься. А у нас здесь всё по-домашнему, по-семейному, я и сам секретаря райкома в пижаме видел, ей-богу не вру! Ну, а если что и приврал, так Лерка поправит, она у меня добросовестный человек, никак не приучится, что я не вру, а фантазирую. Да сама всё увидишь, только приезжай. Еды у нас всякой много, вкусной, ты бы тут разгулялась. Ну а готовлю я по-прежнему хорошо...

Это был Юрка, а теперь я, Валерия, а то на машинке почерк у нас похожий, ещё не разберёшь.

Валька, я в первый раз была в чукотском колхозе, так что понимаешь... Во-первых, самое близкое и хоть не во все моменты приятное общение с морем. Добирались туда катером – двенадцать часов! На обратном пути крепко потряхнул шторм. А между посёлками разъезжали на вельботе. Вот это было по-настоящему здорово! Понимаешь, огромное море и небольшая в общем-то лодчонка. И горячий чай, который чукчи кипятили прямо на вельботе. И птичьи базары (целых три!), и ужасно глупые любопытные толстые чайки, они чуть не садились нам на плечи. А когда мы застряли в Нунлигране (есть такой посёлок), не могли выбраться из-за шторма, я увидела в первый раз не на картинке, а в натуре по-настоящему рассвирепевшее море. Волны были высотой в несколько этажей и совершенно белые. Знаешь, как здорово! А я ещё выше – на скале. И они у моих ног, и никак не достанут. Даже настроение поднялось. Ну и конечно, как всегда на новом месте множество новых людей, встреч и т.д.... А как там у нас, в Сусумане в моём родном «Горнячке»? Господи, всё ещё говорю «у нас», хотя уже полгода, как я собкор «Советской Чукотки»! Мне там понравилось, хотя и

сравнивать-то я могу только с «Горняком Севера». Окружная редакция, это, в основном, молодёжь, такие, знаешь, очень живые, человечные и все недозвольные ребята, хотя в самого редактора, Бориса Рубина, все просто влюблены. Но всё равно – ещё очень скучаю по Сусуману, причёт там всем, и в редакции, и Ивану Дронову, и нашим соседям Бражникам, Юрка вот кричит: передай им, что они самые лучшие соседи на свете – соседи коммунистического общежития...»

«Наш Сусуман»... Так это и останется на всю жизнь. «Да, у меня есть возможность попасть в Сусуман, – ликовал Юрка. – Тут такое дело. Прислал мне телеграмму милый дядька Клейн, ну тот, с «Большевика», что изобрёл подземный горный станок – «Спешу сообщить, что ваш прогноз оправдал, днями приступаю к промышленному испытанию». Это я очерк о нём писал. Попробую закинуть начальству удочку, хочу, мол, лично быть на испытаниях – как-никак мой подопечный изобретатель!» Лера завидовала: «Юрка – счастливчик, всё же побывал там. Зато я обязательно перед отпуском заеду, ведь добираться будем через Магадан, а после Чукотки такое не крюк – запятая». Да и я много позже, вернувшись на Север после восьми лет жизни в Москве, в первую командировку покатила по трассе – до Сусумана.

«Наш Сусуман» потому, конечно же, что здесь мы родились как журналисты. Валерия на год раньше меня, в шестидесятом, закончив журфак МГУ, начала работу, как и следует, от «сохи» – в промышленном отделе рабочей газеты. И я, вчерашний литсотрудник отдела писем «Магаданской правды». А ныне её собкор в крупнейшем горнопромышленном районе на первых порах часто просила опытного коллегу посмотреть заметки: «Я тут стаккер со скруббером не перепутала?» Ну а Василь-

ев, вообще, хоть и постарше нас, но в журналистике салага: выпускник Тимирязевки по случаю, «за бархатный голос» взяли диктором на Магаданское радио. А обнаружив, что ещё и язык хорошо подвешен, доверили работу в районе.

«Наш Сусуман» для Васильевых ещё и начало их трудной счастливой любви. Они тогда только поженились, и им выделили две комнаты в коммуналке, где жила большая и дружная семья Бражников – шофёра и работницы сбербанка. Я же надолго застряла в гостинице, полагая, что не к лицу собкору областной партийной газеты обивать пороги в райисполкоме с просьбой о жилье. Дом Васильевых был единственным для меня знакомым в Сусумане, но бывать там я старалась реже: «Им, конечно же, хочется побольше побыть вдвоём». Но не тут-то было! Молодожёны уже успели «усыновить» фотокора газеты Ивана Дронова, который вообще жил в редакции: забили дверь между своими комнатами, пробитую новую – в коридор, и одним обитателем коммуналки сало больше. Теперь взялись опекать и меня. Не отстанут от дежурной телефонистки, пока та меня не разыщет: «Дуй к нам, ужин стынет!». А весной, уезжая в отпуск, вторую свою комнату отказали мне, пустив якобы «на подселение» и зная, что уже не вернуться сюда.

Впрочем, о Васильевском гостеприимстве. О разговорах до утра, о сумасшедших выражениях на Юркином мотоцикле могли бы рассказать многие и многое. Да и в Привидении они только поначалу «одичали» без этого людского круговорота, соблазняя и меня перебраться на Чукотку:

«Славная земля. В младенчестве ещё. Летом тут, по слухам, купаться можно, а уж загореть – до синевы, – расписывал Юрка. – Мы б к тебе нет-нет, да и завернули, где-нибудь по дороге с Врангеля

на Сиреники. Потрепаться мне тут, понимаешь, не с кем. А мне не поговорить, так я и заболеть могу». Но вот в том же году Лера: «Летом и осенью у нас было оживлённо. Кого только навигация к нам не заносила. Почти как в Сусумане. И артисты, и журналисты, и этнографы, полярники, и какие-то ребята из ЦК ВЛКСМ, а теперь и писатель Болдырев и его жена скульптор Ивановская. У него книжка про Колыму – «Гибель синего орла», читала?»

Ну, а уж когда я сама выбралась в командировку на Чукотку «Васильевы» всюду и для всех звучало как пароль. В том самом Нунлигране, добираясь до которого на катере в осенний шторм я тоже чуть не утонула, меня опекал герой Лериного очерка. В Лорино без документов узнал начальник погранзаставы: «Я ваш портрет у Васильевых видел». А когда, намотавшись по районам, просидев в пургу семнадцать суток по районам (вот уж наговорились!) мы улучили «окошко» и примчались на аэродром, его начальник, увидев юрку, спросил: «Может ей ещё на месяц отметку сделать о нелётной погоде?»

«Ох, Валька, какое это, оказывается, блаженство – отдельная квартира! А мы уже отчаялись: и Провидения-то выбрали не только потому, что было два места мне собкором окружной газеты, Юрке – собкором областного радио, нам говорили, будто с жильём тут благодать. Миф! Люди месяцами, а то и годами живут в гостинице. Мы, было, поселились в маленьком домике гидрографов. Стоит он на сопке, в очень красивом месте, в километре от посёлка. Дороги к нему нет. Нет радио и парового отопления. Зато есть романтика и телефон. А потом оказалось, что есть и крысы. Когда они обнаглели до того, что съели наши котлеты, пришлось-таки удирать в гостиницу. Потом нам всё ж дали комнату – целых четырнадцать «квадратов».

Тут и машинка, и магнитофон, и гости, и деловые встречи, и соседи – далеко не Бражники. И когда выяснилось, что у нас будет ребёнок, пришлось в инстанциях ставить вопрос ребром: или приличное жильё, или мы уезжаем. Хотя, конечно же, этого вовсе не хотелось, уже прикипели. И люди нравятся – здесь как-то всё просто, по-семейному. И посёлок хорош. Он скорее похож на город. Есть даже пятиэтажный дом, одноэтажных вообще мало. А школа просто удивительная! Теплынь здесь необыкновенная – 5–6 градусов мороза! Даже странно, что где-то есть 50-ти градусный Сусуман. Правда. Если уж запуржит... Представляешь, снег с прослойками воздуха, и всё это несётся со скоростью пятьдесят метров секунду...

Но главное, Валька, море! Я ещё, когда в первый раз летела в Провидения и увидела из самолёта море, настроение стало какое-то торжественное. Всё-таки это здорово жить возле моря, видеть его каждый день. Когда льды начинают таять и ветер их разгонит, картина прямо «рокуэлкентовская» – зелёное море плещется о белые сопки, а наверху голубое небо. Нет, нам очень нравится Провидения, а уж теперь и вовсе. Потому как у нас теперь Своя! Отдельная! Квартира! Да ещё двухкомнатная – просторно и никаких тебе соседей и друг от друга есть куда спрятаться. Впрочем, Юрка утверждает, что у нас не две, а целых шесть комнат: спальня (она же детская), гостиная, кухня-столовая, ванная, туалет. А шестая кладовка, превращённая в кабинет – там Юрка пишет свой роман. Очень даже уютный кабинетик получился. Приезжай, сама увидишь. Пишет он по ночам, чтобы не отвлекаться. Весной уже обещали печатать. Но не знаю, успеет ли: многое переделывает, рвёт, снова начинает.

Вот такие наши дела – роман и бэби. А что у тебя? Как

там город Сусуман? Что с моим «Горняком»?»...

Юрка пишет роман? Ну и ну! Конечно, говорун он, каких поискать – готов рассуждать всегда и на любую тему, от гинекологии до астрологии. И слушать его одно удовольствие! Ни один человек, ни тогда, нипотом не производил на меня такого впечатления. Казалось, будто пред тобой внезапно вспыхнул разноцветный фонтан – так сразу весело, легко, празднично! В вихре его острот, каламбутов, розыгрышей я и сама будто становлюсь и легче, и веселее, и умней. С Лерой мы были как-то уж очень похожи, недаром юрка нас называл «дубль ВИ» – Валерия Ивановна и Валентина Ивановна. Обе слишком уж добросовестные, слишком уж прямодушные, слишком уж закомплексованные. В нашей маленькой сусуманской компании Юрка, конечно же, был оракул. Он сам это знал, подшучивая за очередным «Дружеским ужином». «Роли здесь расписаны раз и навсегда: Лерка после первой же рюмки спит, Иван молчит. Валька ест, а я го-во-рю». Всегдашняя его ирония над всем и вся (и самоирония тоже!), ёрничанье, какое-то шутейное отношение к жизни создали Васильеву славу весёлого циника, приятного, но поверхностного человека. Типичный «пофигист» не совсем типичный для того времени, оттого всегда на подозрении у начальства и благонамеренных граждан. И вот тебе на – Юрка пишет роман. Ну, помню, вышла у него тощая книжечка очерков – и очень даже симпатичных, но роман... Впрочем, это, наверное, знакомо каждому: вроде знаешь человека вдоль и поперёк, что называется, и вдруг он такое отчебучит...

«Валюшка, милая, хорошая, дорогая! А я наоборот, свинья, скотина, сволочь... Если продолжать, то займёт пять страниц. Но я не буду, ибо верю в твоё доброе, а главное, справедливое сердце.

Ты всё поймёшь. Вот Юрка, тот действительно гад. Он мог бы давно написать. Он – лентяй. А у меня – обстоятельства. Ты представляешь, какая у меня сейчас жизнь? Газета, дом, хозяйство, ребёночек (и муж скотина, везде пепел бросает). Нет, честно, Валюша, у меня ещё никогда так не было, чтобы ни одной минутки для себя не оставалось. Я ведь теперь в районной газете работаю – ответственный секретарь. Бывают минуты ужасные. Это когда редактор в командировку уезжает, и я остаюсь на «хозяйстве». Уж не говорю о газете (материалы, макеты, вёрстка, вычитка – корректор нам не положен, всё сами). Нужно же ещё и предприятием руководить. Я (!) – администратор!!! А ведь приходится. То у нас, понимаешь, отопление не работает, то надо в морском порту кассо-реалы выколачивать, то доставать масло для машины, то наборщиц мирить. Представляешь меня с этой роли? А тут как-то заболела наборщица-метранпаж, так мы сидели в редакции до полуночи. Я сама и набирать стала. И верстать. Весёленькая самодеятельность! Не понимаю только, зачем мне это всё надо.

А теперь хочешь, расскажу про младенца? Зовут его Юрий Юрьевич – Юрасик. В сентябре ему исполнится уже девять месяцев, так что сейчас уже не только пелёнки и грязные штаны, но есть и довольно приятные моменты. Очень общительный парень растёт. В ясли ходит с удовольствием. Очень любит, когда дома много народу. Юрка меня называет тигрицей и сумасшедшей матерью. Это потому, что я не выношу детского крика и вообще – «порчу ребёнка». Попробуй вынеси, когда он ночью орёт и орёт. Но, честно говоря, я и сама не ожидала в себе такого обилия материнских чувств. Мне страшно нравится мой ребятёнок, по-моему, он самый красивый! Вообще-то я сейчас уже опытная мамаша, но видела

бы ты меня в первые дни... Юрки-то не было, он в Магадан улетел да и заболел там, так что вышла я из роддома и оказалась один на один с новой жизнью. Спасибо, была у меня книжка чешская «Наш ребёнок». По ней я училась брать его на руки. Репетировала на плюшевом зайце. Когда я своего сына в первый раз опустила в ванну, мы с ним оба перепугались – просто ужас. А сейчас-то мы о-г-г-о! Уже два зуба есть, хлеб пытается кусать. Говорить почему-то, прежде всего, научился «дядя». Орал его во всю глотку, вызывая у родителей недоумение. Сейчас вопит «папа» и «баба». А «маму» никак не хочет. Райком партии подарил ему синий шерстяной костюмчик и шубу. Я жду, не дождусь. Когда всё это можно будет на него надеть. Скорее бы уж ходить начал.

В общем приезжай скорей! Увидишь всё своими глазами – и меня, забегавшуюся до потери сознания (веришь, едва выбираю время почитать) и младенца Юрку. И другого Юрку, который тебе сам про свои дела напишет, потому что он, вроде, здесь и, вроде, нет – то сидит, запершись в своей кладовке, то спит, то в бегах – ещё ж и для радио надо что-то сделать».

«Про свои дела» Васильев, однако, написал не скоро:

«Валька! А у нас весна! Ах, ешь твою двадцать, прямо сопли распустить можно, сантиментов полон рот. Почему дураки-художники околачиваются по Переделкиным да южным морям, так это я не знаю. Я сейчас, понимаешь, живу ненормально, с точки зрения нормальных людей: днём сплю, а ночью работаю. Иначе ничего не получается, люди разные мешают, и вообще мне как-то лучше ночью живётся. И вот в полпятого-пяты я выхожу на улицу. Иногда там простокваша сплошная, облепит всего, постоишь так для гордости минуты две – и домой. А иногда не загонишь. Чисто всё,

как нигде не бывает. Всего три цвета: Красное солнце, голубое небо и снег, и чёрные сопки. Никаких тебе полутонов, никаких недоговоренностей, всё конкретно, без загибов. Так бы и жить надо, наверное. Вот такой я Манилов. Всё от того, что жена опять где-то шастает, уж она бы меня поправила. Вообще, Валька, я с ней развожусь, надоела мне эта лавочка, я уже забыл, какого цвета у неё волосы. Только ведь приехала от косторезов, привезла мне какой-то кубок, сам Туккай, говорит, делал. Повилила тут хвостом, порассказывала, как за ней чукча ухаживал, и опять драпа – на месяц. А я в тоске, того и глади с работы погонят, ибо ни черта не делаю. Я бы и рад, да меня как-то пустили на самотёк, никто мне ничего не заказывает, никто не ругает пока, не интересуется, что я и как. Пришлю – хорошо, нет – не надо. Вообще-то я понимаю, что удельный вес моих районов крошечный, областному радио часто давать отсюда материалы просто нет возможности. Делаю в месяц две передачи, пару кадров, одно-два чьих-нибудь выступлений да десяток информаций. Это, конечно, мизер, это я за пять дней успеваю, можно и в три раза больше, но надо ли? Вот и жду – погонят. А будет жаль. Говоря откровенно, меня такая жизнь устраивает, это то, о чём я мечтал. Если б не вот эта моральная конфузливость, что я даровые гроши заедаю, всё было бы блеск. Ближайшее начальство дальше, чем калифорния, тутошнему до меня дела нет – я им лекции по литературе читаю, не дебоширю, они и довольны.

В конце лета уезжаю в Лаврентия, думаю побыть там месяца полтора. Куча планов и глубокая уверенность, что ни черта не сделаю. У меня в новых местах месяц уходит на то, чтобы очухаться. Вот ты в прошлом своём письме по мне босиком прошлась – мол, сказчик я, каких мало, мол,

Альберт Мифтахутдинов и Юрий Васильев на Чукотке

на магнитофон меня надо записывать и так далее. В том-то и беда. Чертовщина какая-то получается! Кучу всякого хлама привезу, самому радостно, болтаю без умолку, а сажусь писать, и начинаются слёзы. Ты думаешь, я что-нибудь путное смог сделать из своего шамана? Такую сложную канитель развёл, тошнота – куда всё девается, ума не приложу. У других, смотришь, и материал шивший, и вообще бойкости нет, а напишут – и ходишь сутулый от сознания собственного ничтожества. И на гладкопись тянет, на подлежащее-сказуемое, на всякие завиточки. Ладно, не буду...

Эх, ты бы на меня посмотрела, когда я вёрстку романа получил. С картинками, с заставками, с литерами. Триста семьдесят страниц! Я новую рубашку надел, вымылся, суп себе сварил. Тихий ходил, ладаном от меня несло. Штаны даже решил себе новые купить. А потом опять скучно стало. Ладно, закругляюсь, а то ведь так всю бумагу изведу. А мне ещё

романы писать надо, на бес-смертие себе зарабатывать...»

Васильев и скука?! Да одни его розыгрыши чего стоят! Лера в командировке, а юра с гордостью – по секрету! – рассказывает всем своим новым друзьям, будто его жена одна из семи (!) человек во всей Магаданской области, кто круглый год купается в море. И все потом на неё почитительно и с робостью взирают, про себя недоумевая, почему ж этот такой заслуженный «морж» чихает и кашляет, искупавшись в термальных источниках под Лорино. А история с моей медвежьей шкурой? Все мы в отпуске в Москве, живу я, конечно, у Васильевых. И вот едем мы с Валерией в знаменитую комиссионку, что в Столешниках, покупать ей шубу. И вдруг я вижу на прилавке роскошного белого медведя. Шубу побоку, заталкиваем шкуру в багажник такси – и домой. Ну, а потом уже багажом в родной Сусуман. На товарной станции Юрка рассказывал наивным гражданам, будто эту шкуру мне подарил

сам Отто Юльевич Шмидт, наш знаменитый полярник. Так красочно, в деталях врал, что даже в Магадане ему поверили, хотя народ насчёт полярников и пограмотней. Ну, а уж его байка про могилу Анны Петровны Керн это вообще – классика. В том же отпуске было. Васильев впервые оказался в знаменитом ресторане Центрального дома Литераторов. Ну и представьте состояние человека ещё вчера что-то там стучавшего на своей старенькой машинке, в кладовке, что называется, на краю света, а сегодня сидящего рядом со столиком Симонова, Евтушенко и т.д. и т.п. тут и трезвая голова закружится... В общем, пропал парень – трое суток ни слуху. Ни духу. Я, лёжа на своём роскошном белом медведе, перечитываю «Три товарища», в самых слёзных местах отрываясь, чтобы позвонить в милицию, Склиф, морг. Валерия в другой комнате мрачно ходит из угла в угол – это в первый раз такое, чтобы муж не ночевал дома!

– Всё, развожусь, сил моих больше нет!

Через полчаса:

– Валька, если вдруг что – я прямо отсюда, с третьего этажа... Возьмёшь нашего пацана? Не отдавай бабушкам-дедушкам, хочу, чтобы ты его воспитала...

Наконец явился. И мы услышали дивную повесть, как неведомо почему оказался он на каком-то корабле, долго плавал по неведомым рекам, а потом сошёл на берег – тоже незнаемо где... Парк, старая усадьба, фамильный склеп. Присел радом на мраморную плиту, смёл листья и вдруг: «Анна Петровна Керн». Мой же рассказ, как однажды, будучи в командировке в Торжке, гуляла я в загородном парке и наткнулась на могилу «гения чистой красоты», расцвеченный до неузнаваемости! С тех пор у нас так и повелось, если Васильев в нетях, значит «ищет могилу Керн».

Нет, скука и Васильев понятия несовместные.

Но может быть и такое – остряк, весельчак, душа компании, а в самой-то душе пусто, оттого и «опять скучно стало»? Ответ на этот вопрос всякий найдёт в том же романе «Твой шаг на земле», что писался в кладовке. Это первая книга Юрия Васильева, за которую его и приняли в Союз писателей – факт по тем временам редкий. Впрочем, лишь прочитав его второй роман «Карьера Русанова» не только мы, его друзья, но, наверное, и любимая жена Лера, узнали, какой глубокой, напряжённой и мучительной духовной жизнью жил этот весельчак, балагур и выпивоха.

Кто читал роман, не мог не заметить, насколько же старше самого себя двадцатисемилетний Геннадий Русанов! По уму, мудрости, даже умудрённости опытом жизни, по охвату её, по отношению к себе и людям. И заметили, конечно, как часто и охотно он выговаривает себя в дневнике, в размышлениях, в спорах с самим собой. Но только с самим собой –

вот что интересно. А на людях – ирония (и самоирония, прежде всего), ёрничанье, разные выходки, чтобы показать себя ещё хуже, чем его люди знают. И даже самому себе герой не очень-то доверяет, обнаружив однажды «душу живу»: «Значит, есть у тебя всё-таки пушистый комочек? Бережёшь про себя, любишь, гладишь его, когда никто не видит? Давай. Давай! Только не к лицу вроде бы супермену над цветочками засушенными вздыхать, письма старые ленточкой перевязывать... Ох, Геннадий, как ты мне надоел за эти двадцать семь лет!» («Карьера Русанова», Магадан. Книжное изд-во, 1988, стр. 179).

Конечно же, Русанов литературный образ, но, конечно же – как это часто и бывает – автор рассказывает и о самом себе. О своих ошибках, горьком опыте, падениях и подъёмах. Васильев рассказал истово, откровенно, беспощадно, раскрываясь до самого доньшика – и сам же вынося себе приговор: «Они живут, а ты играешь в жизнь» (там же). Но так же истово, упрямо, безжалостно отсекая всё наносное, герой продирается к себе настоящему – и потому «нагота» эта не вызывает отвращения, напротив, не один такой падающий и поднимающийся, я думаю, выбрал Русанова себе спутником.

Недаром же «Карьера Русанова» так и осталась самой популярной книгой Юрия Васильева: только в Магадане она переиздавалась трижды. У меня есть именно это, последнее, издание с трогательной надписью, так несвойственной автору: «Валечке – другу моего сердца до конца жизни, и другу её жизни – Володе с благодарностью. Пусть всё у нас будет о,кэй!» А дело в том, что в доме Васильевых не оказалось ни одного экземпляра книги, чтобы подготовить её к переизданию. Не было и у меня – зачитали ещё в Магадане. Нашлась, однако, у моего мужа: ни сном ни духом не

зная ни обо мне, ни о Васильеве, купил когда-то в аэропорту родного Челябинска. Купил просто потому, что про Колыму, куда летел в командировку на испытания бульдозеров.

Но это я уже забегаю далеко вперёд, в конец восьмидесятых, когда все мы уже жили в Москве. А пока год шестьдесят седьмой, но уже Певек. Валерия – редактор районной газеты «Полярная звезда», а значит, то линотип в землю провалиться, то место новой типографии выбивать надо, то наборщицы бунтуют, то невеста у сотрудника отравилась, «а ещё ж газету надо делать, а в редакции кроме меня три работоспособных человека».... И сам Васильев, вроде, весь в делах:

«За работу я взялся – в Магадане, наверное, все в ужасе! За полтора месяца выполнил квартальный план, очерки шлёпаю по килограмму в день. Попишу маленько про золотодобытчиков, пойду на северное сияние посмотрю, потом снова про оловодобытчиков...

А вот живу плоховато. В том смысле, что настроение смурное: всё время мучит мысль, что делаю что-то не то, занимаюсь не тем, и вообще, вкривь всё и вкось, хоть и башкой вразумляю себя – всё это временно, всё перемелется. Я тут повеселился над твоим слёзным письмом по поводу «первого большого юбилея». О, великая тридцатилетняя женщина, между нами говоря, мне-то через несколько месяцев тридцать семь! Это значит, что до пятидесяти осталось всего тринадцать. Ох, спешить надо... А я чем тут занимаюсь?!

Однако есть одна стоящая идея. Тебе в Певек командировку не дадут? А что? Свободно! Ты ж это умеешь: наобещать редактору целую полосу с какого-нибудь хозпартактива в каком-нибудь районе и как бы случайно застрять в Провидения или Певеке. Приезжай – идея и впрямь хороша. А пока для затравочки: я иду в

путешествие, в Очень Большое Путешествие, и слушай внимательно! Если у тебя есть карта Магаданской области, то ты глянь и увидишь, что верховья Малого Анюя почти соприкасаются с верховьями Анадыря. У казаков карты не было, они нутром допёрли, и вот они, в своё время, с низовьев Колымы так добирались до Анадыря. Места эти на редкость интересны по всем статьям: там и природы, хоть ложкой хавай, медведи всякие, пороги, леса настоящие, а не наши чахоточные кустики. Там, по течению этих рек, куча посёлков самых невероятных – заброшенные прииски, геологические партии, какие-то, похожие на скит, поселения лесорубов, деревни самые настоящие, с околицами, петухами, есть даже хутора, что ли, в которых тебе не каждый скажет, где у них ближайшая власть и какая она на вид. Живут там чукчи, эвены, коряки, хохлы, а также весь наш национальный кагал от евреев до эстонцев. Есть даже такая национальность – колымчане. Эта этническая группа имеет, пожалуй, только одну национальную особенность – упрямство. Смотрит на тебя такой тип с ярко армянским носом и говорит – «колымчане ми» Это честно – целый табор вот уже полтора года лет себя колымчанами именуется...

А потом есть Анадырское пароходство – затоны всякие, тони, баржи, катеришки в полторы лошадиные силы, капитаны в байковых кальсонах – ну, Вальк, ЭТО ЗАПОВЕДНАЯ СТРАНА, и я там должен быть. А как? А вот так: с весны я пролетаю это маршрут на случайных «анушках» – их тут много, сажусь, где надо, и оставляю там небольшую базу – жратву, в основном. Это на местах, где придётся идти пёхом, и где от жилья не близко. От радио беру командировку, заинтересовываю этим делом ещё какие-то организации, издательство, конечно тож. Пообещаю им сотворить «Моби

Дика». А в середине июля – по самой воде, по самому медвежье-ягодному грибному времени выхожу с Зелёного мыса на перекладных, то есть где на лодке, где на катере, где на лошади с лесниками. Таким макаром я доберусь до Билибино, оттуда до Иллернея, а там пёхом до устья Малого Анюя. Тут самое сложное – нужна лошадь, так как впереди перевал и путь до устья Анадыря. В устье у меня база: жратва, койкакой инструмент. Спустился немного – строю плот...

Вид у меня к этому времени страшный, медведи шарахаются в сторону – я при карабине, при фотоаппарате и кинокамере, а на пузе у меня жужжит примус... По дороге я посещаю Ламутское, Ерпол, Снежное. Газеты к тому времени уже надорвутся от усилий удовлетворить просьбы читателей рассказать поподробней о столь героическом переходе, а как будет звучать в Анадыре медь, как будут трещать ограждения на стадионе, когда я в сопровождении...

А что?

Беда: никто со мной идти не хочет. Тут двоих уже в больницу увезли – понадрывались от смеха. А Лёшка Молодов – помнишь, у нас в «Магаданке» художником работал? – который мне про всё это и рассказывал, пока раздумывает идти или нет. А одному никак нельзя – какой чёрт совершать разные подвиги на глазах у равнодушной природы? Она и не такое видела. И вообще, такая прогулочка не для одного.

Ты ещё не догадываешься, к чему я так всё это расписываю? Я, конечно, знаю, что хрупкие женские плечи не поднимут много, но ты ведь шлялась целый месяц по камчатке: на верёвке по снежнику в Долину Гейзеров спускалась, на Ключевской вулкан лазила и даже видела след настоящего медведя – помню, помню эту фотку!

Так что соглашайся. Поставь в известность своё начальство,

и пусть оно даст тебе сюда командировку – для уточнения деталей. И в самое ближайшее время! А я пока – зная твои аппетиты – буду запасать жратву...»

О, сколько уговоров, лети, угрозидажепрямогошантажа – «вообще уволюсь, если не отпустите!» обрушили мы оба на головы своих начальников. Но кто ж это отпусти двоих собколов на весь промывочный сезон ради сомнительной авантюры! Ну, я то ладно, для меня это ещё одно Очень Большое Приключение. «Давно уже ничего не выкидывала, – откликнулась я на это приглашение. – Святостью от меня уже попахивает. Нет, хуже, как из брошенной церкви: плесенью, старостью и мышами. Оставишь меня в тайге, вести с медведями политико-воспитательную работу. Я на такой стадии, что, думаю, пойму их».

Однако самому Васильеву было не до шуток. После успеха первых двух романов перед ним встал извечный вопрос: что дальше? Эксплуатировать и впредь знакомый «типаж и антураж», значит, заведомо писать слабее. Нужны новые темы и новые герои, но какие? Те Колыма и Чукотка, которые застали мы, молодёжь шестидесятых, в плане чисто литературном, казалась голой скалой с то-ню-сень-ким культурным слоем, словно минное поле, уставленное красными вешками: «сюда нельзя, об этом не стоит». Помню, в очерке о замечательном «деде Глазырине», создавшем в Билибино музей, у меня была одна лишь фраза, намёк даже, что герой сидел в лагере. Что-то вроде, «не матерью, но мачехой встретила его северная земля». В редакции «Социалистической индустрии» настойчиво посоветовали согласовать эту «деталь» в местном КГБ. Корреспондента газеты ЦК КПСС не удостоили даже приглашения в кабинет, сотрудник беседовал со мной «в предбаннике» для посетителей. И, конечно же, посоветовал «это» убраться.

– Может, вообще написать, что Колыма была пионерским лагерем? – зло спросила я. Офицер лишь вежливо улыбнулся.

Нет, даже Куваевская «Территория» ещё ждала своего часа, а уж тема, на которой сделал себе имя Виталий Шанталинский, вообще казалась невысказанной. Впрочем, не знаю, взялся бы Васильев за это, большое для него: и отец, и мать сидели в колымском лагере как «чешские шпионы» (учились в Чехословакии, а позже отец в качестве переводчика сопровождал по России Юлиуса Фучика). Юра и школу заканчивал в Нексикане, приехав после мытарств по родным и знакомым к родителям «на поселение». Можно было, конечно, уйти в совсем уж «дальнюю» историю – Дежнёв, Тан-Богораз, Обручев, Седов... Но и история мертва без запахов, точных деталей, знания быта, языка – тех самых «старинных сёл, с околицами и петухами, казачьих хуторов, хохлов и коымчан», до которых нам не суждено было добраться.

Нет, свою ЗАПОВЕДНУЮ СТРАНУ Юрий Васильев, конечно же нашёл. Его романтические повести: «Капитаны остаются на корабле», «Ветер в твои паруса», другие книги писались и выходили уже в Москве – но всё это был Север. Иначе, наверное, и быть не может, когда ты тридцать лет ходил, летал, плавал по этой удивительной земле. Но вот той узнаваемости, родства «каждой сопки и каждой речки», как в первых двух романах, напитанных Сусуманом, Колымой, лично мне уже не хватает. Впрочем, вышел у него и детектив, написанный «по мотивам» нашумевшего в Москве убийства. Лихо закрученный, психологически тонкий, он имел успех. Можно было «шлёпать дальше», тем более что и мода приспела. Но ввязался азарта ради, чтобы доказать – и это могу! –

и поставил точку: «не моё»... Последние годы уже тяжело больной, работал над книгой, которую считал главной – «Ветер на крыше мира». Философско-приключенческая повесть с элементами фантастики и мистики, как определил он сам её жанр в интервью «Литературной России» седьмого декабря 2001 года. Сказал ещё. Что книга практически готова, осталось кое-что поправить – по желанию издательства.

Двадцать шестого декабря он умер. Ночью. Сердце остановилось.

А через три месяца мы хоронили Валерию. Помню, как я пыталась её подбодрить, ссылаясь на статью американского профессора, который утверждал, что болезнь Паркинсона, конечно, тяжёлая, но «опасности для жизни не представляет», Правда, там ещё было сказано, что стресс, депрессия могут запустить такие механизмы, что процесс станет неуправляемым. Врачи подтвердили, что так и случилось.

А может, и в другом дело.

По натуре Лера казалась полной противоположностью мужу. Не то что амбиций – уверенности в себе, вроде бы, никакой. Вот, уже в Москве, зову её к себе в отдел писем, предлагая на выбор место корреспондента или техническую работу с почтой. «Ты что, в «Соц. Индустрии» такой уровень – корреспондентом не потяну!» А через несколько лет была уже заместителем редактора отдела машиностроения и приборостроения. Редкое упорство, умение «расколоть» любую проблему, «мужское» перо – вот какого журналиста приобрела наша газета.

При всей её нелюбви быть на виду – постоянно в профкоме или партбюро, потому как всем известно: Васильева тихая и скромная, но не сподличает, не прогнётся, не промолчит.

Помню, когда «Социалистическую индустрию» закрыли и многие из её журналистов

стали зачинателями новых изданий, мало кто в коллективе получил столько предложений о сотрудничестве, как Лера. Что саму её, кстати, удивило: «Вот уж не думала, что ко мне так относятся», – призналась с растерянной улыбкой. Ещё бы, такие «тягачки» всегда и всюду в цене, а уж когда хороший работник ещё и человек хороший...

Она и семье была «тягачком», незаметный и упорный труд которого изо дня в день крепил этот союз двух. Нет, я не о быте – к кухне Юрка её не подпускал, умел и любил готовить сам. И не о деньгах – в писательских семьях вовсе не редкость, когда «кормилец» жена. Я о достоинстве и самостоятельности человеческих, о терпении и терпимости женской, о редком даре жертвовать всем и вся ради любимого человека.

– Лера, может в театр? Ой, не могу, Юрка-старший болеет!

– Лера, у нас экскурсия в Ясную Поляну! Ой, извини, не хочется Юрку одного оставлять... И даже попав в больницу, просит нас, друзей, навещать не её – Юрку: «он вечно не помнит, где лекарства, а вдруг приступ!». И так всегда и во всём. А без этого и незачем стало жить...

Да и сам Васильев тоже: сорок лет каждую минуту и по каждому поводу: «Лера! Лерка! Леронька!» Видно, и там ему нужно было слышать её укоризненно-беспомощное: «Ну, Ю-Р-А», когда хмельное веселье или безудержная фантазия превышала всякую меру.

Теперь они снова вместе...

Валентина ЖУРБА,
собственный корреспондент
«Магаданской правды»
по Сусуманскому району
в 1963–1967 годах,
собственный корреспондент газеты
«Социалистическая
индустрия» по Магаданской,
Камчатской областям
и Якутской АССР в 1969–1971,
1979–1985 годах